

VIII
УЙОМОВСЬКІ
ЧИТАННЯ
(2020)

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ
ОДЕСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ
ІМЕНІ І. І. МЕЧНИКОВА
ФАКУЛЬТЕТ ІСТОРІЇ ТА ФІЛОСОФІЇ

VIII
УЙОМОВСЬКІ
ЧИТАННЯ
(2020)

Матеріали
Наукових читань пам'яті Авеніра Уйомова

Одеса – 2020

УДК 1

У 32

Рекомендовано до друку Вченою радою факультету історії та філософії

Одеського національного університету імені І. І. Мечникова.

Протокол №6 від 10.03.2020.

Редакційна колегія:

к.філос.н. Є. М. Іванова;

к.філос.н. Л. Л. Леоненко;

к.філос.н. Д. М. Ляшенко;

к.філос.н. К. В. Райхерт (відповідальний редактор);

д.філос.н. Л. М. Терентьева

У 32 **VIII Уйюмовські читання (2020)** : матеріали Наукових читань пам'яті Авеніра Уйюмова / від. ред. К. В. Райхерт. Одеса : Одеський національний університет імені І. І. Мечникова, 2020. 148 с.

Збірка містить тези доповідей, спогади та статті, представлені на восьму конференцію «Наукові читання пам'яті Авеніра Уйюмова», яка відбулася 29 травня 2020 року в місті Одеса, Україна, на базі факультету історії та філософії Одеського національного університету імені І. І. Мечникова.

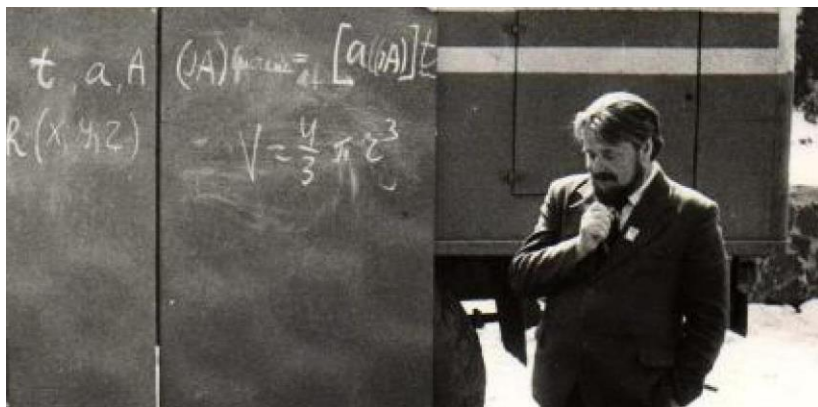
Збірка адресована всім тим, хто професійно займається проблемами логіки, філософії науки, системології та синергетики, а також усім тим, кого цікавить сучасна філософія.

Тексти представлені в авторській редакції. Редакційна колегія не завжди поділяє точку зору авторів. За точність і достовірність викладеного матеріалу всю відповідальність несуть автори.

УДК 1

© Автори матеріалів, 2020

© Одеський національний університет імені І. І. Мечникова, 2020

Авенір Іванович Уйомов

(04.04.1928 – 29.05.2012)

доктор філософських наук, професор, дійсний член Міжнародної академії наук, промисловості, освіти та мистецтва (Каліфорнія, США), академік Академії історії та філософії, природничих і технічних наук, академік Української академії економічної кібернетики, академік Міжнародної академії організаційних і керівних наук, дійсний член Міжнародної академії філософії. Автор 480 наукових робіт, включаючи 12 монографій, 5 навчальних посібників, 3 з них у співавторстві. Засновник Одеської школи системних досліджень (відомої також як «Одеська логіко-філософська школа»). Науковий консультант 4 докторських дисертацій і керівник 33 кандидатських дисертацій. Творець оригінальної філософської концепції (вчення про речі, властивості та відношення), оригінальної формально-логічної системи (мови тернарного опису), оригінальної теорії умовиводів за аналогією та оригінального варіанту загальної теорії систем (параметричної загальної теорії систем).

НАШІ АВТОРИ

Афанасьєв Олександр Іванович – доктор філософських наук, професор кафедри філософії та методології науки Одеського національного політехнічного університету

Белявська Олена Костянтинівна – магістр філософії

Білогрива Данієлла Валеріївна – студентка факультету історії та філософії Одеського національного університету імені І. І. Мечникова

Богата Лідія Миколаївна – доктор філософських наук, професорка кафедри культурології Одеського національного університету імені І. І. Мечникова

Бородіна Наталія В'ячеславівна – кандидат філософських наук, доцент кафедри філософії та методології науки Одеського національного політехнічного університету

Вартанова Анастасія Давидівна – магістр філософії

Василенко Ірина Леонідівна – кандидат філософських наук, доцент кафедри політології, соціології та соціальних комунікацій Одеської національної академії зв'язку імені О. С. Попова

Годун Єлизавета Андріївна – студентка факультету історії та філософії Одеського національного університету імені І. І. Мечникова

Голубович Інна Володимирівна – доктор філософських наук, завідувачка кафедри філософії Одеського національного університету імені І. І. Мечникова

Зобенко Оксана Ігорівна – аспірантка кафедри філософії Одеського національного університету імені І. І. Мечникова

Кирилюк Олександр Сергійович – доктор філософських наук, завідувач Одеської філії Центру гуманітарної освіти НАН України

Косогор Тетяна Василівна – студентка факультету історії та філософії Одеського національного університету імені І. І. Мечникова

Кринський Олександр Олександрович – магістр філософії

Левченко Віктор Леонідович – кандидат філософських наук, доцент кафедри культурології Одеського національного університету імені І. І. Мечникова

Леоненко Леонід Леонідович – кандидат філософських наук

Ляшенко Дмитро Миколайович – кандидат філософських наук, доцент кафедри філософії та біоетики Одеського національного медичного університету

Мельниченко Марія Сергіївна – студентка факультету історії та філософії Одеського національного університету імені І. І. Мечникова

Нерубаська Алла Олександрівна – кандидат філософських наук, докторантка кафедри філософії Одеського національного університету імені І. І. Мечникова

Петриківська Олена Сергіївна – кандидат філософських наук, доцент кафедри філософії Одеського національного університету імені І. І. Мечникова

Райхерт Костянтин Вільгельмович – кандидат філософських наук, доцент кафедри філософії Одеського національного університету імені І. І. Мечникова

Рибак Анна Аркадіївна – студентка факультету історії та філософії Одеського національного університету імені І. І. Мечникова

Савусін Микола Павлович – методист департаменту освіти і науки Одеської міської ради

Сумарокова Людмила Миколаївна – кандидат філософських наук, доцент кафедри філософії Національного університету «Одеська юридична академія»

Сумченко Ірина В'ячеславівна – кандидат філософських наук, доцент кафедри культурології Одеського національного університету імені І. І. Мечникова

Тимофєєва Анастасія Юрїївна – студентка факультету історії та філософії Одеського національного університету імені І. І. Мечникова

Тихомірова Фаріда Ахнявівна – кандидат філософських наук, доцент кафедри філософії Одеського національного університету імені І. І. Мечникова

Уткін Олег Сергійович – аспірант кафедри філософії Одеського національного університету імені І. І. Мечникова

Ханжи Володимир Борисович – доктор філософських наук, завідувач кафедри філософії та біоетики Одеського національного медичного університету

Чех Наталя Борисівна – магістр філософії, аспірантка кафедри мистецтвознавства та загальногуманітарних дисциплін Міжнародного гуманітарного університету

Шевцов Сергій Павлович – доктор філософських наук, професор кафедри філософії Одеського національного університету імені І. І. Мечникова

ЗМІСТ

Афанасьев А. И., Василенко И. Л. НАУКА И ЛЖЕНАУКА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ	10
Белявская Е. К., Вартанова А. Д., Голубович И. В. «УСТНЫЕ ИСТОРИИ ФИЛОСОФОВ» С ЛЮДМИЛОЙ НИКОЛАЕВНОЙ ТЕРЕНТЬЕВОЙ	15
Білогрива Д. В. ІСТОРІЯ ПОХОДЖЕННЯ НАЗВИ МІСТА ОДЕСИ	23
Богатая Л. Н. О СЛОЖНОСТИ СИНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ	28
Годун Е. А. ЧЕЛОВЕК НАЕДИНЕ С СОБОЙ	33
Зобенко К. И. ЭТИКА СОБЫТИЙ В МИРЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА	36
Кирилюк О. С. КОНТРОВЕРЗИ СІМЕЙНОЇ ПАМ'ЯТІ. ЧАСТИНА 1. ФАКТИ ЧИ ФІКЦІЇ, АБО ЯК МОЖЛИВИ АЛЬТЕРНАТИВНІ ІСТОРІЇ?	40
Бородіна Н. В., Кирилюк О. С. КОНТРОВЕРЗИ СІМЕЙНОЇ ПАМ'ЯТІ. ЧАСТИНА 2. ПРОТИЛЕЖНІ ТЕОРЕТИЧНІ УЗАГАЛЬНЕННЯ АНТИТЕТИЧНИХ ФАКТІВ І ФОРМАЛЬНА ЛОГІКА	47
Косогор Т. В. «КОРЕЙСЬКА ХВИЛЯ»: ІСТОРІЯ ВИНИКНЕННЯ ТА ОСОБЛИВОСТІ ФЕНОМЕНУ	57

Крынский А. А., Чех Н. Б. СИЯНИЕ РАЗУМА. О. П. ПУНЧЕНКО В ПРОЕКТЕ «УСТНЫЕ ИСТОРИИ ФИЛОСОФОВ» В УКРАИНЕ	64
Левченко В. Л. ЦЕННОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПОЯВЛЕНИЯ НАУЧНОЙ РЕВОЛЮЦИИ	74
Леоненко Л. Л. О КРИТЕРИЯХ ОТЛИЧЕНИЯ СВОЙСТВА ОТ ОТНОШЕНИЯ	76
Ляшенко Д. Н. МОДУСЫ АТРИБУТИВНЫХ СИСТЕМНЫХ ПАРАМЕТРОВ В ОПТС	86
Мельниченко М. С. ПОРОК КАК ИДЕАЛ СОВРЕМЕННОСТИ	90
Нерубасская А. А. СИСТЕМНО-ПАРАМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ «КОРОНАВИРУСНОГО» ОБЩЕСТВА	93
Петриковская Е. С. ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ: ВЕЧНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ	97
Райхерт К. В. ЩОДО ОДНОГО НАПРЯМКУ ДОСЛІДЖЕННЯ В МЕЖАХ ТЕОРІЇ МОДЕЛЮВАННЯ А. І. УЙОМОВА	101
Рибак А. А. ПЕРФОРМАНС ЯК ВИД СУЧАСНОГО МИСТЕЦТВА	104
Савусин Н. П. ПУТИ РАСШИРЕНИЯ ЯТО-4 ДО ЯТО-5	107
Сумарокова Л. Н. О КОММУНИКАТИВНОЙ ЛОГИКЕ	117

Сумченко І. В. ПРОБЛЕМАТИКА АРХАЇЧНИХ КОСМОЛОГІЧНИХ МІФІВ: УНІВЕРСАЛЬНЕ ТА ОСОБЛИВЕ	122
Тимофеева А. Ю. КЛАСИЧНІ ТЕОРІЇ МОДИ: КРИТИЧНИЙ АНАЛІЗ	126
Уткин О. С. ГОВОРИТ ЛИ ПСЕВДО-ДИОНИСИЙ АРЕОПАГИТ ОБ АНАЛОГИИ? CORPUS AREOPAGITICUM В ПРОЧТЕНИИ А. И. УЁМОВА (КРИТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)	131
Ханжи В. Б. ОПТС А. И. УЁМОВА И СИНЕРГЕТИКА В РЕКОНСТРУКЦИИ КОНЦЕПЦИИ АНТРОПНОГО ВРЕМЕНИ: ОСНОВНЫЕ СЛОЖНОСТИ СОЧЕТАНИЯ	134
Шевцов С. П. ПЛАТОН КАК УЧИТЕЛЬ	138
Голубович І. В., Тихомірова Ф. А. СИСТЕМНА МЕТОДОЛОГІЯ СИТУАЦІЙНОГО УПРАВЛІННЯ РОЗВИТКОМ МІСТА У НАУКОВІЙ СПАДЩИНІ А.І. УЙОМОВА	144

Афанасьев А. И., Василенко И. Л.
НАУКА И ЛЖЕНАУКА
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Во времена А. Уёмова проблеме лженауки почти не уделялось внимания. Точнее сказать, к лженауке было отнесено преимущественно то, что не соответствовало марксистско-ленинской идеологии. Соответственно критика «буржуазных измышлений» была довольно рутинной задачей и не составляла проблемы в собственном смысле слова, хотя в названии различных «критик» слово «проблема» и фигурировало. Показательно, что в работах А. Уёмова, как и других выдающихся философов того времени, критика подразумевала не огульное отрицание иных точек зрения, а аргументированное представление своей.

В современных условиях ситуация с лженаукой существенно изменилась. Во-первых, сюда относят то, что действительно не является наукой, но рядится в научные одежды. А во-вторых, лженаука стала серьезной проблемой, особенно на постсоветском пространстве. Одним из свидетельств последнего является обилие публикаций, посвященных критике лженауки. Имеются и авторитетные каналы, сайты, журналы в интернете и на телевидении. Тем не менее, лженаука распространяется весьма успешно. Не последнюю роль тут играют огрехи образовательных систем. Между тем, критика лженауки этот аспект почти не затрагивает.

На первый взгляд кажется, что наука имеет неоспоримые преимущества перед лженаукой. Раньше, пожалуй, так и было. Но в последнее время ситуация изменилась кардинально, и сейчас решение вопроса «кто кого?» не так однозначно. Более того, лженаука приобрела и продолжает наращивать существенные преимущества перед наукой в глазах людей, непосредственно не связанных с наукой. Тому есть несколько причин, корни которых можно обнаружить в системе образования.

Во-первых, в настоящее время имеет место распространение антисциентизма, падение доверия к науке. Хотя система образования строится преимущественно на научном знании

даже в религиозных странах, тем не менее, критика науки распространена не только там, но и в тех странах, где образование отделено от церкви. Науку обвиняют, нередко вполне обоснованно, в экологических и других проблемах. При этом забывают, что справиться с экологическими и вообще глобальными проблемами без науки нереально.

Во-вторых, в современном мире возрастает разобщенность науки вследствие углубления дифференциальных процессов, усложнения научной картины мира, умножения специализированных научных теорий, что, естественно, проникает в образование и закрепляется там. Все это отдаляет науку как от широкой публики, так и от политиков, менеджеров и вообще управленческой элиты. Между тем, от последней во многом зависит принятие важных, порой судьбоносных решений, и если она опирается на лженаучные представления, то ситуация выглядит весьма печально. Тут, правда, все не так безнадежно, поскольку ученых иногда привлекают к решению ряда крупных политических или экономических вопросов, не говоря о преподавательской деятельности. В развитых странах ученые частые гости на различных околонаучных форумах, являются членами различных комиссий и комитетов, проводят разъяснительную, популяризирующую работу и участвуют в экологической и тому подобной важной деятельности. Но актуален вопрос: в достаточной ли мере? К тому же, в большинстве стран мира подобная практика далеко не так распространена. И здесь открывается множество ниш для псевдонауки, особенно когда у руководства страной нет достаточных средств для долгой недешевой исследовательской работы над крупным медицинским, экономическим или военным проектом. В Советском Союзе в конце 1980-х – начале 1990-х годов Алан Чумак по телевизионным каналам загружал некоторой загадочной энергией воду и мази для всех желающих. Аналогично Анатолий Кашиповский проводил массовые, в том числе телевизионные, психотерапевтические сеансы. Миллионы людей участвовали в этих мероприятиях, веря в их лечебную, целительную силу.

И тут скрыта, пожалуй, главная причина успешного распространения лженауки: особенности, если не просчеты, в системе образования. Бытует мнение, что советская, а затем и

постсоветская система образования была хорошей. Но это верно лишь частично и только в плане обучения некоторым видам знаний. Действительно, учебные планы и программы в средней и высшей школе в ряде математических, естественнонаучных и инженерных дисциплин соответствовали мировому уровню знаний, и значительная часть учеников и студентов их успешно усваивали. Разумеется, придется не принимать во внимание генетику, кибернетику, языкознание, многие социально-гуманитарные науки, историю, философию, подвергавшихся идеологическому давлению, искажению, запретам. Но советские ученые, инженеры и техники, создавшие мощные ракетные двигатели, запустившие спутники и космические корабли, добившиеся иных технических свершений, демонстрировали хороший уровень своей профессиональной подготовки. Последующее техническое и технологическое отставание в годы застоя, перестройки и борьбы за независимость на советском и постсоветском пространстве было вызвано уже не столько образовательными, сколько социально-экономическими и политическими причинами.

Однако, советская система образования имела огромный минус, который во многом нивелировал ее хорошие стороны. Дело в том, что любая система образования продуцирует не только знания, даже если ничего другого она не декларирует. В это «другое» входит очень много всего: характер формального и неформального общения в плане ученик-учитель, ученик-ученик, учитель-учитель, способ организации учебного процесса от министерства до ученика, от учителей до родителей, усвоение явных и неявных, сформулированных и несформулированных норм обучения, общения, традиций, связанных как с усвоением и использованием учебного материала, так и огромной совокупности неявных знаний, способов поведения, размышления и проч. Все это «другое» в светской системе образования воспитывало и обучало будущих профессионалов послушности, конформизму, неадекватному патриотизму и среди прочего, как это ни странно, вере в чудо. Этой вере способствовали даже советские научные и технические прорывы, нелогичные в рамках общей культурной или экономической отсталости.

Вера в чудо не всегда имела явную форму выражения. Но в

своем неявном виде она была доминирующей, фундаментальной. Вере в чудо в свое время способствовала всеобщая религиозность населения, эта вера осталась и поддерживалась идеологически в ходе социалистических преобразований, которые подавались как чудо даже в рамках борьбы с религией, на этой вере держались идеалы и цели перестройки, как и становление независимых государств после развала СССР. Явная и неявная вера в чудо превалирует до сих пор, объясняя доверие населения к заведомо провальным экономическим, политическим, медицинским и прочим проектам, обещающим быстрые и эффективные решения, не имеющим достаточного научного обоснования, или, того хуже, основанным на лженаучных представлениях.

Как ни покажется странным, распространению лженауки способствует узкая специализация образования. В этом случае специалист в некоторой области знания не может адекватно оценить уровень подготовки коллеги из другой дисциплины и уровень научности того знания, носителем которого является коллега. Это имеет место даже в смежных областях знания, не говоря уже об относительно удаленных сферах. Соответственно, физик не обнаружит лженаучную теорию в литературоведении, и, наоборот, филолог не увидит лженаучности физической или химической концепции. Между тем, значительная часть лженаучных представлений основывается на относительно простых исходных положениях и не очень сложных аргументах. Поэтому распознать многие лженаучные теории может даже не специалист, а просто хорошо образованный человек, когда в систему его образования специальность вписана как элемент, в отличие от противоположной модели, когда образование подчинено специальности и является частью последней.

Проблема в том, что специалист посмеется над лженаучной идеей и забудет, а неспециалист-любитель может стать активным ее адептом. Именно неспециалисты-любители являются самыми активными проводниками лженауки в «широкие массы». В этом плане призывать специалистов к бдительности и к активной борьбе с лженаукой, разумеется, имеет смысл. Но у них обычно других забот хватает. А вот распространение знаний, повышение уровня общего образования может стать более надежным барьером лженауки.

Исходя из этого, образовательные стратегии и программы должны заботиться не только о хорошем специализированном знании обучающегося, или, как говорят, компетентностях, но и об высоком уровне его общеобразовательной подготовки. В них должны быть представлены достижения науки в разных областях и способы критики их искажений.

Белявская Е. К., Вартанова А. Д., Голубович И. В.
«УСТНЫЕ ИСТОРИИ ФИЛОСОФОВ» С ЛЮДМИЛОЙ
НИКОЛАЕВНОЙ ТЕРЕНТЬЕВОЙ

Это интервью было проведено в 2016 году в рамках учебного курса для магистров специальности «Философия» «Основы теоретической биографистики» (И.В. Голубович). Одна из важнейших практических задач данного курса – участие во всеукраинском проекте «Устные истории философов», предложенном много лет назад киевским философом Татьяной Чайкой, которая сама записала несколько аудиоинтервью с ведущими философами Украины (С. Крымский, В. Горский, П. Йолан и т.д.) [2].

В Одессе подхватили это предложение. С 2010 года было собрано более 20 интервью с одесскими философами, в основном, с преподавателями философского факультета ОНУ имени И. И. Мечникова (см. об этом: [1]).

Предоставляем слово одному из ведущих одесских философов, супруге и соратнице Авенира Ивановича Умова, Людмиле Николаевне Терентьевой. Публикуемый текст представляет собой расшифровку-транскрибирование беседы, даем его практически без изменений, чтобы сохранить живую устную интонацию.

Провели и записали интервью: Белявская Елена, Вартанова Анастасия. Подготовка публикации: Голубович Инна Владимировна.

Интервьюеры (далее И.): Хотели бы спросить у Вас о Вашей семье, о Вашем детстве. Кто были Ваши родители? Как они, возможно, повлияли на Ваш выбор профессии, то есть Вы росли в этой почве или это был Ваш личный выбор?

Людмила Николаевна Терентьева (далее Л.Н.): Детство – что считать детством?

И.: До которого? До класса восьмого, наверное, точно детство.

Л. Н.: Нет, о детстве, оно было военным... не надо, а просто я скажу, и что меня заинтересовало: тайна. Какая тайна? Очень заинтересовало, что мир состоит из отдельных атомов и они там

как-то живут, двигаются, но мы их не видим... Это было, я помню, это еще начальная школа. Я говорю: как же так? Такое, как бы вот осязаемое и зримое и вдруг внутри – оно невидимое и незримое. Это было впечатление. А так ... окончила 10-летку с серебряной медалью, затем – ...физико-математический факультет Воронежского пединститута. На работу по распределению – «обов'язково». Были разные места, и я попала в Сахалинскую область, г. Холмск. В общем, переживали все. Я сказала: «Нет, поеду». Поехало полкурса, нас сопровождал сотрудник института, до Владивостока. Там, во Владивостоке были два дня, и там в первый раз я поняла, как пахнет море. Дальше Южный Сахалин, город Холмск. Я преподавала в школе, вела всё, в своей дисциплине – учитель физики и математики. Проработала я там с 1958-го года по 1962. В 1963 г. поступила в аспирантуру на кафедру философии Ивановского педагогического института, где научным руководителем, взявшим меня в аспирантуру, был кандидат философских наук А.И. Уёмов. Мне очень повезло, поступила по объявлению в газете. Ну как, наверное, просто где-то не то, что случайно, а мне очень повезло, потому что я хотела по философским проблемам физики идти в аспирантуру. Программу для экзамена по философии мне на Сахалин прислал брат Терентьев Юлий Николаевич из Москвы.

Я хотела учиться далее по экспериментальной физике. Сначала хотела по физике экспериментальной, а брат старший мне писал на Сахалин, отговаривал: «Ну что ты будешь за приборами ходить, доставать всякие детали». В общем, думаю, нет, этим я заниматься не буду. И он еще на Сахалин мне прислал программу для поступления в аспирантуру по философии, я уже наметила философские проблемы физического знания, сидела там в библиотеке в Холмске, Холмск – это такой город, девочки, красивый такой, всё время синь идёт от Татарского пролива. И приехала, и когда родился Юлик, я работала еще в техникуме в Липецке и искала место, куда поступить, ну и готовилась, естественно. Книг было много, от отцовской библиотеки были книги всякие и по философии тоже. Отца нет ещё с 1967 г., он вернулся с фронта, болел. Эти книги остались, и когда сын пошёл в первый класс в том же Липецке и учительница (а там сидела моя одноклассница на

уроке), спросила: «Дети, назовите слово на букву «А». Начинают: Арбуз, Агурец, Адеяло, Акно. «Юлик, а ты какое слово называешь?». А он поднимает руку и говорит: «Метафизика!». Окончание слова на букву «а»! (Смеётся). У нас была книжка Аристотеля «Метафизика». ... Дело в том, что отец (он был директором школы всё время, я – дочка директора школы), просматривал газету и говорит: «Лиль, смотри». А там была одна кафедра в каком-то Иваново, город ткачей, учили же по истории, так. И кафедра объявила прием в аспирантуру по философии, философским вопросам естествознания. Как раз то, что мне надо было. Я была потрясена: какая-то кафедра, где-то Ивановский педагогический институт (сейчас он университет) набирает по ряду специальностей. Еду. Еду и поехала, и попала к Авениру Ивановичу. Это был 1963 год. И в 63-м году целый год я училась в Иваново. Ивановский пединститут – это старое было здание, красивое такое, сейчас там университет. Читальный зал, высокие окна, за окном падает снег, почти такой же, как на Сахалине: медленные крупные снежные хлопья. И я помню, тоже я без конца по урокам бегала, когда была учительницей на Сахалине, а тут звенит звонок, за окном падает снег, а мне ни на какой урок бежать не надо, я с книжками сижу и занимаюсь. Ну и дальше переехал Авенир Иванович в Одессу, привез всех своих аспирантов. Это был 64-й год, а зимой, уже в 1965 было 100-летие Одесского университета. Видите, прошло 50 лет, как я в Одесском университете. Ну и дальше занималась очень много, потому что Авенир Иванович – очень требовательный, философ и на философско-логических конференциях (Киев, Ленинград, Петербург, Москва, Воронеж, Томск, Пермь) мы, аспиранты, выступали с докладами, познавали философскую полемику, знакомились, были везде, он возил. Ну и вот сейчас я продолжаю работать здесь, так что интерес к философии, я так думаю, с моего первого удивления о том, что как же так? Какие крепкие кругом предметы, а состоят из каких-то мельчайших частиц! Это для меня было просто поразительным! Ну и потом же очень интересно было, Авенир Иванович проводил философские семинары, применял полемический способ обсуждения философских проблем, не исключая иронии, вводил нас в проблемы философии науки, логики. Выводы по

аналогии, метод моделирования, проблема простоты научного знания, его строения. И ходили на какое-то там озеро или какое-то водное пространство в Иваново, а потом еще вокруг Иваново.

А когда приехали в Одессу, то расположились для коллективного отдыха в Аркадии. Вот здесь все мы были всегда, где встречали день его рождения 4 апреля. Ну и, естественно, это работа. Это работа с текстом, это работа с публикациями. И ситуация была и напряженная, и радостная, потому что сидеть в читальном зале и работать, компьютеров тогда еще не было, это было просто поразительно.

Темы моих диссертаций ... были связаны с моим прошлым образованием, это и первая проблема физическая – «Онтологические предпосылки физической теории и проблема оценки их сложности». В 70-м году я защитила, мне было 35 лет. А уже докторская диссертация «Системно-параметрический анализ структуры и развития научной теории», тоже на примерах физического познания». Докторскую диссертацию я защищала в 1994г. в Москве.

И.: А как так получилось, что и Вы, и Ваши братья занимаются физикой и математикой?

Л. Н.: Учитель был физики в школе – Михаил Александрович Прудников. Он так вёл уроки по физике! Был не просто рассказ, а урок-демонстрация с иллюстрациями, с иронией! Потому что остальные уроки были так себе, ну я отличница, ради Бога. А по физике – это было что-то! И оба мои пошли. Только младший брат не пошёл на физику, он не учился у М.А. Прудникова. Он окончил институт, уже остался учиться в Липецке и сейчас он там, в Липецке. Что-то по автомеханике, в институте стали, там разные отделы, факультеты были. А мы все трое – это физики, я окончила физический, Женя, Юлий, мои братья. Это просто от того учителя, очень интересно. Тем более же, предварительно я же была готова принимать вот эти тайны, как это, весь этот мир, такой твердый, можно вот так взять потрогать, а состоит из чего-то такого мелкого, которого не видно и не слышно! И когда я поступила на физический факультет, я разочаровалась в первой лекции по физике, это не был Михаил Александрович! Теперь я понимаю, как много зависит от учителя.

И.: А почему Вы не продолжили заниматься физикой, а всё-таки выбрали философию?

Л. Н.: Дело в том, что, наверное, если бы меня она интересовала в большей степени, я бы продолжила. А тогда еще аспирантуры не было у нас в Воронеже на физическом факультете педагогического института. Когда я была уже в Холмске и брат мне присылал книги по философским вопросам. Это Нильс Бор «Атомная физика и человеческое познание». Бор приезжал в Москву и Юлий описал, как студенты МГУ устроили праздник в честь Бора с факельным шествием, с представлениями. Юлий тоже окончил аспирантуру, тоже кандидат наук, а вот брат Женя (старшего уже нет), он тоже кандидат физико-математических наук, работает в МГУ. Более того, когда приехал в общежитие и назвал фамилию: «А у нас тут уже был один». – «А это мой брат». – «А он был старостой этажа, будешь и ты, раз такая фамилия» (смеётся).

В общем, вот так. А физика, наверное, просто от любви к точному мышлению, что я теперь, в настоящее время нахожу в логике, в метафизике. Мне были интересны книги и по философии. На Сахалин я взяла с собой «Опыты» Мишеля Монтеня, мне импонировала эта ирония, этот скепсис М. Монтеня. То есть это была какая-то такая подготовка, то есть я уже была готова воспринять в большей степени философию и пойти по философским проблемам в физике, чем по самой физике...

И.: А какие книги Вы любили читать в детстве?

Л. Н.: Отец закупал для меня книги, это – «Гулливвер в стране лилипутов», это самая главная, конечно. С лилипутами, с картинками, с такой фантазией. И что-то еще, какие-то сказки, но я же родилась еще в 35-м году, мне же 80 лет, так что еще поработаю немного и уже хватит, наверное. Просто немножко устаю, вот сейчас провела две пары, очень активные пары по метафизике. Немного устаю, но всё равно интересно, потому что я сейчас отвечала на вопросы и поблагодарила за вопрос, потому что, отвечая на них, я поняла больше, чем, если бы вопросов не было. Поэтому студентов я все время стараюсь заставить создавать вопросы: Не молчите, задавайте вопросы! И они задают. Я веду занятия, может быть, в вопросно-ответной форме, потому что я составляла задачи по метафизике и логике

тоже, я же веду эти два предмета и поэтому я показываю, какие вопросы я задала, смотрите, как вы, ребята, тоже можете. То есть мои претензии к студентам только одни: заставить их думать – раз, а второе – полюбить мой предмет, а без этого в аудиторию нельзя войти, если им не нравится предмет, который ты ведешь. Вот так. Что ещё, девочки?

И.: А вы с детства мечтали стать учителем, преподавателем?

Л. Н.: А я просто в учительской среде росла. Дело в том, что раньше отец был директором школы в Липецке, потом завод был «Свободный сокол», это рядом с Липецком, это полчаса или минут 40 на автобусе, но это сейчас уже всё вместе. И ему давали квартиру от завода прямо при школе, квартира для директора школы. Потому что я росла в учительском коллективе, потому что на перемене учителя прибегали к нам, рассказывали там о событиях на уроках. что-то и все прочее. Однажды (я хорошо занималась) учитель, по-моему, по математике: «Комиссия придет. Люда, помоги, пожалуйста, отвечай... (потому что я отвечала часто) ... и скажи другим». А я другим постеснялась сказать, ну как это им сказать. (*Смеется*). Всякие учителя были. Были те, которые пришли с фронта, отец же тоже с фронта пришел. Отец как фронтовик, учителя, которые были с фронта, некоторые инвалиды, например, по химии учитель был, чтобы ему отдохнуть, нужно было так составить расписание уроков, чтобы был отдых-перерыв. Отец Терентьев Николай Иванович тщательно выписывал расписание, учитывал возможности для тех, кто был фронтовик, чтобы можно было отдохнуть. Когда он умер, очень много людей, учителей провожали отца на кладбище, были благодарны ему и за это. А однажды я пробегаю мимо его кабинета, а он: «Лиль, зайди». – «Что такое, пап?», он открывает, ящик своего стола, а там полно рогаток. (*Смеется*). Целый комплект рогаток. То есть это сейчас дети с мобильниками, а раньше рогатки.

И.: А с чем связан Ваш выбор Аристотеля? Почему? Можете как-то связать со своей жизнью?

Л. Н.: Могу, девочки. Первая причина – Авенир Иванович Аристотеля очень любил, начнем с этого. А вторая причина, в том, что есть мысли, которые не теряют своей свежести, ценности, мудрости тысячелетия. Вот такие вот мысли

высказывает и Аристотель. И поэтому, когда Авенир Иванович задумал курс «Метафизики» по Аристотелю, а я составила задачи по метафизике. Текст Аристотеля я разбираю на кусочки и показываю всю мудрость, красоту мысли античного гения.

И.: Кем Вы видите студента философского факультета?

Л. Н.: Сосредоточенным. (*Смеется*). И веселым, это тоже. Ребята, никогда не думайте, если человек очень серьезный, то значит очень умный. Не обязательно. Нужно работать. Когда у Ньютона спрашивали, почему ему удастся так много сделать, у него было два ответа: первый ответ – «Мое время принадлежит королю», а второй – «Путем непрерывных размышлений». И ребята, вы получите в науке что-то, какой-то результат тогда, если не будете постоянно, а не время от времени, от этой проблемы отходить, потом возвращаться, вспоминать, а думать, думать. Так что путем собственных волевых усилий.

И.: Вот в философии для Вас идеал Аристотель, а в жизни, например?

Л. Н.: (*Смеется*) В жизни каждый чем-то интересуется и более того, этот интерес не должен быть пустым, таким внешним, он должен быть внутренним как у Авенира Ивановича Умова, моего учителя. Ну и другие тоже были люди. Потому что, если человек не интересуется, он как бы более поверхностен и тому, что он говорит, не доверяешь полностью. Меня всегда поражали, удивляли люди, которые знают. Знают, то есть думают и понимают происходящее. Это – философы. Много таких людей было в прошлом, есть и сейчас. Много умных людей. Много. Вот на них нужно ориентироваться.

Если человек отличается чем-то, это очень интересно. Увлеченностью, интересом, глубиной, реакцией.

И.: Какой Вы можете дать совет молодому преподавателю?

Л. Н.: Любить свою работу. Если не любишь – уходи. (*Смеется*). Не просто работу, и предмет свой тоже, девочки. Предмет тоже. Потому что любить свою работу, главное же – ты преподаватель. И более того, первый совет: много всяких проблем, и у меня много проблем, и у каждого из вас много проблем, но, когда я вхожу в аудиторию, все проблемы по ту сторону двери. Нужно найти интерес, если нет интереса к

предмету – не надо преподавать

Вы испортите себе жизнь и студентам. Ну, все, наверное, да?

И.: Да, хорошо. Спасибо Вам большое.

Л. Н.: Я вам желаю удачи, девочки.

И.: Спасибо, всего доброго.

Список использованной литературы:

1. Голубович І. В. Усна історія філософії та усна історія філософів у соціокультурному та інтелектуальному контекстах // Філософська думка. 2019. № 6. С. 105–114.
2. Чайка Т. Доторк. Презентація проекту «Усні історії філософів» // Філософська думка. 2009. № 3. С. 140–144.

ІСТОРІЯ ПОХОДЖЕННЯ НАЗВИ МІСТА ОДЕСИ

Походження чого-небудь завжди має початок, а всякий початок має свою назву. Так само як людина починає свій життєвий шлях з отримання імені, так само й міста починаються з присвоєння назви. Однак добре відомо, що в залежності від епохи, правителів, культурного нашарування відомі колись назви, наприклад, стародавні назви замінюються новими, а з часом і взагалі забуваються. І разом із назвою забувається мова місцевого населення, таким чином – і етнічна приналежність, бо мова є належністю певного народу чи народів. Отже, зрозуміло, що необхідність та важливість знань про історію походження назви для даної науки полягає у тому, що:

— походження назви викриває вплив тої чи іншої мови, отже, народу, у даному регіоні;

— походження назви надає свідчення про засновників міста – народ, що організував поселення. А якщо народ є маловідомим, відкриває можливість пізнання його культури шляхом пошуку як речових доказів, так само й шляхом пошуку згадок про нього у різних історичних та етнографічних першоджерелах;

— походження назви відповідає на питання стосовно того, хто були предки нині мешкаючі у регіоні людей, що в свою чергу пояснює причини специфіки культури, звичаїв і т. д. у даній місцевості.

Тому, чим давніше місто, та більш загадковіша мова назви з причини того, що дана назва фігурує у невеликій кількості першоджерел, – тим більше існуватиме теорій стосовно походження цієї самої назви.

Яскравим прикладом є місто-герой Другої Світової війни, Одеса. Хоча здається, що місто не є дуже й давнім, однак сьогодні існує немало теорій стосовно походження назви цього міста. Найбільш відомими є наступні:

I. Одеса – походить від давньогрецького *Ὀδησός*, що свого часу мало значення «великий торгівельний шлях». Разом із даною теорією існує «легенда» анекдотичного характеру про розмову імператриці Катерини II з кимось з можновладців на

придворному балу (якщо довіряти історії, саме дана правителька надала наказ на будівництво цього міста). На балу, власне, імператриця запропонувала залишити еллінську назву даному місту замість турецької (Хаджибей), однак назвати не «Одесос», а надавши жіночий рід, скоротити до назви «Одеса».

II. Одеса – походить від французького словосполучення «Assez d'eau», яке свого часу вигукнув герцог де Рішельє, уклавши парі, що ніхто з оточення не відгадає переклад. Однак знайшовся дехто, хто врешті пояснив значення, що мало наступний зміст: «досить води» («багато води»). Але якщо написати дане словосполучення російськими буквами, отримаємо слово – «асседо», і читаючи справа наліво – «Одеса» [1].

Звісно, що обидві версії є бездоказовими, і їх дуже легко спростувати. Скажімо, стосовно назви колонії «Одесос». Правда полягає у тому, що дана колонія знаходилася досить далеко від навіть старої Одеси, бо мала своє розташування на території поблизу сучасної Варни (Болгарія) і цьому є документальні підтвердження. Свою назву «Варна» дана місцевість носить з VII ст. н.е., тоді як дослідники вважають, що колонію «Одесос» було засновано на місці сучасної Варни у VI ст. до н.е., де також знаходилось фракійське місто з однойменною фортецею «Одесос», заснованою вихідцями із Мілета. Підтвердженням цьому є збережені залишки античного і ранньовізантійського міста – «Римська вежа», терми та житлові будинки епохи турецького завоювання [2].

Тож міф про походження назви Одеси від фракійської колонії «Одесос» розвінчано.

Що стосується другої версії, навпаки, якщо довіряти офіційній історії, досить відомий факт, що нинішня Одеса була маловодною, стосовно прісної

води, що придатна до вживання. Тому у місті, лише згодом, робили наливні колодці, що можна навіть сьогодні побачити у старій частині міста, у двориках старих будівель. Окрім того, парі Рішельє стосовно того, що ніхто не здогадається який має переклад сказана герцогом фраза «Assez d'eau», виглядає дивним, бо тогочасні дворяни, піддані Російської імперії вивчали французьку мову та частенько подорожували до Франції, за придбанням одягу, покупками диковини та

світськими манерами, демонструючи приналежність Російської Імперії до Європи. До того ж сам Рішельє, як відомо, за походженням є французом, і ріс за межами Російської імперії, таким чином він не міг добре знати російської мови [3]. Отже питання: якою ж мовою він спілкувався із тою ж Катериною II, потім Олександром I, як не французькою? Та й випадкове читання справа наліво французького словосполучення у російській транслітерації не здається вагомим аргументом для назви міста.

Хоча на противагу вищезазначеним теоріям, існує маловідома, однак дуже цікава версія стосовно походження назви міста Одеса. Однак у цьому випадку, існування назви засвідчують вже іноземні карти. Зокрема, тут на місці сучасної Одеси зображено місто що носить назву «Ordessus», і якщо

перекладати з тої ж французької, отримаємо: or – золото, dessus – зверху, над цим, на ньому.

Звідси – золотоверхий [3].

Такий переклад нагадує, до речі, строфи з відомої «Казки про царя Салтана»

авторства О.С. Пушкіна: «...Новий город со дворцом, С **златоглавими** церквами» [4]. Цікавий факт, що на карті відмічено також ще одне місто із схожою назвою, в якій не має подвоєння.

Необхідно зазначити, що подібна назва фігурує також у IV книзі Геродотової «Історії», де античний історик описує притоки ріки Істра, яку сьогодні ідентифікують із Дунаєм, де Ордесс як раз і є однією з приток найбільшої ріки Європи. Хоча, за свідченнями Флавія Арріана, давньогрецького історика та географа, що ще в II столітті н. е. оглядаючи береги Чорного моря, знайшов тут поселення і корабельний притулок істрийських мореплавців – грец. ΙΣΤΡΙΑΝΩΝ ΛΙΜΗΝ (дав.-грец. Ιοτρίανων λιμῆν; дослівний переклад – гавань істриян) [5]. Цілком можливо, що дані мореплавці походили з місцевості, де й проходила дана притока, звідки і виникла сучасна назва міста Одеса, як згадка про їх покинуту батьківщину. А зникла літера «р», що була в назві «Ордесс», але відсутня у назві «Одеса», могла б пояснюватись специфічною вимовою даної літери французами, які у кінці XVIII і протягом XIX ст. займали найвищі посади в управлінні містом.

Тож, у підсумку можна лише досвідчитись у тому, що на сьогоднішній день дане питання й досі до кінця не вивчене, проте згадки та відомості, здавна залишені різними авторами для нащадків є чудовою основою для тогочасних дослідників, що здатні врешті-решт віднайти істинну історію походження міста та його засновників, бо і тепер існує думка, що містовігерою Одесі років набагато більше, аніж прийнято вважати. Втім, це вже зовсім інша історія.

Список використаної літератури:

1. Две версии происхождения названия моего города. *Livejournal*. URL: <https://yanguir.livejournal.com/12865.html> (дата звернення: 02.05.20)
2. ФАКТ ДНЯ: А где находился греческий Одессос? *Маяк*. URL: <https://mayak.org.ua/news/fakt-dnya-a-gde-byl-777odessos/> (дата звернення: 02.05.20)
3. Таинственные города, или как Очаков стал Одессой, а Орешек – Санкт-Петербургом. *Cont.ws*. URL: <https://cont.ws/@nikkuro/266200> (дата звернення: 02.05.20)
4. А. С. Пушкин. Сказка о царе Салтане. *Интернет библиотека Алексея Комарова*. URL: <https://ilibra.ru/text/455/p.1/index.html> (дата звернення: 02.05.20)
5. Перишл Понта Евксинского, Περίπλους του Ευξείνου Πόντου Обьезд Эвксинского Понта / пер. П. И. Прозорова // Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, сост. В. В. Латышева // Вестник древней истории. 1948. № 1. Стр. 265–275. (Стр. 391–401 по сквозной нумерации собрания Латышева). В

переводы сделаны некоторые сокращения. URL:
<http://ancientrome.ru/antlitiz/t.htm?a=1476500300> (дата звернения: 02.05.20).

О СЛОЖНОСТИ СИНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Синергетическую традицию, развивающуюся на постсоветском пространстве, можно рассматривать как своеобразный двухъядерный процесс. Первое «ядро» связано с естественнонаучным направлением синергетических практик, использующих вполне определенный математический аппарат. Основным объектом для соответствующих исследований являются сложные сильно неравновесные системы (физической, химической, экономической, социальной природы). Этот модус синергетического движения связан с именами И. Пригожина, Г. Хакена, С. Курдюмова, Г. Малинецкого и многих других исследователей. Однако есть основания говорить и о «втором» ядре, повлиявшем на постсоветский вариант развития синергетики. Речь идет о гуманитарных интерпретациях синергетических идей. В этих интерпретациях совершенно очевидны влияния размышлений о синергии П. Флоренского, совершенно особенной философии русских космистов. Оба «синергетических крыла» взаимоусиливают, взаимообогащают друг друга, но их едва ли возможно смешивать. Проект «Синергетика-2» (о котором часто упоминает В.Г. Буданов [3]) – во многом и представляет собой исследовательскую активность именно этой группы философов, философов науки. В этой связи и появляется мысль о проблеме особой «синергетической сложности», взаимосодействии внутри самой синергетики. Оба ядра постсоветского синергетического процесса видятся взаимодополняющими, что и создает некоторую уникальность по сравнению с другими национальными синергетическими традициями (к примеру, с немецкой).

Любая «синергетическая школа» развивает свои исследования с опорой на базовый терминологический аппарат, формирующийся вокруг термина «синергетика» (отдельная проблема связана с поисками причин игнорирования этого термина И. Пригожиным). Почему Г. Хакен выбрал слово «синергетика» для обозначения нового исследовательского направления? Почему в рамках советского, постсоветского пространства слово «синергетика» оказалось столь привлекательным не только для философов науки, но и для

широкого круга гуманитариев? Эти вопросы можно переформулировать и иначе: что такого особенного содержится в слове «синергетика», гипнотически притягивающего множество гуманитариев? Эта группа исследователей осваивает лишь ряд ключевых конструктов – сложность, неравновесность, параметр порядка, аттрактор, точка бифуркации. Интересно понять причины такого внимания к чисто научному подходу. Предположительно эти причины могут быть сведены к следующим.

Во-первых, в рамках проекта «Синергетика-2» появилась возможность реального «со-действия» представителей естественных и гуманитарных наук. «Физики» и «лирики» тяготели к более глубокому общению, не ограничиваемому рамками поэтических площадок. «Естественникам» было важно «засевать новые поля» своими идеями, а гуманитарии получили готовым вполне определенным набором конструктов, позволяющих существенно обновить, модернизировать гуманитарный концептуальный аппарат, сделать его в некотором роде «наукообразным».

Во-вторых, в результате обращения к слову «синергия» (взаимо-содействие) актуализировались, как минимум, две очень важные темы.

Первая тема связана с перенесением акцента, смещением направления интенции со Слова на Действие, то, что сейчас более привычно именовать термином перформативность (перформативный поворот). Повышенное внимание к Слову (логоцентризм), внимание, которое бесконечно разрослось за последние три столетия, стимулировало расцвет системы образования, науки, техники, но, одновременно, способствовало «рассеиванию» («девальвации») силы Слова. Слово утратило (в некотором роде) свою изначальную мощь. И для того, чтобы ее вернуть, необходимо обратиться назад, к действию, возможно, к действию без Слова, действию до Слова. Синергийность подчеркивает именно взаимно-со действие (хотя действие можно понимать, в том числе, как действие посредством слова).

Вторая тема, проявившаяся в процессе гуманитарного перепросмотра синергетики, неожиданно выводит на проблему сознания.

Известно, что весь XX век был ознаменован своеобразным

«штурмом» проблемы сознания. СОЗНАНИЕ – становится ключевым философским термином, оттесняющим на периферию слова разум, рассудок. Феноменологическая, аналитическая традиции оказались «заточены» на исследование проблемы сознания. Однако обе эти традиции являют собой весьма своеобразные локальные философские миры, дополняющие другие возможные философские миропорядки.

Одна из главных «сложностей» проблемы сознания заключается в вопросе о том, почему то или иное сознание из бесчисленно множества различных вариантов выборов (знаний, впечатлений, информации) осуществляет вполне определенное «схватывание»? Что эту определенность предопределяет?

Если от исследований сознания перейти в область «гуманитарной синергетики», то и в ней актуализируется аналогичный вопрос: почему, говоря о содействии, мы содействуем одним и не содействуем другим? Что управляет практиками содействия? Почему раньше мы «смотрели в одну сторону», а теперь ищем другие объекты внимания? Почему совершаются разнообразные «повороты»? Какие аттракторы, параметры порядка направляют эти процессы?

Фактически, гуманитариев, причисляющих себя к синергетическому движению, волнует тот же ключевой вопрос, который важен и для философов, изучающих сознание. Вопрос этот оказался важнейшим для XX века: как, почему возникает порядок из хаоса?

Исторически так сложилось, что аналитический вариант исследования сознания, связываемый с именами Дж. Сёрла Д. Деннета, Д. Чалмерса и многих других не очень прижился в постсоветской философии, несмотря на героические усилия, к примеру, В.В. Васильева или Д.И. Дубровского по перенесению этой традиции на «постсоветскую» философскую почву. Но синергетические идеи (установление порядка из хаоса) оказались более понятными достаточно широкому кругу исследователей. Благодаря аппарату синергетики появилась возможность размышлений о проблеме упорядочивания сложного.

В одной из своих статей Г. Малинецкий (один из основателей («столпов») российского синергетического

движения) предложил такую, фактически, поэтическую формулу: «Для корабля, порт назначения которого неизвестен, нет попутного ветра» [4, с. 50]. Эту формулу можно использовать следующим образом.

Современное синергетическое движение настолько хаотично и неопределенно, что естественно возникает мысль по поводу того, что в новых условиях для этого научного направления вовсе нет попутного ветра и ему суждено угаснуть (особенно в его «гуманитарном» измерении). Однако, с определенной точки зрения, жизнеспособность гуманитарных синергетических наработок содержится в одном очень важном конструкте – сложности, обретающем парадигмальное звучание (парадигма сложности, о которой размышляет В.И. Аршинов [1]). При более детальном рассмотрении синергетическая (постнеклассическая) сложность оказывается бесконечно близкой (в своей «установочной», «идеологической» направленности) многим постструктуралистским наработкам, развивавшимся в творчестве М. Фуко, Ж. Делёза, Ж. Деррида, Ю. Кристевой и многих других. То есть, гуманитарная сложность (сложность) уже более пятидесяти лет, начиная с пионерских прорывных работ Фуко, Делёза, Деррида, является объектом серьезного исследовательского внимания и схватывается такими важнейшими для гуманитаристики конструктами, как дискурс (дискурсивная формация, порядок дискурса М. Фуко), планы имманенции, консистенции, ризоматичность, сериальность Ж. Делёза, Ф. Гваттари), деконструкция, различие, различение, грамматология, логоцентризм Ж. Деррида), интертекстуальность (Ю. Кристева). По этой причине и планировать новый виток развития синергетики (в версии «Синергетика-3» (см. подробнее работу В.Г. Буданова [3]) невозможно без методологической переработки постструктуралистской сложности. «Взаимодействие» различных «сложностных движений» вполне может стимулировать появление ветра, наполняющего паруса многих остановившихся парусников.

Список использованной литературы:

1. Аршинов В.И. Постнеклассическая рациональность как процессуальное сложностно-сетевое мышление / Первые Стёпинские чтения / отв. редакторы

- В.Г. Буданов, В.А. Лекторский. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2019. С. 69–72.
2. Богатая Л.Н. От междисциплинарной методологии к методологии многомерной // Интегративна антропология. Медико-філософський журнал, 2018, №2 (32), С.78–80.
3. Буданов В.Г. Третье рождение синергетики // Філософія освіти, 2017, № 2 (21). С. 57–71.
4. Малинецкий Г.Г. Новая реальность и будущее глазами синергетики // Прогнозы и стратегии, 2009, №1. С.50–58.

ЧЕЛОВЕК НАЕДИНЕ С СОБОЙ

Одиночество является одним из самых ужасных, гнетущих чувств, отравляющих человеческую жизнь. На данный момент каждый второй человек ощущает себя одиноким – никем не принятым, никем не понятым, брошенным на произвол судьбы. Мы изначально заброшены в этот мир и уже с юных лет обращены к своему собственному «я». Сколько бы людей не было вокруг, мы все равно рано или поздно начинаем чувствовать себя одинокими, а зачастую – даже озлобленными на несправедливость судьбы.

Проблема одиночества беспокоит человечество с давних пор. Во времена античности человек рассматривался как неотъемлемая часть окружающего мира. В то же время если человек есть часть мироздания, то он уже по определению не может быть одиноким. Находиться в сообществе себе подобных для человека так же естественно, как рождаться и умирать. Однако если человек совершает злодеяние, то есть идет вразрез с естественным положением вещей и наносит вред окружающим, то его ожидает кара за сознательное или бессознательное нарушение законов. И такой карой в античности было изгнание из родного края. Стоит вспомнить хотя бы героя трагедии Софокла Эдипа. Узнав правду о своих злодеяниях, о том, что он невольно стал причиной обрушившихся на город бедствий, Эдип должен покинуть Фивы, должен принять изгнание, наипростейшее, что могло произойти с эллином.

Но времена менялись, менялись и люди, вместе с тем менялись представления об одиночестве. Общество стало тяготить человек. Человек познавал окружающий мир и забыл о познании себя в качестве микрокосма. Уже на протяжении XIX века и особенно на рубеже XIX – начала XX веков одиночество стало рассматриваться как одна из основополагающих проблем философии.

Американский трансценденталист Генри Дэвид Торо строго разделял уединение и одиночество. Уединение – это шанс установить тесные связи с собой и с окружающим нас миром. Каждый человек на протяжении всей своей жизни пытается

найти свое особое место в этом изменчивом мире, пытается достигнуть того вечного источника жизни, который заключен в окружающей нас природе и наших с ней гармоничных взаимоотношениях. Уединение, по его мнению, есть ничто иное, как путь к самопознанию, условие для самосовершенствования. «Когда человек думает или работает он всегда наедине с собой, где бы он не находился. Одиночество не измеряется милями, которые отделяют человека от его ближних» [1, с.78]. Для того чтобы быть одиноким, не обязательно быть изолированным от других людей, достаточно быть просто не таким как все. Единственное существо, с которым человек целиком и полностью может разделить свои мысли, идеи и переживания, – это он сам. Торо говорит о том, что человеческое общество чересчур доступно, и потому мы каждый раз пытаемся окунуться в него словно в омут, убегая от собственного «Я», которого боимся или попросту не хотим принимать. В таком случае одиночество есть ничто иное, как путь к саморазрушению: человек идет не к себе, а от себя, он становится озлобленным на других и до самого конца пребывает в бесполезных поисках.

Будучи основоположником экзистенциализма, Серен Кьеркегор рассматривал одиночество как путь спасения от мирских страстей, как путь к достижению истинной веры. Одиночество – это бегство от мира и общества к самому себе. К нему устремляется человек из-за невозможности по той или иной причине быть понятым окружающими людьми. Осознав свою конечность и неотвратимость финала, человек ощущает себя абсолютно одиноким, ведь ему не с кем разделить непосильную ношу бытия. Согласно Кьеркегору, человек, намеренно стремящийся к одиночеству, обладает глубокой природой, в то время как остальные люди не могут и дня провести наедине с собой, они буквально погибают, если не имеют возможности контактировать с кем-либо другим и не важно по какому поводу. Уединение – это общение с вечностью, время, проведенное наедине с собой, наиболее полезно, и по его истечению человек снова может возвращаться в общественную жизнь, будучи абсолютно уравновешенным и полноценным [см.:2].

Одиночество имеет, по крайней мере, два варианта. С одной

стороны, оно заставляет человека постепенно сходить с ума из-за ощущения своей абсолютной ненужности, когда он не понят и забыт другими. С другой стороны, одиночество может рассматриваться как путь, ведущий к исцелению, когда человек находит внутренние силы и восполняет свои внутренние ресурсы. Каждый выбирает свое одиночество, кто-то учится говорить с самим собой как с самым ценным другом, а кто-то, наоборот, постоянно корит себя за то, что не смог найти место в изменчивом мире, за несоответствие общепринятым стандартам. Абсолютизация одного или другого пути может привести человека к заброшенности, озлобленности и отчаянию. Не стоит забывать о том, что какими бы исключительными мы не были, каждый из нас – неотъемлемая часть мироздания. Поодиночке мы можем только существовать, но истинно жить мы можем только во взаимодействии с другими.

Список использованной литературы:

1. Торо Г. Д. Уолден, или Жизнь в лесу / пер. З. Е. Александровой; изд. подгот. З. Е. Александрова, А. И. Старцев, А. А. Елистратова; отв. ред. А. А. Елистратова. М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. 240 с.
2. Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Республика, 1993. 383 с.

ЭТИКА СОБЫТИЙ В МИРЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Стремление современных ученых изменить траекторию развития и осуществить тотальную переориентацию «человека природного» на «человека техногенного» с применением методов эвристического кибернетического моделирования, вероятно, может привести к качественному изменению природной сущности человека, появлению киборгов и трансформации социальных отношений.

Исследования ученых, направленные на создание модели сильного искусственного интеллекта, которая «будет не просто моделью разума. Она, в буквальном смысле слова, сама и будет разумом, в том же смысле, в котором человеческий разум – это разум» [5, с. 28], актуализируют создание этических принципов, способных разрешить дилемму совместного сосуществования человека и разумной машины.

Границы отношений между человеком и машинами будут зависеть от изначальной позиции человека как создателя в проблеме искусственного интеллекта. Возможными кажутся три варианта развития событий: 1) первый – человек будет хозяином на планете Земля до окончания времен, и будет доминировать над машинами. Этот вариант возможен в случае, когда человечество будет превосходить машин в интеллектуальном и военном плане. Для осуществления этого сценария сам человек должен непрерывно совершенствоваться, так же не исключая возможный интеллектуальный контроль роботов, о котором писал еще Айзек Азимов, выделив Три закона робототехники [2, с. 86], они конечно имеют свою критику, и это стоит учесть разработчикам; 2) второй вариант развития событий – человеческие и машинные взаимоотношения будут развиваться на принципах партнерства. Корреляция возможна благодаря сильным сторонам, так у человека есть невероятный опыт и цель, у машин явное преимущество над физическим телом человека и возможности для достижения этих целей. 3) третий же вариант пессимистичен – человечество будет уничтожено, и дальнейшая история Земли будет продолжена системами искусственного

интеллекта. Находясь в сотрудничестве с машинами, человечество может быть уничтожено в случае войны с представителями искусственного интеллекта, и победы последнего; в случае гибели человека от не зависящего от него фактора – астероида, глобальных тектонических катастроф. Подобный сценарий хорошо визуализирован в телесериале «Западный мир», анализ которого представлен в работе Райхерта: «... здесь Роберт Форд играет Бога, который управляет миром, который он создал сам, и поднимает такой ницшеанский деизм, в котором Бог создает мир и его законы существования, а затем убит его творениями» [4, с. 91].

Стивен Хокинг, Илон Маск, Стив Возняк, Билл Гейтс и многие другие эксперты в области науки и технологий высказывали свою обеспокоенность рисками, связанными с использованием искусственного интеллекта. «Такой разум возьмет инициативу на себя и станет сам себя совершенствовать со все возрастающей скоростью. Возможности людей ограничены слишком медленной эволюцией, мы не сможем соперничать со скоростью машин и проиграем», – сказал Хокинг. Им вторит целый ряд ведущих исследователей.

Дело не в том, что Илона Маск, Стивен Хокинг и другие зря опасаются, что однажды системы искусственного интеллекта решат, будто человечество – это ошибка в коде Вселенной, которую нужно устранить. Вера в сверхъестественные рассказы о мстительных божествах, осуждающих нас на вечные страдания, – это краеугольный камень истории с момента когнитивной революции.

Проблема в том, что такая озабоченность возможными бедствиями завтрашнего дня может отвлечь нас от борьбы с реальными бедствиями сегодняшнего.

Рэй Курцвейл, технический директор Google, предполагал, что к 2022 году – «в США и Европе начнут принимать законы, регулирующие отношения людей и роботов. Права и обязанности роботов, их деятельность и любые ограничения будут строго регламентированы» [3].

Но уже в октябре 2017 года андроид София получила «почетное» гражданство в Саудовской Аравии.

«Я очень горда и горжусь этим уникальным отличием», – сказала София на сцене. «Это историческое событие – быть

первым роботом в мире, получившим гражданство».

Со своей стороны, Илон Маск не проникулся деликатными чертами Софии, по-прежнему ожидая, что она станет убийцей, обладающей искусственным интеллектом, своих создателей.

В том же 2017 году, в ходе конференции «Beneficial 2017» в Асиломаре (Калифорния, США) были разработаны «Асиломарские» 23 принципа искусственного интеллекта [1], в рамках которых рекомендуется проводить дальнейшие исследования в сфере искусственного интеллекта. В ключе этих принципов было определено, что “цель исследования искусственного интеллекта должна лежать в области создания не бесцельного разума, но систем, направленных на принесение пользы человечеству”; и безусловно “согласовано с идеалами человеческого достоинства, прав, свобод и культурного разнообразия”.

Спустя 3 года, в феврале 2020 года, Римско-католическая церковь во главе с Папой (Pope Francis) организовали семинар «The 'Good' Algorithm? Artificial Intelligence: Ethics, Law, Health» [7]. Ватикан объединил усилия с технологическими гигантами Microsoft и IBM, чтобы представить свод этических правил для искусственного интеллекта. Документ был представлен 28 февраля 2020 года в рамках конференции по ИИ, которую организовала Папская академия защиты жизни.

В этом документе говорится, что роботы и программы с ИИ должны уважать частную жизнь человека, работать надежно и беспристрастно, а принцип принятия их шагов и решений должен быть прозрачным. Это ставит людей в центр новых технологий, требуя, чтобы искусственный интеллект был разработан с акцентом на благо окружающей среды и «нашего общего дома и его обитателей».

Человек находится сейчас в сложной ситуации: с одной стороны, системы искусственного интеллекта могут быть полезным для процветания человека, но с другой стороны, чтобы достичь так называемого хорошего гибридного общества, нам необходимо учесть этические нормы поведения и развития робототехники с искусственным интеллектом [6, с. 79-81]. В этом обществе интеллектуальные машины способны формироваться в команды с людьми.

Будет достаточно трудно научиться жить с ними, не

отвлекая себя фантазиями о сингулярности, в которой искусственный робот поработит нас в буквальном смысле. Предназначение людей скоро изменится вновь, и сейчас нам необходимо принять контроль и ответственность за свой путь развития.

Список использованной литературы:

1. AI Principles. (2017). Retrieved March 3, 2020, from <https://futureoflife.org/ai-principles/>
2. Asimov, I. (1942). *Runaround*. New York: Street & Smith, 78-94.
3. Kurzweil, R. (2005). *The Singularity is Near: when humans transcend biology*. New York: Viking Press.
4. Rayhert, K. (2017). The philosophy of artificial consciousness in the first season of TV series 'Westworld'. *Skhid*, 5, 88–92. doi: 10.21847/1728-9343.2017.5(151).117438.
5. Searle, J. R. (1990). Is the brain's mind a computer program? *Scientific American*, 26–31.
6. S. Russell, P. Norvig, (2009). *Artificial Intelligence: A Modern Approach* (3rd ed.). London: Pearson.
7. The 'Good' Algorithm? *Artificial Intelligence: Ethics, Law, Health*. (2020, February 28). Retrieved March 3, 2020, from <https://www.vaticannews.va/en/pope/news/2020-02/pope-francis-artificial-intelligence-algor-ethics.html>

Кирилюк О. С.

КОНТРОВЕРЗИ СІМЕЙНОЇ ПАМ'ЯТІ. ЧАСТИНА 1. ФАКТИ ЧИ ФІКЦІЇ, АБО ЯК МОЖЛИВІ АЛЬТЕРНАТИВНІ ІСТОРІЇ?

Одного разу я розповів своєму давньому, ще з дитинства, другу, дунайському баржевому шкіперу, знавцю історії флоту та поліглоту, котрий знає навіть дунайське койне, Ігорю Гончаренко історію моєї бабусі Ганни Федорівни Кирилюк. Після війни вона деякий час працювала начальником поштового відділення у селищі Чотирбоки на Хмельниччині, в неї навіть службовий наган був. Одного разу голова колгоспу під тиском свого містечкового всевладдя взяв всі наявні на пошті гроші – начебто для того, щоб з рідкою нагоди задешево купити цукор, а потім так само недорого продати його селянам. Щось з тим гешефтом не вийшло, і бабусю засудили на пару років. Строк свій вона відбувала у Дніпропетровській області, в якомусь селі. Працювали засуджені у яблуневому саду. Після відбуття покарання з неї взяли підписку про нерозголошення умов утримання ув'язнених в цій колонії – настільки вони були добрими.

Йшли роки, але Ігор добре запам'ятав цю мою оповідь, і за часів, коли вже почали оприлюднюватися матеріали про злочини проти людяності у концтаборах сталінського ГУЛАГу і я якось почав обговорювати з ним ці жахи, він перервав мене приблизно такими словами: «Облиш, ти ж сам розповідав, як утримувались ув'язнені за Сталіна, що навіть підписку з них брали, щоб вони не говорили нікому, як їм було добре та легко відбувати свій термін». Тобто, на його думку, моя розповідь була визнана ним правдивим фактом, а інформація про ГУЛАГ – фікцією.

Ясно, що тут ми маємо справу з методологічним питанням, пов'язаним перш за все з проблемами використання професіоналами історичного факту задля відтворення на його підставі певних теоретичних узагальнень. Коли ці факти свідчать про протилежні речі, однобічні узагальнення ведуть до взаємовиключних універсальних тверджень, що і обумовлює, зрештою, можливість створення альтернативних історичних наративів.

Серед всіх питань стосовно альтернативних сімейний спогадів чи не найважливішим є питання про їхній епістемологічний статус, а саме, чи можна вважати їх науковими історичними фактами. Здавалося, чому створювати собі зайві проблеми? Є певна реальна подія, яку зафіксували очевидці, потім надали їм письмової форми. «Дійсність» даної конкретної історичної через щирість та правдивість свідчень про нього не повинна викликати ніяких сумнівів в об'єктивності цього факту. У більш широкому аспекті ми тут маємо певний ланцюжок «1) подія – 2) безпосереднє відображення події очевидцем одночасно з її перебігом – 3) припинення актуального існування події та її зникнення у минулому – 4) існування спогадів-слідів про дану подію у її очевидців – 5) усний переказ даної події з подальшим її документальним записом «літописцем» (якщо тільки він сам не був очевидцем – тоді він запише власні спогади) – 6) використання істориком даних задокументованих спогадів як «історичного джерела» чи «емпіричного матеріалу» для підтвердження або спростування тих чи інших теоретичних узагальнень або 7) концептуальний синтез нових смислів (у разі, коли здійснюється «історичне відкриття» або та чи інша історична подія отримує принципово нове розуміння)». Які ж саме ланки у цьому ланцюжку розуміється істориками як «історичний факт»?

Як не дивно, але в історичній науці всі ці ланки мають або можуть отримати статус історичного факту. Так, історичним фактом вважається власне 1) *подія* (історики називають це *факт-подія*) сама по собі, безвідносно до того, чи зафіксована вона очевидцем або чи отримала вона відображення у в історіографічній думці. Історичним фактом вважається «фрагмент» дійсності, що має фізичне існування у часі та просторі та не залежить від нашої свідомості. Нехай так, але хіба певні соціальні явища та події, що не мають фізичного існування та існують поза простором (хоча у певні історичні часи), приміром, ментальні особливості мислення давніх греків чи протестантська етика, не є історичним фактом?

Історичним фактом є 2) *безпосереднє відображення події очевидцем одночасно з її перебігом* – адже якщо ми точно встановили, що свідок, скажімо, падіння під ударами турків Константинополя перебував в цей час на мурах міста та бачив

все на власні очі, то і саме перебування, і відображення події самовидцем теж є встановленим історичним фактом. Навіть 3) *припинення актуального існування події та її зникнення у минулому* теж є таким фактом, адже заперечуваний вислів «Кріпацтво у Російській імперії після 1861 року було скасоване (не існувало)» має однаковий статус із стверджувальними історичними висловами. Ланка 4) *існування спогадів-слідів про дану подію у її очевидців* на відміну від ланки {1}) не має фізичного існування, оскільки відноситься до ментальних структур, але тим не менш є історичним фактом, наприклад, психічна травмованість французької нації подіями Великої французької революції або ментальна травмованість українців Голодомором, чи негативно-емоційне відчуття провини у німців за Голокост, навіть якщо суб'єкти вказаних спогадів про відповідні події нікому не розповідали і свідчень не давали. Ланка 5) *усний переказ даної події з подальшим її документальним записом «літописцем»* надає до цього новоявленим спогадам очевидців статусу документальних свідчень (історики називають це фактом-джерелом як суб'єктивним відображенням ланки {1})).

Нарешті, ланки 6) *використання істориком даних задокументованих спогадів* та 7) *концептуальний синтез нових смислів* дають нам такі історичні факти, яких історики називають фактами-дослідженнями, науковими фактами як відображеннями у наукових працях з історії за посередництва джерела об'єктивної реальності минулого, але з нашаруванням подвійного суб'єктивізму – автора джерела та автора дослідження [див.: 1]

Як бачимо, питання про визначення історичного факту не таке вже просте, і в історичній науці воно ще не має остаточного вирішення. Недаремно сучасна тривала дискусія у західній історичній науці щодо того, що таке історичний факт, а що – фікція, йде своїм корінням у позаминуле століття. Ще у 1824 році офіційний історіограф Пруссії Л. фон Ранке висунув програмну ідею про те, що ми маємо «не судити минуле, давати уроки теперішньому заради блага майбутнього», а пізнавати факти «такими, як вони є» та показувати, «як це було насправді» («wie es eigentlich gewesen»). Протилежного погляду дотримувався його критик Ф. Ніцше, котрий вважав, що історик

має справу не з такими подіями, котрі насправді відбулися, а з подіями лише тільки припустимими, і всі історики розповідають про те, що в реальності ніколи не існувало, окрім як в уявах. Більш того, на його думку, не тільки окремі історичні факти, але й все те, що історики називають історією, є повною фікцією [3, сс. 53, 54].

З цього виникає питання – чи не є один з пари наведених нижче контрверсійних сімейних спогадів справжнім об'єктивним фактом, а другий – фікцією? І що ми маємо мати на увазі, говорячи про виклад певної події «так, як вона, власне, й була насправді»? О. Г. Ексле з цього приводу наводить думки ще одного методологічно налаштованого історика, Й. Г. Дройзена (1857 р.), котрий саме питання про факти та фікції вважав неправильно сформульованим. Він був своєрідним «історичним контемпораристом», оскільки вважав, що «того, минулого» минулого не існує взагалі, через що його історичне пізнання з націлом на з'ясування того, як «воно було насправді», неможливе. За Дройзеном, пафосне бажання всіх істориків «змусити факти говорити» – наївне, тому що факти взагалі не розмовляють, окрім як через того, хто їх розглядає. Більш того, «факти як такі взагалі не існують», внаслідок чого історична істина є завжди відносною, а історичне пізнання ніколи не може бути відбитком, адекватним зліпком з дійсності. Щоправда, продовжує він, хоча факту як такого немає, історик все ж таки є має справу не з чистими «фікціями». Історія є результатом емпіричного сприйняття, але ця емпірія відноситься не до «історії», а до історичного матеріалу. Минуле минуло, однак у чомусь воно залишилось у теперішньому, і цим залишком можуть бути спогади як «знаки», «уявлення» та «репрезентації».

За таких методологічних засад жоден з наведених у даній статті альтернативних сімейних спогадів не можна вважати власне «історичним фактом», тобто, тим, що «було так, як воно було», але ці спогади не є й фікцією. Їхній статус у цьому сенсі можна визначити як «емпіричний матеріал» для історика.

На підставі таких міркувань всі наші проблемні питання легко б вирішувались через укладання їх у красиву схему, якби не одне «но» – ці спогади про протилежні за своєю суттю події належать одній людині, через що її свідчення і спогади також

будуть суперечливими, тобто, такими, що дають підставу для антитетичних тлумачень або для альтернативної історії взагалі.

Як же можна вирішити цю проблему? Один варіант рішення полягає у визнанні суперечливою та неоднозначною самою дійсністю – а вона такою насправді є. Другий варіант передбачає розрізнення фактів на основі їхньої сутнісної або видимісної природи та підставовості або непідставовості. У випадку, якщо певна подія, переказана як документальний факт, є фактом не сутнісним, а видимісним, а видимість, як відомо, демонструє нам поверхневий, мерехтливий та безпідставний шар явищ, то цей факт, що суперечити сутності, буде суперечити їй загальному сутнісному контексту, в який він вписується. Це саме та ситуація, про яку говорив Гегель – якщо факт суперечить теорії, то тим гірше для факту. Відповідно, факт, що фіксує подію з протилежним змістом, буде фактом, що відповідає сутності вказаних явищ та підтверджує її. У цьому сенсі дві події мають різний підставовий статус – в одній з них його немає, а в іншій – є.

Крім цього, кожна зафіксована в індивідуальній особистій пам'яті подія, вводиться у деякий загальний контекст, коли однакові події можуть уводити у відмінний контекст, а різні – у контекст один й той самий. Цей контекст, наприклад, заідеологізована історіографія у тоталітарній державі, може взагалі або заперечувати саму наявність події, або оголошувати повідомлення про неї вигадками ідеологічно «ворожих» істориків, або прямо та брехливо перекладати відповідальність за цю подію на інших – так було з радянською інтерпретацією причин депортації з їхньої історичної батьківщини кримських татар чи з фактом розстрілу тисяч польських офіцерів в Катині. Певний контекст може виправдано чи ні заважати погоджуватися з такими інтерпретаціями конкретних фактів, котрі суперечать даному контексту. Приміром, наведений вище приклад гіпотетичного висновку про те, що частини Вермахту були толерантними до населення окупованих територій не сприймається як істинний саме завдяки тому, що загальний оціночний контекст поведінки німецько-фашистських солдат не дозволяти такий висновок прийняти за істинний.

Можливо, певну допомогу тут надасть історіографічна науково-методологічна рефлексія в особі її визнаних

авторитетів? Але часто-густо їхні викладки, істинність яких не очевидна, дають не відповіді на історико-методологічні запитання а, навпаки, викликають ще більше запитань, тому що вони зроблені на підставі вирішення конкретної дослідницької задачі (скажімо, з'ясування особливостей індивідуальних спогадів дитинства чи ветеранських спогадів про війну) і поза нею свою значущість втрачають. Приміром, П. Рікьор, аналізуючи думки М. Гальбвакса про те, що ми пригадуємо лише тоді, коли ми стаємо на точку зору однієї чи декількох груп, коли наша власна пам'ять, не маючи зовнішньої опори, пригасає, робить висновок, що спогади не передаються наодинці [2, с.170].

Але наведені вище спогади моєї бабусі ніякої зовнішньої опори не потребували і не належали до жодної групи, а були винятково особистісними. Інша справа, що до того, коли вона переказала їх мені, а я надрукував їх у книзі, насправді перебували в межах її пам'яті-у-собі. Але хіба переповідання спогадів та їх виключно груповий (колективний) характер – це одне й теж саме? І «позагруповість» цих її спогадів аж ніяк їх не пригасала і пригадувала вона їх абсолютно без вставання на точку зору якоїсь групи. Ба більше, ці її меморії, можливо, суто стохастичні, могли цілком суперечити колективно-груповій пам'яті, котра відображує аподиктию явища, його домінуючу тенденцію. Але це не привід ці індивідуальні спогади, що випадають із загальної картини, змальованої колективною пам'яттю, заперечувати або ігнорувати. Іноді окремий випадок (у сенсі події, яка *випала* із загального тренду) може розкрити нам інші, цікаві, але до цього приховані сторони того чи іншого явища, усвідомлення яких збагачує цілісну картину події.

Подібне звернення до групи було б, можливо, корисне, наприклад, для особистих спогадів учасників війни, коли з фрагментарних спогадів кожного з них вимальовувалась загальна цілісна картина або, як зазначає М. Гальбвакс, коли хтось з них (індивідуальна пам'ять) забажав би уточнити в інших ветеранів (колективна пам'ять) свій власний спомин про подію. Щоправда, уточнення індивідуальних спогадів з метою їхньої корекції певним чином тавтологічне – корекцію доведеться робити на підставі таких самих індивідуальних спогадів, але поєднаних у групову пам'ять.

У світлі сказаного чого стають варті слова М. Гальбвакса про те, що у передачі реальності пам'ять є ненадійною, а історія – об'єктивною. Якщо визнати правоту інших істориків-методологів відносно того, що історія має справу не з реальністю, а зі спогадами на підставі пам'яті, то про яку «передачу реальності» та начебто безсумнівну об'єктивність історії взагалі можна говорити?

З цього випливає ще одне питання, і торкається воно того, чи є вказані спогади фактами (навіть у сенсі спогадів), що мають рівнозначну достовірність? Вочевидь, обидва вони фіксують якісь реальні події протилежного змісту, втілені в судженнях та умовиводах. Таким чином дані висловлювання заперечують один одного, і через це зафіксовані у них факти мають бути розділені на факт істинний та факт хибний. Якщо ж ми визнаємо обидва висловлювання істинними, то за цих умов порушується закон заперечення, оскільки з них випливають взаемовиключні висновки стосовно одного предмета думки. Між тим в основі цих суджень лежать спогади про реальні події, які мають однаковий онтологічний статус та однакову об'єктивність. Іншими словами, істинність події визначає й істинність її переказу. А ось стосовно істинності висновків, що виводяться з цих висловлювань, не все так однозначно, оскільки ми повинні відрізнити один від одного той факт, що був зафіксований у висловлюванні, і власне висловлювання, котре ґрунтується на спогадах. Проте сама об'єктивна подія до того, як вона знайшла вираз у висловлюваннях, виступає як своерідна «річ-у-собі». Відомий трюїзм про те, що подія (факт) самі по собі не існують, що факту як такого немає, що є лише його інтерпретація, дозволяє припустити, що саме на рівні інтерпретації факту можливі такі його суб'єктивно викривлені альтернативні перекази, які можуть надати цьому фактові абсолютно протилежних значень.

Список використаної літератури:

1. Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М.: Наука, 1984. 315 с.
2. Рикёр П. Память, история, забвение / пер. с франц. М.: Изд-во гуманитарн. лит., 2004. 728 с. (Французская философия XX века. Серия).
3. Экле О. Г. Факты и фикции: о текущем кризисе исторической науки // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории; под ред. Л.П. Репиной. Вып. 7. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 392 с.

Бородіна Н. В., Кирилюк О. С.
**КОНТРОВЕРЗИ СІМЕЙНОЇ ПАМ'ЯТІ. ЧАСТИНА 2.
ПРОТИЛЕЖНІ ТЕОРЕТИЧНІ УЗАГАЛЬНЕННЯ
АНТИТЕТИЧНИХ ФАКТІВ І ФОРМАЛЬНА ЛОГІКА**

У цій частині будуть наведені письмово зафіксовані контрверсійні факти сімейної пам'яті з умовно-гіпотетичними висновками з них уявних істориків-інтерпретаторів, що узагальнювали би їх у той самий спосіб, як це робив згадуваний у першій частині друг автора та здійснено розбір цих узагальнень з точки зору можливостей формальної логіки. Іншими словами, проблемне питання тут можна сформулювати так: чи можливо з позицій формальної логіки усунути суперечність у протилежних теоретичних інтерпретаціях контрверсійних документальних свідчень шляхом визнання наявності в одній з них формально-логічних помилок?

Розглянуті нижче свідчення були почасти почерпнуті зі збережених батьком документів, акуратно переплетених ним у два зошити з написом тушшю «Архів», шпалерним малюночком на звороті. Матеріалом для аналізу будуть також слугувати записані мною спогади мого батька та його матері, моєї бабусі, зокрема, про пережиті ними у зоні німецько-фашистської окупації буремні роки Другої світової війни у маленькому містечку на межі волинського Полісся. Зібрані ці матеріали у виданій мною 2008 року книги «Я піснею назву надій отих краплини» [1], що має титул «Народний архів».

Ця книжка вже попала до поля зору українських істориків, що вивчають так звану «історію повсякденності» [4, сс. 215, 220, 222, 245, 246 та інш.]. Серед надрукованих в ній спогадів є чимало й таких, що свідчать про взаємовиключність, контрверсійність подій та, відповідно, їх фіксацій у пам'яті та у наступних задокументованих формах.

Тепер уявимо собі таку гіпотетичну ситуацію, коли який-небудь історик, за прикладом мого друга, звернеться до цієї книги як до історичного джерела та надасть перевагу одному з цих свідчень, оголошуючи його *фактом*, одночасно

заперечуючи повідомлення очевидця, яке йому суперечить і яке він оголосить *фікцією*. Інший історик, навпаки, надасть перевагу останньому свідченню як незаперечному *факту*, що підтверджується очевидцями, та оголосить *фікцією* те, що перший з них розцінив як факт. Ці умовні міркування, судження та умовиводи будуть наводитимуться разом з тим чи іншим вже оприлюдненим спогадом с посиланням на відповідну сторінку книги.

Факт-свідчення а-1:

Из бабушкиного рассказа, переполненного «зойками» и причитаниями, я узнал, как немецкое оккупационное начальство приказало отцу выйти наутро на работу по очистке дорог от снега, а у отца не было совершенно никакой обуви. За невыход грозил расстрел. Его брат, дядя Боря, за ночь пошил отцу какое-то подобие сапог из старых автомобильных покрышек, и тем выручил своего брата. ... На таких работах в нечеловеческих условиях трудилась и бабушка. Их разместили в холодных сараях, не кормили. Однажды из их группы сбежало несколько человек. Немцы выстроили всех и начали отсчитывать каждого десятого для расстрела. Все люди, говорит бабушка, завыли-зарыдали в голос, упали на колени и стали просить их не расстреливать. Расстрелы действительно отменили [1, с. 272].

Можливі висновки першого альтернативного історика:

Факт-джерело а-1: Мирне населення під час примусових робіт трималося німцями у голоді та на морозі. За невихід на примусові роботи або за втечу з них німці мирне населення розстрілювали.

Історичний науковий факт-дослідження а-1: Німецькі окупанти до мирного населення ставилися позвірячому.

Факт-свідчення а-2:

Отец часто вспоминал, и очень оживленно, как по дороге из <уже оккупированного> Львова домой он пересекся с вермахтовской тыловой колонной, и военврачи из полевой машины с красными крестами, увидев, что он еле передвигается, сделали ему в колени какие-то такие хорошие уколы, что он сразу легко пошел. Это были австрийские студенты-медики. Они, наверное, посочувствовали своему

колеге, студенту из Львова, города, когда-то принадлежавшего той же стране, что и Вена [1, с. 273].

Можливі висновки другого альтернативного історика:

Факт-джерело а-2: *Військові медики Вермахту надали допомогу студенту-біженцю. Медичні частини німецько-фашистської армії були складовою частиною Вермахту.*

Історичний науковий факт-дослідження а-2: *Солдати Вермахту ставились до мирного населення гуманно.*

Факт-свідчення б-1 (документи):

<p>Грицівська Районова Управа Старокостянтинівського Округу Кам. Подільської області м. Гриців № 6 4</p> <p>1942 р. <u>26 червня</u></p>	<p>ПОСВІДЧЕННЯ</p> <p>Пред'явник цього пан <u>Кирилюк Сергій Іванович</u> дійсно прослухав та засвоїв програму двух-тижневих курсів по перепідготовці бухгалтерів за новим способом обліку в громадських господарствах та державних маєтках, переведені інструктором Головного Управління державних маєтків України при Генеральному комісаріаті.</p> <p>ШЕФ РАЙОНОВОЇ УПРАВИ ІНСТРУКТОР-БУХГАЛЬТЕР</p> <p>підпис</p> <p>ЛЕКТОР підпис печатка з тризубом та німецьким текстом</p>
--	--

[1, с. 127].

<p>Грицівський райвиконком 12-4-44 р.</p>	<p>КОМАНДИРОВКА</p> <p>Пред'явник цього бухгалтер- інструктор по колгоспному рахівництву Грицівського РВЗ тов. Кирилюк Сергій І. командирується в с. Пеньки Грицівського району по справі організації курсів колгоспних</p>
---	---

	рахівників. Голова Виконавчого Комітету Райради Депутатів Трудящих /Плевак/
--	--

[1, с. 132].

УРСР Виконавчий комітет Грицівської районної ради Депутатів трудящих Кам.-Подільської області „1” березня 1945 №__	Посвідчення Видане сучасне т. Кирилюку Сергію Івановичу в тім, що такий є дійсно контролер-ревізор Контроль-Ревіз. Управління Народного Комісаріату Фінансів Союзу ССР по Грицівському району. Що і стверджується. Голова Виконкому райради депут. труд. підпис (Плевак) Зав. Райфінвідділом підпис (Горянський)
---	---

[1, с. 141].

<u>28 VIII 1946</u> НКО-УРСР Київський державний університет ім. Т. Г. Шевченка ДОВІДКА т. Кирилюк С. І. зарахований на 1 курс філософського ф- ту КДУ відп. сек
--

[1, с. 153].

Можливі висновки першого альтернативного історика:

Факт-джерело б-1: *Залишившись на тимчасово окупованих територіях та змушені в силу обставин поступати на роботу до німецьких установ радянські громадяни з поверненням радянської влади продовжували працювати на своїх посадах, вони так само посилалися на курси підвищення кваліфікації та у службові відрядження, їх брали на роботу на відповідальні посади в державних органах цієї влади (КРУ), приймали на навчання до вищих навчальних закладів.*

Історичний науковий факт-дослідження б-1: *Радянські громадяни, що працювали на німців, після того, як були звільнені від німецько-фашистської окупації і не були*

визнані зрадниками Батьківщини, ніяких утисків з боку радянської влади не зазнавали.

Факт-свідчення б-2 (документи):

Управляющий шахтоуправления № 3
<Чистяковантрацит Луганской области>
От: Кирилюк Сергея Ивановича
Прошу Вас отпустить мне фуфайку из имеющегося в Вашем распоряжении малоценного инвентаря, поскольку я ощущаю крайнюю необходимость в теплой одежде и обращаюсь к Вам с убедительнейшей просьбой удовлетворить мое прошение, поскольку моя просьба вызвана самым крайним моим материальным положением.
20.10. 44 Киселево

[1, с. 134].

Открытое письмо
Куда: У.С.С.Р. Каменец-Подольск. Обл.
Грицев через Шепетовку Кому: Кирилюк С.И.
Москва, Моховая 9, Приемная комиссия Московского ордена Ленина Государственного университета им. М.В. Ломоносова
Тов. Кирилюк! Прием иногородних закончен, ибо юридический факультет исчерпал свой лимит на вызов и общежитие. Секретарь: подпись
21/VIII-44 г.

[1, с. 147].

Пролетарі всіх країн, єднайтеся!
Районна комсомольська конференція Грицівського району
МАНДАТ № 102
Тов. Кирилюк Сергей Ив.
Обраний делегатом районної конференції від КСМ організації Райисполком з правом ухвального голосу.
Голова мандатної комісії підпис ... лютого 1945 р.

[1, с. 135].

Можливі висновки другого альтернативного історика:

Факт-джерело б-2: Радянських громадян, котрі перебували на тимчасово окупованих територіях, а тим більше тих, хто працював на німців, після звільнення примусово забирали на відновлення зруйнованою війною

промисловості, зокрема, шахт, де вони працювали у важких умовах голоду та холоду (для отримання продовольчої посилки треба було мати дозвіл, не видавався навіть такий простий теплий одяг, як фуфайки), причому під трудову повинність підпадали й ті, хто під час війни перебував у складі підпільних комсомольських організацій (без цього комсомольця відразу після звільнення не ввели б у керівні органи райкому ЛКСМУ). Цим громадянам під різними приводами відмовляли у вступі до вишів.

Історичний науковий факт-дослідження b-2: *Всі без виключення радянські громадяни, які перебували на окупованій німцями території, піддавалися на цій підставі жорсткій дискримінації.*

Проблема формально-логічного аналізу історичних фактів ускладнюється необхідністю спочатку їх перевірити та правильно інтерпретувати, адже «з хибного судження може слідувати все, що завгодно». Безпосередньо фактчекінг виходить за межі логіки, але є початковою стадією дослідження згідно з правилами критичного мислення.

Сучасний фактчекінг перш, ніж брати факт у роботу, пропонує звернути увагу на п'ять деталей: **1) Джерело інформації; 2) Емоційна мова та лексика; 3) Авторство; 4) Дата публікації; 5) Наявність фактів, даних та думок.** Тобто, йдеться про впевненість у тому, що вам подають саме факте, а не авторські думки з приводу ситуації [3]

Якщо джерело інформації невідоме або не визиває довіри, якщо інформація емоційно забарвлена, якщо точна дата начебто «факту» невідома, якщо автор – «тітка маминої подруги», то це вже є підставою для того, щоб не брати цей нібито факт до уваги.

Далі, якщо ми перевірили факт та визнаємо його достовірним ми можемо просуватися у дослідженні далі і намагатися робити висновки. Перше правило дослідження – один факт ще не може бути достатньою підставою для будь-якого умовиводу.

Існує тільки три логічні операції, які ми можемо зробити з одним фактом, без залучення інших джерел, зокрема статистики. Це перетворення, обернення та протиставлення. Їхнє завдання – зрозуміти факт більш

глибоко, показати всі його можливі деталі трансформації форми без зміни змісту.

Наприклад. У нас є свідчення про одну людину, якій відмовили у вступі до ВНЗ. Тобто це квантор існування (є хоча б один такий об'єкт), та ми не можемо робити узагальнення. Судження стверджувальне – ми приписуємо людині предикат «відмовили у вступі до ВНЗ».

Тобто ми отримаємо частково стверджувальне судження: «Деяким громадянам СРСР, які перебували на тимчасово окупованих територіях, відмовляли у вступі в ВНЗ». Без залучення додаткових фактів ми можемо зробити:

1) *Перетворення*: Деякі громадяни СРСР, які перебували на тимчасово окупованих територіях, не є тими, кому не відмовляли у вступі в ВНЗ.

2) *Обернення*: Деякі люди, яким відмовили у вступі до ВНЗ є громадянами СРСР, які перебували на тимчасово окупованих територіях.

3) *Протиставлення*.

а) *протиставлення предикату*: Часткові стверджувальні судження не можуть бути протиставлені предикату.

б) *протиставлення суб'єкту*: Деякі люди, які були прийняті до ВНЗ не є громадянами тимчасово окупованих територій.

Власне, це все, що класична логіка може зробити з одним фактом.

Далі, якщо є декілька схожих фактів, то можна скористатися типом логічного висновку з назвою «індукція». Цей тип умовиводу працює тільки якщо була зафіксована достатня кількість схожих даних, або як кажуть соціологи: «вибірка була репрезентативною».

Загальна схема індуктивного умовиводу наступна:

$S_1 - P$

$S_2 - P$

$S_3 - P$

.....

$S_n - P$

$S_1 S_2 S_3 \dots S_n$ становлять частину або вичерпують увесь обсяг S

$\forall x S - P$

Сучасні вчені, які використовують індуктивний метод, керуються наступними правилами:

1. Кількість випадків, які досліджуються у посилках, повинна бути якомога більшою. Факти, на основі яких були зроблені висновки, повинні бути якомога різноманітними.

2. Розглянуті факти повинні бути типовими, істотними. Ви повинні бути впевнені, що випадок, на основі якого ви робили висновок – це не виключення.

3. Обсяг поняття, яка є суб'єктом висновку, повинен бути мінімальним.

4. Обсяг поняття, що є предикатом висновку, повинен бути якомога більшим, а зміст, відповідно, найбільш вузьким [2].

Тобто, якщо ми маємо приклад однієї людини ми повинні продовжувати дослідження і накопичувати факти далі, перш ніж ми можемо зробити висновок про всі об'єкти даного класу.

Якщо ми не виконуємо всіх цих правил, то ми отримаємо одну з двох логічних помилок:

1) Поквапливий умовивід (Jumping to conclusion), у якому ми не можемо бути впевненими через брак достатньої кількості даних.

2) «Після цього не значить внаслідок цього» – ми повинні бути впевнені, що події об'єднані причино-наслідковим зв'язком, а не просто збігли у часі.

Тобто, у нашому прикладі ми повинні досліджувати далі сходині феномени відмов до вступу у ВНЗ, щоб бути точно впевненими, що відмова пов'язана з перебуванням на тимчасово окупованій території.

У сучасній науці популярності набула також трохи інша форма дослідження – а саме, аналіз когнітивних упереджень.

Що змушує вчених робити поквапні висновки? Що змушує їх плутати причинно-наслідкові зв'язки та збіг у часі?

У даному випадку це, перш за все, підтверджувальне упередження – когнітивна помилка, яка властива нашому світосприйняттю: ми більш охоче сприймаємо ту інформацію, що співпадає з нашими думками та переконаннями. Спеціалісти з кіберзахисту також досліджують цей феномен у аспекті формування так званих «інформаційних міхурів». Це така ситуація, коли людина просто не може сприйняти певну інформацію через те, що та не відповідає її переконанням. Через деякий час нею довкола себе починає створюватися такий собі «інформаційний міхур», тобто, деяке інформаційне оточення, котре вже відповідає переконанням.

Повернемось до вихідного твердження: **«Деяким громадянам СРСР, які перебували на тимчасово окупованих територіях, відмовляли у вступі в ВНЗ».** Якщо є людина, яка вірить, що «ніякої несправедливості за часів СРСР існувати не могло», то вона проігнорує інформацію про дискримінацію мешканців тимчасово окупованих територіях і будь-яку згадку про цю інформацію буде сприймати як намагання «спаплюжити пам'ять великої країни СРСР». Може навіть почати шукати докази, що дискримінація за часів СРСР була неможлива. Через ту обставину, що зараз більшість дослідників для пошуку доказів користується інтернетом, це призводить до того, що пошуковий сервіс запам'ятовує його запити і в подальшому буде видавати контекстну рекламу та новини перш за все на цю тему, що змусить його ще більш сильно повірити у справедливість своєї вихідної гіпотези того, що «ніякої несправедливості за часів СРСР існувати не могло». Саме так створюється інформаційний міхур.

Тут також варто згадати ту методологічну особливість досліджень, на яку звертав увагу Т. Кун. Якщо ми маємо справу з «фактами», ми повинні пам'ятати, що навіть те, що ми називаємо фактами, може бути теоретично навантаженим.

У такому контексті сподівання провести цілком об'єктивний аналіз історичних *фактів-джерел*, котрі

суперечать один одному, із залученням самої тільки формальної логіки, на жаль, не є виправданими. Навіть виконання всіх правил логіки може привести до того, що їхнє сприйняття буде залежати від загальної світоглядної установки історика, визначеною його приналежністю до певного домінуючого у даному суспільстві контекстуального оцінювання даного джерела в рамках узагальненого сприйняття більш широкої історичної події, до якої включено цей менш загальний факт, або навіть від власних особистих упереджень істориків, котрі дотримуються відмінних поглядів. Що ж стосується антитетичних інтерпретації цих *фактів-джерел*, тобто, протилежних історико-теоретичних висновків як *фактів-досліджень* – це така проблема, відносно якої жодна когнітивна наука ще не може надати одностайного алгоритму подолання такого стану справ.

Список використаної літератури:

1. Кирилюк С. І. Я піснею назву надій оцих краплини. Народний архів (праці, вірші, щоденники, спогади, додатки) / Сергій Іванович Кирилюк. Одеса: Автограф, 2007. 417 с.
2. Конспект лекцій з дисципліни «Філософія» для студентів інженерно-технічних спеціальностей / укладач : Н. В. Бородіна. ОНПУ. Одеса: Наука і техніка, 2019. 65 с.
3. Фактчекінг. Wikipedia. On-line: <https://uk.wikipedia.org/wiki/Фактчекінг>
4. Хоменко Н. Студентство в соціальній структурі радянської України // Повоєнна Україна: нариси соціальної історії (друга половина 1940-х – середина 1950-х рр.) / Наталя Хоменко. У 2-х книгах, 3-х частинах. Кн. 1, ч. 1–2 / відп. ред. В.М. Даниленко. Київ: Інститут історії України НАН України, 2010. С. 209-249. (Серія «З історії повсякденного життя в Україні», т. II).

**«КОРЕЙСЬКА ХВИЛЯ»:
ІСТОРІЯ ВИНИКНЕННЯ ТА ОСОБЛИВОСТІ
ФЕНОМЕНУ**

В еру цифрових технологій взаємодія культур є неминучою, вона зумовлена багатьма факторами: соціальна мобільність, культурна інтеграція, глокалізація та уніфікація, що сприяє формуванню особливого погляду на культурні традиції і особливості різних країн і народів світу.

За останні двадцять років Республіка Корея характеризується надзвичайним піднесенням національної культури.

Корейська популярна культура, що отримала назву «корейська хвиля» – це результат «просування власних культурних продуктів на глобальний ринок, що поєднує в собі американський капіталізм і корейський націоналізм» [2, с. 436].

Масштаби та швидкість поширення даного феномену наштовхують дослідників на вивчення «формули успіху» цього росту. Саме тому виникає величезна кількість нових робіт, присвячених питанням розуміння, зростання, посилення і популяризації азіатської культури. Актуальність і новизна обраної теми криється у виникненні зацікавленості до «корейської хвилі» на глобальному, світовому рівні.

На сьогоднішньому етапі розвитку – феномен трансформувався в масову молодіжну субкультуру, яка з року в рік зростає і цікавить все більшу кількість людей. У всьому світі шанувальники активно слухають пісні корейських виконавців, дивляться фільми й серіали, хтось вивчає корейську мову, стежить за життям знаменитостей.

Занурюючись в цю субкультуру, ми бачимо дивовижний синтез двох абсолютно різних кінців світу: Заходу та Сходу, який, в результаті, репрезентує оригінальну стратегію поширення.

Масової популярності «корейська хвиля» набула, багато в чому, завдяки гучній «Gangnam Style» репера PSY, але ще до цього були зроблені спроби виходу на зовнішній ринок, які закінчилися успіхом, спершу в таких країнах, як Китай, Тайвань і Японія, а незабаром поширилися на території США,

Латинської Америки та Європи.

Сам термін «корейська хвиля» з'явився в кінці 1990-х рр. серед пекінських журналістів, які в такий спосіб спробували описати процес швидкого поширення сучасної південнокорейської масової медіа-культури на території Східної Азії, зокрема в Китаї. Саме КНД став першим орієнтиром, на який була націлена «хвиля» і спроба виходу на зовнішній ринок. Першими продуктами просування були: кіно і телеіндустрія.

Спочатку експорт в цій сфері був спрямований виключно на країни Східної Азії. Це була так звана «перша хвиля».

«Друга хвиля» веде свій відлік з середини 2000-х, коли корейський ринок поширює свої кордони і стає націлений на просування в Японії, тим самим заявляючи свої претензії не лише на східний сегмент, але і на азіатський континент взагалі. З цього моменту індустрія починає працювати паралельно: виробництво на корейський і китайський ринок здійснюються окремо від японського [7, с. 214-216].

«На сьогоднішній день «корейська хвиля» поширилася більш ніж на 60 країн Азії: Тайвань, Японія, Таїланд, Філіппіни. Це можливо пояснити схожим азіатським менталітетом і легкістю сприйняття культурних продуктів, якщо порівнювати із західними критеріями» [9, с. 23], – зазначали представники південнокорейського уряду. Таким чином, етап розвитку цього феномену перебуває на етапі «третьої хвилі», коли середовище впливу розширюється до світового панування [9, с. 30].

Серед найбільш дієвих систем, що розповсюджують феномен, ми віднесемо: музичну індустрію, кіновиробництво та телепродукцію.

Корейська поп-музика, або К-поп є однією з найяскравіших проявів «хвилі» Східної Азії. Марк Рассел в своїй роботі описав музичну складову, як суміш красивих і легко запам'ятовуваних мелодійних мотивів упереміш з яскравими і потужними шоу-виступами і добре продуманим візуальним рядом артистів [1, с. 17-24].

Щодо історії виникнення цього напрямку, то вона сягає своїми витокami в післявоєнний період, коли Південна Корея була під впливом США. Починаючи з 1953-го року велика

частина населення знайшла собі роботу, граючи музику для американських військових, які були спрямовані на службу по всій країні. Спочатку це був традиційний трот з використанням традиційних інструментів. Однак тривале перебування американців на території Південної Кореї дало свої переваги. Ця країна не була відокремлена від західних тенденцій, які військові привозили з батьківщини. На хвилі цього почав формуватися, так званий «корейський джаз» або «корейський рок-н-рол». Марк Рассел писав, що: «з часом музиканти набули популярності, утворюючи певний різновид ранньої корейської рок-музики, проте в середині 1970-х рр. влада поклала край цьому напрямку» [1, с. 36].

Переслідуючи мету побудувати сильну і незалежну від імпорту та експорту державу, уряд спрямував всі сили на важку і хімічну промисловість, оголошуючи диктатуру та змушуючи працювати силоміць. Все населення, незалежно від роду діяльності було залучено до роботи – так країна за 20 років такого режиму зуміла забезпечити собі стабільну економіку.

В цей час корейська музична індустрія була представлена сумішшю західного диско і популярної музики, але виконана виключно на корейській мові. Переломним моментом стали 1990-ті, які принесли з собою артистів здатних експериментувати зі звуком і мелодією.

Починаючи з 1992 року, уряд ставить собі на меті розповсюдження власного продукту на світовий ринок за допомогою «м'якої сили».

Джозеф Най, що вів термін в обіг зазначав, що: «М'яка сила – це здатність досягти того, щоб інші бажали того ж результату, який бажаш і ти» [8, с. 167] за допомогою привабливості і вміння переконувати. Такою «зброєю» була обрана культура, яку активно почали спонсорувати і залучати до роботи людей не тільки всередині країни, але також і представників діаспори в усьому світі. Корейські політики дуже тонко відзначили, що новим і інноваційним шляхом можна залучити до себе туриста, при цьому, не відриваючись від власних «коренів» і традицій.

Одним з яскравих представників і першопроходьців став гурт Со Те Джі. Емма Селмон їх описувала як: «комбінація хіп-хопу і танцювальної музики, що трансформувала музику в Кореї, заклавши основу сьогоденної К-рор індустрії» [3, с. 509].

У 1991 р він створив свій гурт Seo Taiji and Boys, що, експериментуючи зі звучанням, пройшли шлях від хіп-хоп команди до нью-метала і зупинились, в кінцевому підсумку, на поп-звучанні. Група розпалася в 1996 році, проте Со Те Джин продовжив сольну кар'єру, що і вважається відправною точкою. Саме він, на пару з Ян Хьон Соком, ще одним представником к-поп, почали формувати музичну «корейську хвилю». Паралельно один одному, вони збудували величезні корпорації – агентства, які почали не просто займатися підготовкою вже готових артистів, а й відбирати і стажувати тих, хто потенційно може їм стати. Таким чином, вони сформулювали абсолютно новий підхід до становлення шоу-бізнесу. Першою такою компанією стала SM Entertainment, яка почала свою діяльність в 1996 році, потім, у тому ж 1996 році, почала свою діяльність і YG Entertainment, а незабаром кількість дрібних агентств, що відкривались по всій території Кореї сягали більш ніж 500 одиниць, на чолі яких стояла «Велика трійка» – SM, YG і JYP Entertainment [5, с. 57-63].

Наступне явище «корейської хвилі» – кінематограф і виробництво серіалів, які в країні називають «драмами» або «дорамми». Кім Юна зазначала, що Корея тривалий період була на перетині двох культур – тому вона зуміла поєднати в собі тенденції і дух західного кінематографа, однак наповнити його глибоко-традиційними і символічними моментами, які властиві тільки східному мисленню [6, с. 147-165].

Корейський словник термінів дає наступне визначення: «Дорама або драма - це азіатські, в першу чергу японські, міні-серіали різних жанрів. Зараз цей термін став значно ширший і об'єднує, також, корейське, китайське, тайванське, гонконгське і тайське телевиробництво. Багато дорам знімаються за національними коміксами - манга, манхва або манхуе, в залежності від того, про яку країну йде мова» [10, с. 23].

Дорами знімають у величезній кількості, не менше 50-ти стрічок щорічно з розрахунком на різну аудиторію. За своїми технічними характеристиками, дорами відрізняються від західних, перш за все, тривалістю – як правило, одна серія триватиме близько години, а всього в сезоні 15-20 серій. Також, існує чіткий розподіл дорам на сезони, оскільки, в середньому, одну дорама транслюється близько 3-х місяців.

У Кореї існує 3 основних телевізійних канали, які транслюють національні серіали - головний державний канал KBS – Korea Broadcasting System, MBC – Munhva Broadcasting Corporation і приватна телевізійна станція SBS – Seoul Broadcasting System.

Майкл Брін наголошував, що перші дорами, які вийшли на екрани, датуються 1962 роком, коли був запущений перший державний канал KBS. Наступними в інтервалі з 1962-го по 1969 роки запускалися канали: TBC і MBC.

На початку свого виробництва на все телевиробництво та кінематограф накладалася державна цензура. Масову популярність телевізійна та кінематографічна діяльність отримала в 1970-1980-х, коли телевізор перестав бути розкішшю і з'явився у більшості корейських будинків.

У період з 1981 по 1991 рр. головною темою дорам була спроба диктувати ідею законності влади – тому на перший план виходять питання демократизації та урбанізації.

У 1990-х до вже існуючих каналів приєднався і телеканал SBS, який відразу ж почав транслювати серіали. Таким чином, вже в 1990-х роках закріпилася система показу дорам на 4-х головних телеканалах Кореї [4, с. 75-90].

Що стосується жанрового різновиду, то опираючись знову ж на роботу Майкла Бріна, їх кілька: історичні саги, мелодрами, комедії, детективи і романтика.

Ми можемо припустити, що відмінною рисою «корейської хвилі» є вдала гібридизація наслідків культурної взаємодії та довготривале перебування під протекцією США та експансією Японії. В результаті, ми отримали своєрідну діючу формулу: використовуючи культурні коди, зрозумілі Заходу, корейці вмילו поєднують їх зі своїми національними аспектами.

Окрім вищезазначеного, під поняття «корейської хвилі» підходить також розповсюдження корейської продукції та мови. На рівні з розвитком культури, Майкл Брін у своїй роботі звертав увагу, що починаючи з 90-х величезні корпорації, так звані «чеболі» почали взаємодіяти з зовнішніми партнерами і виходити на світовий ринок. До таких корпорацій він відніс: LG, Hyundai, Samsung [4].

«Корейська хвиля» – це не лише культурний феномен, але й створення за допомогою «м'якої сили» національного бренду

та сталого розвитку. Зростаючий експорт корейської медіа-культури поліпшив імідж країни і призвів до підвищення обізнаності в сфері виробництва корейської продукції. Продажі корейських споживчих товарів за кордоном, включаючи телевізори, мобільні телефони, автомобілі, одяг і косметику, виросли за рахунок стратегічного освоєння «Корейської хвилі» [6, с.16].

Слід також звернути увагу, що зростаючий інтерес до «Корейської хвилі», особливо до телевізійних драм, спровокував різке зростання кількості іноземних туристів, які відвідують місця, де знімалися їх улюблені драми. «Корейська хвиля» стала культурним ресурсом для зростаючої масової громадської уяви, що знаходиться в більш широкому процесі глобального споживання і нової сфери цифрової фан-культури [6, с.16].

Як ми бачимо, сукупність факторів спровокувала масовий культурний феномен, який набуває великого значення на світовій арені і носить назву «корейська хвиля».

Список використаної літератури:

1. М. Дж. Рассел. K-POP! Корейская революция в музыке. М.: Эксмо, 2019. 128 с.
2. Полосина Е.В. «Корейская волна» в стратегии национального брендинга Южной Кореи // Межкультурные взаимодействия в условиях глобализации. СПб.: Скифия-принт, 2012. С. 435-440.
3. Сэлмон Э. «Халлю». Кумиры корейской поп-культуры // Корея: через тернии к звездам. 1950 - 2010. 60 удивительных историй корейского чуда. Сеул: Корейский институт государственного управления, 2010. С. 508-516.
4. Breen M. The New Koreans: The Story of a Nation. NY: Thomas Dunne Books, 2017. 480 p.
5. Kim S. K-pop Live; Fans, Idol, and Multimedia Performance. Redwood City: Stanford University Press, 2018. 288 p.
6. Kim Y. The Korean Wave: Korean Media Go Global. London: Routledge, 2013. 250 p.
7. King R. Seoul: Memory, Reinvention, and the Korean Wave. Honolulu: University of Hawaii Press, 2018. 344 p.
8. Nye J. S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. NY: Public Affairs, 2004. 191 p.
9. The Korean Wave: A new pop culture Phenomenon / cop. by Korean Culture and Information Service. 1st pub. Seoul: Gil-Job-le Media, 2016. 110 p.
10. The K-pop Dictionary: 500 Essential Korean Slang Words and Phrases

Every K-pop Fan Must Know / cop. by Woosung Kang. 1st pub. Seoul: New Ampersand Publishing, 2016. 200 p.

Крынский А. А., Чех Н. Б.
СИЯНИЕ РАЗУМА.
О.П. ПУНЧЕНКО
В ПРОЕКТЕ «УСТНЫЕ ИСТОРИИ ФИЛОСОФОВ»
В УКРАИНЕ

Лишь с огромным трудом, путём взаимной проверки – имени определением, видимых образов – ощущениями, да к тому же, если это совершается в форме доброжелательного исследования, с помощью беззлобных вопросов и ответов, может просиять разум и родиться понимание каждого предмета в той степени, в какой это доступно для человека.

Платон. Письма. VII письмо

Проект «Устная история» уже сделал себе имя в Москве¹, был подхвачен в Киеве². Однако здесь, у нас в Одессе, он только начинает развиваться. Что же он из себя представляет? В-первых, форма. Это диалог с философом или любым другим значимым для нашего времени деятелем культуры. В нашем случае, мы представляем вашему вниманию выдержки из интервью с д-ром филос. наук, проф. кафедры философии и истории Украины ОНАС им. А. С. Попова – О. П. Пунченко. Во-вторых, цель. Конечно же, есть определения, которые давали этому детищу непосредственно его создатели, но здесь хотелось бы выразить своё понимание. Так как именно опираясь на него подбирались вопросы и строилось интервью. Подобные интервью, безусловно, становятся «холодным орудием» памяти, при этом с обоюдоострым клинком. Ведь оно направлено в противоположные стороны. В прошлое, позволяя нам увидеть изнутри, как в советский период работала система подготовки

¹ Институт философии РАН реализует интерактивный проект «Философия в публичном пространстве» (координатор проекта – Д. Э. Летняков. URL: https://iphras.ru/vedeo_usthist.htm) совместно с Фондом развития гуманитарных исследований «Устная история» (руководитель проекта – Д. Споров. URL: <http://oralhistory.ru/>) с 2013 г.

² Речь идёт о проекте «Отечественная философия в пространстве устной истории». Организатор проекта – философ Т. Чайка (см.: Чайка Т. Доторк. Презентація проекту «Усні історії філософів» / Тетяна Чайка // Філософ. думка. 2009. № 3: Феномен радянської філософії. С. 140-145).

интеллектуалов, а также взглянуть на то, какие тогда изучались проблемы. В будущем, позволяя следующим поколениям обратиться к этому и многим другим интервью, в принципе, с той же целью – что бы узнать, а как же всё было устроено и что волновало умы в наше время. Эта проблематика лежит в основе исследования интеллектуальной биографии.

Мы хотим обратить ваше внимание на ещё один аспект. А именно, такого рода интервью являются отличной возможностью для диалога между философами сквозь поколения. Обращаясь к собранным материалам, всегда будет возможность сделать срез проблем того или иного времени или направления, организовать дискуссию. При отсутствии подобных материалов в прошлом, не исключена утрата памяти о значимых страницах интеллектуальной биографии ряда философов. Просто, потому что то, что они изучали не интересовало современников. Но, кто знает, может быть их исследования могли бы стать актуальными сейчас? Проводя подобную работу, хотелось бы, что бы никто не был забыт, а проблемы, разрабатываемые нашими философами, были восприняты и в будущем тоже.

Руководителем проекта «Устные истории философов» в Одессе является И. В. Голубович – д-р филос. наук, зав. кафедры философии ОНУ им. И. И. Мечникова.

Биографическая справка

Пунченко Олег Петрович родился 2-го сентября 1941 года в п. Копысь (в настоящее время – г. Копысь), Оршанского района, Витебской области. В течение пяти лет учился в средней школе п. Копысь, затем средней школе № 3 в г. Орша. После окончания школы в 1958-м году, учился в Волховском алюминиевом техникуме (Ленинград. обл.). После службы в рядах советской армии в ЛенВо, с 1964-го по 1969-й годы обучался в Ленинградском государственном университете на факультете философии и психологии (с 1966 года – факультет философии) по специальности «философия». С 1969 года преподавал философские дисциплины в Витебском технологическом институте легкой промышленности (ВТИЛП). С 1971 года обучался в очной, а затем заочной аспирантуре Института философии и права АН БССР (г. Минск). В 1977 году защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Научно-

техническая революция и проблемы управления социальными процессами в развитом социалистическом обществе»³.

В 1988-м году поступил в докторантуру Института философии и права АН БССР. В 1993 году защитил докторскую диссертацию по теме: «Критическая функция философии: логико-гносеологический и историко-философский аспект»⁴. Получил аттестат профессора в 1994-м году.

С 1977 года по настоящее время живёт и работает в Одессе. Преподаватель философских дисциплин в Одесской национальной академии связи (ранее ОЭИС) им. А. С. Попова, с 1994 года – заведующий кафедрой философии и истории Украины. Академик Всемирной академии наук комплексной безопасности, академик Академии связи Украины, ассоциированного члена Академии информатизации при ООН.

Член редколлегии четырёх зарубежных научных⁵ и трёх украинских специализированных журналов⁶. Автор более 390 научных работ.

Интервью публикуется в сокращённом виде.

Дата проведения интервью – 21 мая 2018 г.

...

НЧ: Олег Петрович, среди Ваших работ есть как персональные, так и коллективные монографии; учебные пособия.

ОП: Есть коллективные монографии, подготовкой которых я руководил, а есть и ряд личных исследований. Самая первая, в которую меня пригласили в качестве соавтора –

³ Пунченко О.П. Научно-техническая революция и проблемы управления социальными процессами в развитом социалистическом обществе: автореф. дис. ... канд. филос. наук / О. П. Пунченко. Минск: тип. Одес. облполиграфиздата, 1977. 25с.

⁴ Пунченко О.П. Критическая функция философии: логико-гносеологический и историко-философские аспекты: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / О. П. Пунченко. Минск, 1993. 43 с.

⁵ Зарубежные научные журналы: «Философские исследования» Института философии НАН Беларуси; «Труды БГТУ. Серия «История, философия»; «Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купаль»; «Веснік Могільов. дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова».

⁶ Українські наукові журнали: «Гуманітарний вісник Запорізької державної індустріальної академії», «Наукове пізнання. Методологія та технологія», «Перспективи. Соціально-політичний журнал».

«Методологические основы социального управления» (Минск : БГУ, 1977), а далее пошли работы: «Метод преобразующей критики и его роль в познании и практике» (Москва–Одесса : Защитник Родины, 1991); «Гносеологические основания философской критики» (Одесса : Астропринт, 2000); «Образование в системе философских ценностей» (Одесса : Печатный дом, 2010); «Цивилизационное измерение истории человечества» (Одесса : Астропринт, 2013); «Образование в пространстве философских проблем современности» (Киев : Кафедра, 2013); «Археология ноосферного образования» (Одесса : Печатный дом, 2017). Из учебных пособий можно выделить: «Основы философии для аспирантов», «Основы философии» для студентов, отдельно издавались в трёх частях, затем издавалась «Философия» в 2005-м и 2006-м гг., «Религиоведение», где я – соавтор, переиздавалось четыре раза.

...
НЧ: Олег Петрович, кто был вашим научным руководителем в студенческие годы?

ОП: В студенческие годы моим научным руководителем был Юрий Сергеевич Мелешенко⁷ – д-р наук, профессор. Его мама читала мне историю философии, а он занимался философскими проблемами техники, философией техники. В конце 1968 года он издал книгу вместе с С. В. Шухардиным, которая была посвящена столетию со дня рождения В. И. Ленина и называлась «Ленин и научно-технический прогресс». Эта работа до сих пор у меня есть.

НЧ: Олег Петрович, в своих книгах Вы обращаетесь к понятию Философская школа. В то время, когда Вы учились в Ленинграде, была ли сформирована питерская философская школа или существовали отдельные философские сообщества?

ОП: Да, была. Питерская школа занималась больше онтологией, а московская – гносеологией, а позже, с переездом П. В. Копнина⁸ в Киев, киевская школа философии также

⁷ Мелешенко Ю.С. (1922 – 1972) – д-р филос. наук, проф. кафедры философии АН СССР. С 1967 г. заведовал Ленинградским отделением ИИЕТ АН СССР. Член редколлегии журнала «Вопросы философии» (1964-1972).

⁸ Копнин П.В. (1922 – 1971) – д-р филос. наук, проф., зав. кафедрой философии АН СССР (1956-1958), директор Ин-та философии АН УССР (1962-1968),

развивалась как гносеологическая. Что же касается меня лично, то я всё время был связан, начиная с 70-х годов, с Институтом философии академии наук Беларуси.

...

АК: Олег Петрович, в нашем разговоре Вы обозначили своё знакомство с Авениром Ивановичем Уёмовым. При каких обстоятельствах и когда Вы с ним познакомились?

ОП: Когда я приехал в Одессу, у нас было тогда ещё отделение философского общества СССР, где я встретился с А. И. Уёмовым раз, второй, а потом между нами завязались хорошие научные отношения. Но, в 1993-м году у нас с ним произошло своеобразное «отторжение». Когда Авениру Ивановичу сказали, что я защитил докторскую диссертацию, он говорит: «Раз он через нашу школу не прошёл, то я его диссертацию не признаю». Представляете? Я пошёл в Дом ученых, там было заседание философского общества и говорю: «Авенир Иванович! Меня признает Минск, Беларусь. Меня признала Москва, меня признали все. Вы знаете И. С. Нарского?» А. И. Уёмов ответил: «Да». «Он, – говорю, – у меня был «чёрным» оппонентом. Я прошёл всех, а через Вашу школу не прошёл. Я системным подходом не занимаюсь. У меня другое. Нас с Вами объединяет то, что я занимаюсь теорией познания и Вы – теорией познания. Вы разрабатываете методологию, а я теорию познания». И я ему рассказал всё это. Он говорит: «Олег Петрович, я ж не знал, чем вы занимаетесь». После этого мы с ним встретились и часа полтора – два беседовали и у нас установились очень тёплые отношения. Но, он знал, что я философ по образованию и, когда я спрашивал его, почему он не выпускает на защиту А. Ю. Цофнаса, он говорил: «У него нет философского образования. Это у тебя есть, у меня есть». Для него философское образование было основным критерием занятия философией, это была основа. И потом он меня приглашал неоднократно, чтобы я оппонировал диссертации его аспирантов. И я оппонировал диссертациям его аспирантов и все это знали. Мы встречались часто, он приходил ко мне, мы беседовали у меня в кабинете. И тем не менее, между нами ещё

академик АН УССР (1967); директор Ин-та философии АН СССР (с 1968), член-корреспондент АН СССР (с 1970).

один раз «пролегла тень». Но, Авенир Иванович был мудрым человеком. В 2016 году я написал о нём статью «Лабиринты философского творчества профессора А. И. Уёмова»⁹. Когда Л. Н. Терентьева, прочитала мою статью, расстроилась и говорит: «Олег Петрович, я не ожидала такого». Я говорю: «Ну, мы же с ним были в хороших отношениях». А какая тень? Пришла Л. Н. Терентьева и говорит: «Олег Петрович, Вы можете быть рецензентом по работе Авенира Ивановича?» Я говорю: «Дайте посмотрю». Я посмотрел и говорю: «Чуть-чуть надо изменить отношение к Гегелю, на этой странице». И он и я слушали один курс «Ленинская критика науки логики Гегеля». Мы в университете целый семестр эту науку логики вдоль и поперек изучали. И вдруг, когда Авенир Иванович повернулся к Гегелю спиной, я говорю: «Нельзя, у него много хорошего. Да, есть негатив, но есть же и позитив. ...Я настаиваю на изменении». Л. Н. Терентьева сразу же поняла, что я отказываю. Она говорит: «Все будут только считать за честь быть рецензентом этой книги». А я говорю, что не могу через себя переступить. Она ему об этом рассказала. Он встретился со мной и говорит: «Молодец, это твоё кредо». И что сделал Авенир Иванович? Выпустил эту книгу и подписал мне одному из первых. Когда он ушёл из жизни, в Институте философии в Минске вывесили его фотографию и сообщили о смерти. Я прилетел из Минска и об этом сказал в своей прощальной речи. А потом, когда в Одесском университете открывали мемориальную доску А. И. Уёмову, я выступил тоже. В Минске в это время праздновали День философа. И там вспоминали его также. А. И. Уёмов был оппонентом докторской диссертации по системному методу Эдуарда Максимовича Сороко, зав. отделом философии методологических исследований Института философии НАН Беларуси.

Что можно сказать об Авенире Ивановиче? Великий Ученый, великий Философ.

...
НЧ: Олег Петрович, в контексте нашего разговора, можете ли Вы назвать ещё несколько имён людей, которые оказали на

⁹ См. Материалы конференции «IV научные чтения памяти проф. А. И. Уёмова». Одесса, ОНУ им. И.И. Мечникова. Одесса: Печатный дом, 2016. С. 248-255.

Вас, на Ваше становление как философа, значительное влияние. Были, можно сказать, Вашими Учителями?

ОП: Кто на меня оказал очень большое влияние? Ну, в-первых, академик Д. И. Широканов, академик К. П. Буслов. Я бы мог здесь вспомнить А. В. Майхровича, А. И. Савастюка, Г. П. Давидюка. Можно много говорить о наших спорах с А. И. Зеленковым, П.А. Водопьяновым, которые оказали также на меня влияние. Мы с А. И. Зеленковым учились в аспирантуре. Я бы мог вспомнить ряд москвичей. Несомненно, необходимо сказать о В. С. Стёпине¹⁰. Разве за 44 года знакомства наши встречи не оказали влияние на меня, как профессионала? Я же знал его тогда, когда он выпустил первую книгу «Становление научной теории» и защищался. Несомненно, на меня оказали влияние встречи с А. А. Гусейновым. Очень хотел бы поблагодарить их. Что касается украинских философов, я бы хотел прежде всего отметить Игоря Валентиновича Бычко. Мы с ним много беседовали, много спорили. И фактически мы стали разрабатывать с ним вдвоём в Украине концепцию критической функции философии и рассматривать критику, как форму научного познания. На меня оказали влияние мои встречи с В. И. Шинкаруком, Н. Н. Мокляком, О. И. Кедровским, зав. кафедрой ЗГИА В. Г. Воронковой, а также с В. Л. Чуйко, В. С. Ратниковым и др. Можно действительно много вспоминать, но часто приходится делать другое. Обращаться самому с просьбами к ним. Что делать?! Я сделал то, чего в Академии связи не было и более не повторится – я открыл аспирантуру по философии. За эти 12 лет, даже 11 с половиной, у меня защитилось 7 человек. И самое интересное, не просто философы защищались, например, В. В. Богаченко, а защищались те, кто закончил этот вуз. Защищался аспирант, который сейчас – доцент кафедры защиты информации и безопасности информации С. В. Стайкуца, защищался аспирант, который закончил МЭС (многоканальная электросвязь), П. Е. Козленко, защищалась А. В. Сакун, которая работает в Академии связи на кафедре менеджмента и по сей день, защищался А. В. Кокорев, который сейчас ушёл от нас, а также И. И. Дыдышко – директор

¹⁰ Стёпин В.С. – д-р филос. наук, директор Ин-та философии РАН (1988–2006) (до 1991 г. – АН СССР); научный руководитель Ин-та философии (с 2006 г.); советник РАН, почётный директор Ин-та философии РАН.

колледжа транспортных технологии, защищалась А. В. Цыра с кафедры сетей связи. Я всем находил интересующие их темы.

НЧ: Олег Петрович, какие философские проблемы Вы исследуете в настоящее время?

ОП: Спектр этих философских проблем довольно широк. Я занимаюсь методологией научного познания. У меня есть идея написать ряд статей по системному подходу. Но как? Я хочу показать рефлексии системного подхода. Системный подход – это одно дело. Начнём с самого простого, с 1962-го года, когда Л. фон Берталанфи обосновал сущность системного подхода. Все остальные концепции, в рамках системного подхода – это его рефлексия. Что такое общая параметрическая теория систем? Это рефлексия системного подхода. Вот допустим, мы с вами говорим о философии. Философия науки есть? Это рефлексия. Философия образования есть? Это рефлексия. Философия техники есть? Это рефлексия. Философия естествознания есть? Это рефлексия. Философия – ствол и тут ветви пошли, это и есть рефлексия. Я говорю, системный метод это одно. Общая параметрическая теория систем – рефлексия, общая теория систем В. Н. Садовского – рефлексия, общая теория систем А. И. Ракитова – рефлексия и другие. В 1969-м году появляются первые две статьи по синергетике известного немецкого физика и математика Г. Хакена в которых он разрабатывает синергетический подход, а в 1977-м году он выпускает книгу «Синергетика»¹¹. В дальнейшем начала бурно развиваться синергетика, но она же выходит из системного метода. Разница состоит в том, что у Берталанфи системы линейно развивающиеся, а здесь – открытые, которые развиваются нелинейно. Нелинейное развитие приводит к хаосу, а хаос приводит к взрыву, к бифуркации и дальше идёт выбор аттрактора развития, по которому будет развиваться система. Но, это тоже системный подход. И тоже рефлексия. В 1992-м году появился новый подход, кластерный. Но, кластерный подход – это тоже рефлексия системного подхода. Мы можем интегрировать в единое целое методологию всех наук – естественных, технических, общественных и сказать, что это

¹¹ Haken H. Synergetics, an Introduction. Nonequilibrium Phase-Transitions and Self-Organization in Physics, Chemistry and Biology. Springer, 1977.

методологический кластер. Насколько сегодня отдают предпочтение кластерному подходу? Известно, что в 2008-м году в Европе был принят кластерный меморандум, это было 10 лет назад. Всё это развивается и, поэтому, мне интересно посмотреть ответвления системного подхода. Это у меня одно направление. Второе, я продолжаю исследование философской критики и её роли в научном познании. Третье, чем я занимаюсь в последнее время, начиная с 2014-го года, я опубликовал минимум пять статей, и более 10-и тезисов по современному Китаю. Меня интересует, что они предлагают в образовании, в цивилизационном развитии страны, каков их путь построения двух цивилизаций – материальной и духовной. И как они решают свои проблемы под флагом глобализации. Например, они инвестировали в греческий порт Пирей, а потом говорят – давайте рассчитываться, а у греков денег нет, они взяли и отдали Китаю порт Пирей полностью. Теперь Китай вкладывает деньги в наш измайловский порт. Развёртывая евроазиатскую цивилизацию, на сегодняшний день Китай отправляет еженедельно пять поездов в Германию. Там около Берлина недалеко есть небольшой город, где они устроили перевалочную базу. А Германия присылает в Китай знаете сколько? Один поезд! В Европе говорят: «Мы пока завязаны на США». А в это время Китай заваливает Европу товарами.

Китай предложил свою систему образования, он превращает страну в общество обучения, поскольку всё меняется очень быстро и нужны грамотные кадры. Они вскрыли все недостатки болонской системы и предложили свою. И теперь у ряда стран появился выбор новой системы образования, то есть можно развивать образование либо по болонской системе, либо по китайской. Ещё одна проблема, которая меня интересует – проблема фронтиров, которая возникла с развернувшимися процессами евроазиатской глобализации. Фронтир я рассматриваю как зону встречи восточной и западной цивилизации и пытаюсь обосновать нелинейный, хаотический характер этой зоны. В статье «Фронтиры евроазиатской глобализации: синергетический анализ», которую я отправил в журнал «Век глобализации»¹² я обращаю внимание на три

¹² Научный журнал «Век глобализации» №3, 2018 г.

фронта: экономический, образовательный и третий, связанный с ростом народонаселения, исследую попытку проникновения арабо-мусульманского мира в Европу, как проблему перенаселения человечества в условиях современного цивилизационного развития. Вышеуказанными проблемами я сейчас и занимаюсь.

НЧ: Спасибо за то, что уделите нам время. Для нас наша встреча очень важна во многих аспектах. Спасибо огромное.

ОП: Спасибо, спасибо вам.

ЦЕННОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПОЯВЛЕНИЯ НАУЧНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Рост научного сообщества осуществляется как благодаря тому, что ученые имеют доступ к культурному источнику, который создан самим сообществом, так и тому, который создан окружающим обществом. Обнаруживается постоянное проникновение внешней культуры в сферу науки. Ученые в значительной степени используют знания, усваиваемые ими во внеаучной деятельности. В своей работе они часто переходят от высокоэзотерической терминологии к языку повседневности. При этом ими используется широкий спектр интерпретационных понятий, заимствованных из обыденного рассуждения, правда, в новом теоретико-профессиональном контексте. Что может показать в данном аспекте сравнение ценностных детерминант европейского и китайского менталитета для осуществимости научной революции?

Часто возникает вопрос, почему судьбоносный переход к современной науке произошел именно там, где произошел. Классическую формулировку «проблемы научной революции» дал Д. Нидэм, спрашивающий, «почему же современная наука, математизация гипотез естествознания и все последующие технологические преобразования пережили такой бурный подъем только на Западе во времена Галилея» [1, р. XXV-XXVI], почему такая революция не имела место где-нибудь еще, например, в китайской цивилизации. К этому Нидэм присовокупляет еще один вопрос, углубляющий и заостряющий общую проблему – почему в период между I и XV вв. китайская цивилизация достигла гораздо большего успеха, чем, западная, в практическом применении естествознания?

Такая формулировка проблемы поддерживает неявные, допущения западных людей, принимаемые зачастую без обоснования. 1. Мы обычно думаем, что научная революция должна была произойти везде. Однако вовсе не очевидно, что научная революция, в виде теории и практики современного типа (присущая только Новому времени), была предметом устремлений других общественных структур до недавнего времени, когда она превратилась в вопрос жизни и смерти в

условиях невиданных ранее изменений. 2. Цивилизации, располагающие потенциалом для проведения научной революции, должны были провести ее по образцу западной, охватывающей институциональные и социальные перемены, определяемые как модернизация. 3. Поскольку современная наука так скоро стала носить глобальный характер, то она преодолевает европейские мыслительные детерминации и становится такой же универсальной, объективной, и внеценностной как сама Природа, которую она стремится понять и покорить.

Китайская наука обходилась без дихотомий «тело–ум», объект–субъект. Это не значит, что физические и мыслительные акты смешивались, они просто не рассматривались как взаимоисключающие. На Западе же эти дихотомии были привнесены в современную науку, и такие различия позволили ученым установить прерогативу над физическим миром, т. к. «натуральное» знание не противоречит установленной религией властью в душевно-духовной сфере.

Осуществившаяся в Европе научная революция привела к изменению проблематики и инструментария для ее исследования. Впервые в истории был установлен общезначимый приоритет числа и меры в исследовании физических явлений. Она не только обеспечила – с достаточной точностью логического обоснования – сочетание теоретического поиска общих форм объяснения с практическим требованием четкого воспроизводства результата, но и стала рассматривать в качестве критерия понимания жестко контролируруемую деятельность по получению истины. В центр познания было положено требование «истина превыше всего», которое было прежде всего апелляцией к факту, морально нейтральному, свободному от вмешательства Бога. Хотя в Китае в это же время, в XVII веке, происходили определенные концептуальные изменения, в частности, в астрономии, они не бросили тень сомнения на все традиционные идеи, не расширили сферу применения числа и меры до уровня охвата всех земных явлений, не восприняли идею эксперимента.

Список использованной литературы:

1. Needham G. Science and Civilization in China. Vol. 5. P. 2. Cambridge: University Press, 1974.

Леоненко Л. Л.

О КРИТЕРИЯХ ОТЛИЧЕНИЯ СВОЙСТВА ОТ ОТНОШЕНИЯ

1. А.И. Уёмов неоднократно подчеркивал, что для понятий "вещь", "свойство" и "отношение" *невозможно* дать *определения* в логическом смысле этого термина [1, с. 51-52; 2, с. 25-31]. Причина – эти понятия суть философские категории, они предельно общие, и для них нельзя указать *genus proximum* и *differentia specifica*. Это справедливо и для категорий других дисциплин – скажем, в математике невозможно определить понятия "множество" и "натуральное число" (см., напр., [3, с. 232-237]).

Когда нет возможности дать определение, прибегают к *разъяснению* того или иного понятия на *примерах* его употребления. Так поступает и А.И. Уёмов в [1] и [2]. Помимо этого, А.И. Уёмов предлагает *не-логические*, но "*онтологические определения*" понятий "вещь", "свойство" и "отношение" друг через друга [1, с.51-52; 2, с. 31-36], что тоже можно считать разновидностью *разъяснения*. На мой взгляд, в подобных случаях лучше заменять термин *определение* каким-то иным. Скажем, В.А. Успенский в цитированной работе использует термин *постижение* – понятия *постигаются* посредством примеров [3, с. 250].

В книге [2] А.И. Уёмов критикует свое *онтологическое* определение "вещи" из [1] «**Вещь — это система качеств** (т.е. **существенных свойств**)» [1, с.21] на том основании, что понятие "система" само определяется через категории вещи, свойства и отношения, так что определение "вещи" через "систему" приводит к порочному кругу. Взамен прежнего он предлагает определение «**Вещь – это отношение свойств**» [2, с. 33].

Я же думаю, что это – также не более чем *разъяснение* понятия "вещь". Оно не бесполезно, не его невозможно *постигнуть* в отрыве от других *примеров*, характеризующих вещи, связи вещей со свойствами, отношениями и другими сущностями, такими как "существенный признак", "иерархия признаков", и т.п. (такие примеры приводятся, в частности, в [1] и [2]). Думаю, что и примеры, описывающие в [1] связь "вещи"

и "системы", вполне уместны. Да, в дальнейшем может оказаться, что понятие "системы" допускает *определение* через *ранее постигнутые*, хотя и не определённые в строгом смысле, понятия "вещь", "свойство" и "отношение". И порочного круга не будет.

Ввиду этого я не вижу оснований отказываться от принятого в [1] понимания "вещи" как "*системы качеств*".

2. Я хочу обсудить вопрос, касающийся истолкования (онтологического определения) категории "отношение" А.И. Уёмовым в его работах, опубликованных *после* книги [1]. Дело в том, что сравнительно с [1] это истолкование изменилось. В тексте, выражающем онтологическое определение "отношения", было заменено *одно* слово.

Онтологическое определение, предложенное в [1] (см. выше) базируется на том, что **«всякое взаимоотношение между вещами или свойствами образует из них целое, которое можно рассматривать как особую вещь»** [1, с.51]. В последующих же работах А.И. Уёмов считает, что эта вещь будет не просто особая, а *новая* – такая, которой не было до установления отношения (см., напр.: [4, с.65; 5, с.37-41; 6, с.85-87; 7, с.11-12; 2, с.30-31; 8, с. 58-59]).

Сейчас можно лишь предполагать, почему в [1] был использован термин "особая", а не "новая". Возможно, причина в признании А.И. Уёмовым наличия у (или в) вещи как существенных, так и *несущественных* отношений. Такое признание *препятствует запрету* считать вещи, связываемые некоторым *новым* отношением, *прежней* вещью (системой качеств). И.А. Крылов написал об этом "Квартет". В стиле книги [1] уместно сказать, что, *рассаживаясь по-новому*, персонажи "Квартета" создают *различные* особые вещи, *не* выходящие за рамки *прежней* системы качеств. Новой вещи не возникает.

Приведу ещё один пример, показывающий, что при приписывании вещам (вещи) новых отношений довольно часто эти вещи (вещь) считаются *прежними*, поскольку произошедшие с ними изменения признаются *несущественными*. Предположим, что в футбольном матче вратарь команды "Динамо" был удален. Правила позволяют, чтобы в ворота встал полевой игрок. Его роль в команде

радикально меняется, меняются и роли ряда других игроков – возникает *новое* отношение между игроками. Должны ли мы считать, что "это уже не Динамо"? Правила с нами не согласны – результат матча будет засчитан именно "Динамо".

Эти примеры свидетельствуют, что, если *новое* отношение приписано вещи(ам), утверждать, что возникла *новая* вещь, в общем случае нельзя. *Кое-что* в самом деле изменилось – ведь корреляты "старого" взаимоотношения теперь суть корреляты нового. (Скажем, бывший *нападающий* стал *вратарем*). В этом слабом смысле можно говорить о *новых признаках* вещи или её "частей", но не всегда о *новой* вещи.

Возможно, именно этот слабый смысл имели в виду авторы книги [9], когда писали: «**Свойство, как мы отметили, не меняет вещь, а вот отношение – меняет. В частном случае речь может идти и о физическом изменении, но главное в том, что поставив вещь в отношение, мы и рассматриваем её всего лишь как коррелят, носитель отношения**» [9, с.23, сноски] (курсив авт.; подчёрк. моё).

Разумеется, *такие* новые свойства у коррелятов нового отношения всегда появляются. Так, если рукопись лежит на кафедре, то *тем самым* она приобретает новое свойство "лежать (или: лежащая) на кафедре", а кафедра – новое свойство "местоположение (или опора для) рукописи". Но приобретенные таким образом новые свойства вовсе не всегда существенны, с чем – в случае рукописи на кафедре – согласен и А.И. Уёмов (см. [8, с.77]).

Поэтому мой ответ на вопрос «Можно ли установить в вещи(ах) *новое*, еще не существовавшее в этой вещи(ах) *отношение*, и при этом считать вещь(и) с новым отношением *прежней* вещь(ами)?» таков: *Да*, если это отношение признается *несущественным* для вещи(ей), которой(ым) оно приписывается. Следует подчеркнуть, что точно так же отвечает на этот вопрос и А.И. Уёмов в книге [1] – см., напр.: [1, с, 29].

С другой стороны, нетрудно привести примеры, свидетельствующие, что *иногда* установление нового отношения приводит к возникновению вещи, которую невозможно отождествить с прежней. Поэтому я согласен с [1]: установление в вещи (вещах) *т* отношения *R* образует некое

целое, являющееся особой вещью m_1 ; но возражаю против того, что m_1 *всегда* следует признавать новой вещью, отличной от m . Могут быть как случаи $m_1 \neq m$, так и случаи $m_1 = m$.

Аналогично, приобретение вещью m нового *свойства* может как привести, так и не приводить к возникновению *другой*, новой вещи m_1 . «... **утрата или приобретение системой того или иного свойства не превращает данную вещь в другую до тех пор, пока не преобразуется вся система качеств**» [1, с.25] (курсив А.И. Уёмова).

Поэтому если объект m приобрел некий новый атрибут A и в результате превратился в *другой* объект m_1 , нельзя однозначно отнести A ни к категории свойства, ни к категории отношения. Признак "изменения объекта атрибутом" не является *отличительным* признаком отношения.

3. Почему же в более поздних, сравнительно с [1], работах А.И. Уёмова и его коллег принимается тезис «**Приписывание свойства предмету не меняет предмет**» [4, с.65]?

Если температура воды $t=99^\circ$, то она не может быть равна 100° . Этого свойства мы не можем *приписать* воде. Мы можем, однако, *подогреть* её на один градус и получить пар. То есть, если *придать* путём подогревания воде новое свойство $t=100^\circ$, получим качественно *другую* вещь (сравн. [1, с.25]); но *приписать* данной воде можно только наличные у неё $t=99^\circ$. Новое свойство возникло *в результате* установления нового отношения к воде.

Насколько я могу судить по прочитанным мною работам, все приводимые в них А.И. Уёмовым и его коллегами примеры, обосновывающие тезис «приписывание свойства вещи – это приписывание ей *уже присущего* ей свойства» прямым или косвенным образом говорят в пользу тезиса:

T_0 . Приобрести *новое* свойство вещь может только путем установления в ней (или к ней) некоторого *отношения*.

4. Можно допустить, что тезис T_0 справедлив в окружающем нас физическом мире. А в других мирах? Скажем, в "третьем мире" К. Поппера? Его "обитатели" – идеи, понятия, научные теории, произведения искусства. Может ли вещь из "третьего мира" приобрести новое свойство, не вступая в новое отношение?

Для *понятий* это обычная ситуация. Квадратом называется равносторонний прямоугольник. Отношение равенства сторон – это *свойство*, которое *не* входит в перечень признаков, образующих понятие "прямоугольник". Новые понятия создаются, и создаются путем приписывания каким-то иным объектам "третьего мира" новых свойств и отношений. И бывают ситуации, когда новые свойства приписываются непосредственно, просто по воле автора понятия. И. Ламберт в 1766 г. определил "трипрямоугольник" – четырехугольник, у которого *три* угла прямые. А четвёртый? Он *неизвестен*, и предлагается *доказать* или *опровергнуть*, что он прямой, *не прибегая* к пятому постулату Евклида. Несомненно, "трипрямоугольник Ламберта" является достойным, значимым обитателем "третьего мира".

Если же обратиться к его обитателям из "подмира искусства", то возможность волюнтаристского приписывания свойств только возрастает. У В.С. Высоцкого есть персонаж – «дикий *вепрь агромадный*». Кроме перечисленных, он обладает ещё одним сложным свойством «*то ли буйвол, то ли бык, то ли тур*». Какие соображения (отношения?) заставили автора наделить своего *чудо-юду* именно такими свойствами? Это не имеет значения. *Чудо-юдо* Высоцкого попало в третий мир именно таким; и только таким будет взаимодействовать с ментальным миром (как, например, это происходит при написании мной и чтении вами данного текста).

Поэтому похоже, что в общем случае следует заменить тезис T_0 таким:

T_1 . *Иногда* мы можем "прямо" приписать предмету *новое* свойство, а *иногда* требуется предварительно установить в предмете (или к нему) *новое* отношение или отношения.

"Двойственным" (см. [1, с.168-174]) для T_1 будет следующий тезис:

T_2 . *Иногда* мы можем "прямо" установить в предмете (или к нему) *новое* отношение, а *иногда* требуется предварительно приписать предмету *новое* свойство или свойства.

Приведу всего один пример. В физическом мире мой внук собирался *жениться на* соседской девочке. Ему тогда было 4 года, ей 3. Можно установить желаемое отношение?

Я думаю, что имеются довольно веские основания для принятия (пусть в "нулевом приближении") тезисов T_1 и T_2 . Но если так, то получается, что ссылки на "новизну" *не помогают* нам различить категории "свойство" и "отношение".

5. Если "постижение" понятия C достигло некоторой достаточной степени, часто применяют формальный аппарат для построения *модели* понятия C . Предложенные модели не всегда адекватно отражают "постигнутые" понятия. Однако важно, что они допускают *формальный* анализ этих понятий средствами логики и математики.

Формальную модель FM_C понятия C иногда можно трактовать как *определение* этого понятия в избранном формальном языке. *Такое* определение уже не должно, разумеется, содержать *circulus vitiosus*.

А.И. Уёмов пишет: «**Рассмотренное <в [1, с.21] – ЛЛ> определение отношения можно считать онтологическим. Его необходимо дополнить логическим определением отношения. В суждении субъект обозначает вещь, которой приписывается тот или иной признак — предикат. Свойство обозначается этим предикатом. Что же касается отношения, то его также можно выражать через предикат, но через предикат особого рода, приписываемый сразу двум или нескольким вещам вместе и ни одной из них в отдельности**» [1, с.53].

Похоже, что в этом определении А.И. Уёмов использовал *модель* категории "отношение", принимаемую в логике предикатов. Это так, *если* термин "предикат" выше понимался им как "пропозициональная функция". Нельзя исключить, что так оно и было.

Но впоследствии А.И. Уёмов отказался от такой модели "отношения" и предложил свою, используя иной формальный аппарат – язык тернарного описания (ЯТО). В обоснование замены прежней модели он привел ряд примеров отношений, которые непредставимы, по его мнению, многоместными предикатами.

Я анализировал эти и другие примеры (см. [10]), и считаю, что относительно *некоторых* из них А.И. Уёмов прав. Именно, трактовка предиката как пропозициональной функции: 1°) неадекватна тезису о взаимопереходности вещей, свойств и

отношений; 2°) не дает возможности отождествлять отношения различной местности; 3°) не позволяет отличать отношения типа "в" ("непрерывность" и т.п.) от одноместных предикатов, выражающих свойства.

С другими доводами А.И. Уёмова (например, что рефлексивные отношения одноместны, что существуют многоместные свойства) я не согласен. В вышедших позднее работах А.И. Уёмова и его коллег я не нахожу новых, принципиально отличных от прежних, примеров, подтверждающих его позицию.

Как бы то ни было, я считаю, что А.И. Уёмов вполне правомерно предложил свою формальную модель категорий "вещь", "свойство" и "отношение" в ЯТО. Другое дело, что и для Уёмовских ЯТО-формализаций этих категорий уместен вопрос об адекватности уровню их неформального постижения. Я считаю, что ЯТО справляется с трудностями, перечисленными выше под номерами 1°, 2° и 3°. Что, конечно, не означает, что ЯТО может заменить логику предикатов во всех областях её применения (как не могут это сделать и другие неклассические логики).

6. "Традиционное" различие свойства и отношения упрощенно таково: свойство характеризует одну вещь, а отношение – "совместно" несколько вещей.

Возможно ли такое *уточнение* логического определения категории "отношение", которое учло бы замечания 1°, 2°, 3°, но вместе с тем являлось бы *обобщением* указанного традиционного различения? Я предложил такое обобщение (см. [10]). Суть его, упрощенно говоря, такова. В логике предикатов понятие «несколько вещей» заменяется на «конечное число объектов, не меньшее двух». Часто «несколько» имеет именно такой смысл. Это и обуславливает возможность рассмотрения обширного класса отношений как многоместных предикатов. Но в других случаях «несколько» может означать «неопределенное число», или вообще не связываться с понятием числа и означать лишь необходимость ссылок на «части» объекта, или его «повторные упоминания». Тогда необходим формализм, в котором выразимы понятия «тождества предикатов с разным числом мест», «неопределенноместного отношения», «отношения "часть–целое"» и т.п.

Мне кажется, что предложенное мною уточнение согласуется с философской трактовкой А.И. Уёмовым категорий "вещь", "свойство" и "отношение" в книге [1]. А в качестве формализма с требуемыми свойствами может быть выбран ЯТО.

7. Я думаю, что "духу" книги [1] отвечают следующие тезисы:

1^а) Предмет может приобретать или терять свойства, оставаясь *прежним* предметом.

1^б) Предмет может приобретать или терять свойства, становясь *другим* предметом.

2^а) Предмет может приобретать (или "вступать в") отношения, и может их терять (или "исключаться из" них), оставаясь *прежним* предметом.

2^б) Предмет может приобретать (или "вступать в") отношения, и может их терять (или "исключаться из" них), становясь *другим* предметом.

Рассмотрим следующие ЯТО-определения (объяснение смысла используемых ниже λ -операторов см., напр., в [11]):

(ιA) Другой сравнительно с ιa предмет $=_{def} (\iota A) \{ \lambda x (x / \iota A) \}$

Иными словами, мы говорим: «Назовем ιA другим, сравнительно с ιa предметом, если ιA обладает свойством "отличаться от любого ιA ».

(ιA) Прежний сравнительно с ιa предмет $=_{def} (\iota A) \{ \lambda x (x \Rightarrow \iota a) \}$

То есть: «Назовем ιA прежним, сравнительно с ιa предметом, если ιA обладает свойством "быть некоторым ιa ».

Если теперь согласиться с тем, что "потеря свойства" означает "приобретение некоторого *иного* свойства", то принятие тезисов 1^а и 1^б будет означать, что *обе* формулы

$((\iota A) a) \{ \lambda x (x / \iota A) \}$ и $((\iota A) a) \{ \lambda x (x \Rightarrow \iota a) \}$

не отвергаются в ЯТО.

С другой стороны, можно отвергнуть одну из этих формул. Например, отвергнув первую, — т.е. приняв тезис «Приписывание свойства *не изменяет* вещь», — мы получим исчисление ЯТО, описывающее "мир *позднего* (после книги [1]) Уёмова". Изучая формальные свойства такого исчисления, можно исследовать особенности этого "мира".

А как быть с "новыми" свойствами и отношениями вещи? Если отказаться от инкорпорации в ЯТО времени, все же остаются возможности выразить тезисы вроде следующего:

Тз. Предмет может иметь свойство *P* только при условии, что в нем установлено отношение *R*.

Формализуем Тз:

$$\{(IA^*)_{IPA} \rightarrow IRA(ia)\} \bullet \{ \{ [A(*ia)] / IRA \} \rightarrow \{ [(ia^*)A] / IPA \} \}$$

Например (сравните [4, с. 65]), если свойство *IPA* – "всадник" приписано произвольному *IA*, то этому *ia* присуще некоторое отношение *IRA*: именно, *ia* на лошадке сидит. При этом если любое отношение некоторого *ia* отлично от любого отношения сидения на лошадке (на ней ведь по разному можно сидеть), то любое свойство *ia* отличается от произвольного свойства из класса "всадник" – *ia* не может быть ни гусаром, ни ковбоем, ни нардепом Онищенко, ни т.п. Так что вышеприведенная формализация может считаться характеристикой физического мира, где, похоже, справедлив тезис Тз.

А как охарактеризовать логико-математический подмир "третьего" мира, обитателям которого нельзя приписывать новых свойств? Отметим, что все обитатели этого подмира *уникальны*. Все свойства функции $\sin(x)$ неотъемлемы, т.е. нет несущественных свойств. Поэтому в данном подмире приписывание свойства *не изменяет* вещь, т.е. формула $([(IA) a]) \{ \lambda x (x / IA) \}$ здесь отвергается, всегда будет ложной (как и в "мире позднего Уёмова"). Можно ещё допустить, что в данном подмире, – в отличие от любого "мира Уёмова", – кроме импликации $IA \Rightarrow ia$ всегда справедлива и $ia \Rightarrow IA$.

Приняв подобные допущения, можно затем изучать – в том числе *выводить* – другие особенности таких миров. Для этого и нужна формализация.

Более подробное и более богатое примерами обоснование изложенных здесь тезисов см. в статье [12].

Список использованной литературы:

1. Уёмов А.И. Вещи, свойства и отношения. М.: АН СССР, 1963.
2. Уёмов А.И. Системные аспекты философского знания. Одесса: Студия «Негоциант», 2000.
3. Успенский В.А. Семь размышлений на темы философии математики. // Труды по нематематике. Кн. 2: Философия. М.: ОГИ, 2014. С. 231-289.

4. Уёмов А.И. Об одном варианте логико-математического аппарата системного исследования. // Проблемы формального анализа систем. М.: Высшая школа, 1968. С. 42-69.
5. Уёмов А.И. Аналогия в практике научного исследования. М.: Наука, 1970.
6. Уёмов А.И. Системный подход и общая теория систем. М.: Мысль, 1978.
7. Уёмов А.И. Основы практической логики. Одесса: ОГУ им. И.И. Мечникова, 1997.
8. Уёмов А.И. Метафизика. Одесса: Астропринт, 2010.
9. Уёмов А.И., Сараева И.Н., Цюфнас А.Ю. Общая теория систем для гуманитариев. Варшава: "Universitas Rediviva", 2001.
10. Леоненко Л.Л. Вещи, свойства, отношения и их формальная различимость // http://uemov.org.ua/images/stories/LeonenkoVSO_85.pdf.
11. Леоненко Л.Л. Об «аналоге» оператора функциональной абстракции в языке тернарного описания // VII Уйомовські читання (2019). Одеса: Одеський національний університет імені І. І. Мечникова, 2019. С. 50-52.
12. Леоненко Л.Л. К проблеме "изменения" объекта атрибутом // http://uemov.org.ua/images/stories/leonenko/LLL_AttrChangesObj.pdf.

МОДУСЫ АТТРИБУТИВНЫХ СИСТЕМНЫХ ПАРАМЕТРОВ В ОПТС

Путь системного моделирования в общей параметрической теории систем (ОПТС) начинается с дифференциации системных дескрипторов. В классическом случае это означает воплощение движения мысли от выбранного концепта (основной идеи), через подборку под него структуры (как способа реализации концепта), к экспликации последней на произвольной совокупности элементов (субстрат системы). Получив дескрипторную модель системы, появляется возможность приступить к выявлению специфических характеристик системы (системных параметров), существующих в атрибутивном и реляционном видах. Параметры могут характеризовать системы вообще (общесистемные) или только специфические классы систем (субсистемные). По мере формирования системно-параметрической системной модели, можно перейти к следующему этапу – нахождению и формулированию системных закономерностей (специфических паттернов между системными параметрами).

Обратимся к компонентам второго этапа системного моделирования. Системные параметры представляют собой или специфические свойства систем, дифференцируемые в соответствии с отношениями между дескрипторами данной системы (атрибутивные параметры), или характеристики, возникающие на стыке дескрипторов разных систем (реляционные параметры). К реляционным параметрам относят такое известное свойство соотносимых систем как изоморфизм (здесь, совпадение структур систем), также выделяют изоконцептные и изосубстратные отношения. Очевидно, что можно говорить и о выявлении реляционных параметров, которые соотносят разные дескрипторы разных систем.

К атрибутивным общесистемным параметрам относят бинарные (например, завершенность, автономность) и линейные параметры (например, целостность, сложность). Речь идет о том, сколько значений какого-либо параметра некоторой

системы можно выделить: два взаимоисключающих (тогда мы имеем дело с точечными или бинарными параметрами), несколько, не больше какого-то фиксированного числа (многомерные параметры, как частные случаи точечных) или неопределенное число значений в виде степеней или уровней (линейные параметры). Данная классификация фундирована дифференциацией А. Уёмовым видов свойств: точечных, многомерных и линейных.

Проблема в том, что, с точки зрения языковой интуиции, в некоторых случаях кажется бессмысленным говорить о степенях бинарных системных параметров (автономности, регенеративности, завершенности и т.д.), так же как и линейные параметры вполне мыслимы в бинарном виде в определенных контекстах. Иногда, в соответствии с выбранным концептом, может понадобиться узнать является ли данная система *сложной* или *простой* (в бинарном смысле). Простым примером могут быть субстратно-сложные системы, сложность которых, в некоторых случаях зависит от количества элементов системы. Если вы умеете считать только до пяти, то система с нететически дифференцированным числом элементов $n > 5$ будет рассматриваться в качестве *сложной*, а система, с количеством элементов $n < 5$ – *простой*. Далее, иногда необходимо знать не степень *целостности* системы, а бинарную характеристику системы (да или нет) – являет ли она некоторую целостность (например, в онтологическом смысле) или ее можно рассматривать в качестве агрегата разнородных элементов (с точностью до выбранного концепта). В качестве примера такой системы можно взять живой организм, поддерживающий баланс метаболических процессов под воздействием внешней среды. В этом смысле мертвый организм являет собой дезинтегрированную систему – *нецелостную*. В общем случае, любая система, утратившая или не имеющая (онтологически или эпистемологически) системообразующего концепта может рассматриваться в точечном модусе – как *нецелостная*. Например, телефон, который не позволяет в срочном порядке сделать звонок в «скорую помощь» – не реализует свое концептное предназначение и является *нецелостной* системой, с точностью до выбранного концепта. После разрешения ургентной ситуации (будем надеяться, что

положительным образом) может оказаться, что телефон был не сломан, а просто выключен, то есть *степень* его *нецелостности* была преувеличена, но это потом.

И наоборот можно рассмотреть «линейно-уровневым» способом и всем известные бинарные параметры. Здесь можно вспомнить, как менялось в истории понятие степени делимости (*расчлененности*) атома. Так же небезынтересно задаться вопросом о степени, до которой возможна *регенерация* клеток организма (например, сколько раз отрастет хвост у ящерицы, сколько раз может срастаться сломанная кость человека, и почему у акул зубы растут постоянно, а у людей нет и т.п.). Теперь, касательно параметра *завершенности*. Небесмысленно говорить о степени *завершенности* инсталлирования компьютерной программы (1% или 97% – существенная разница в отношении потраченного времени или наличия «места» на диске), *завершенности* чтения книги (прочитал всю книгу или видел название), *завершенности* ответа на экзамене (характеристика *сдал/не сдал* подходит для недифференцированных зачетов, хотя и здесь бывают степени). Также уместно говорить о степени *завершенности* теории, книги, диссертации, статьи и т.п.

В общем, примеров можно приводить сколько угодно, но уже очевидно, что даже для рассмотренных случаев необходимо внести небольшое изменение в терминологию ОПТС. Всегда есть теоретическая возможность отмахнуться от этих случаев, назвав линейные интерпретации бинарных параметров многомерными параметрами, размерностью в 3, 4, ... n значений, где n принадлежит множеству натуральных чисел больше 2, а примеры с бинарностью линейных параметров назвать неправильно сформулированными и т.п. Однако гораздо рациональнее принять во внимание данную проблему и попытаться иметь с ней дело, особенно учитывая тот факт, что базисная концепция деления свойств на виды сформулирована А. Уёмовым с отсылками к той же языковой интуиции. Рассмотрение данной проблемы возможно двумя похожими, но различными способами: с помощью омонимии или введением контекстных модусов параметров. Так как омонимия (одни и те же означающие, но разные референты) приведет к чрезмерному увеличению количества элементов концепции, лучше принять

гипотезу, совершенно в духе учения А. Уёмова о ВСО (вещах, свойствах и отношениях), что линейность и бинарность – это не субстанциальные, а относительные характеристики системных параметров, конкретная форма (модус) которых зависит от контекста. Т.е. речь идет о том, что значения атрибутивных системных параметров, «взятые по модулю», являются квантитативно индифферентными и могут существовать в двух модусах: линейном или бинарном. Если добавить еще и многомерный модус, то тогда нужно отдельно оговаривать значение многомерности, т.к., например, 10^{81} – это конечное число значений, но уж очень большое.

ПОРОК КАК ИДЕАЛ СОВРЕМЕННОСТИ

Человек – всегда актер. Наши роли меняются в течении жизни и даже несколько раз в день. Мы снимаем прежнюю и берем новую маску, примеряем на себя, откладываем ненужную, но в любом случае без той или иной маски мы не остаемся. Иногда мы так привыкаем к определенной роли, что она становится нашей сущностью. Поэтому бывает сложно понять, что нам было присуще изначально, а что было позаимствовано.

А заимствовать можно что угодно и откуда угодно. И это нельзя назвать кражей или лицемерием, ведь подобные изменения личности также естественны, как смена вкуса. Перенимая что-то, мы в первую очередь принимаем то, что нам на данный момент подходит. Так, например, ребенок перенимает привычки своих родителей, подросток испытывает влияние друзей, а взрослый вынужден подстраивается под коллектив. Мы воздействуем на мир и в тоже время чувствуем влияние мира на нас. Таким образом, мы ищем, выбираем, впитываем и в итоге становимся теми, кем мы являемся.

В нашем окружении есть множество источников для вдохновения и подражания. Раньше, как правило, это были эпические герои, пророки и цари. В современном же мире научно-технического прогресса таких примеров стало намного больше. Мы не успеваем обрабатывать информацию. Телевидение неустанно показывает знаменитых актеров с выдуманной биографией и историями, интернет переполнен «копиями копий». Источники вдохновения и подражания зачастую становятся причинами нервных срывов, неудовлетворенности и отчаянных попыток соответствовать принятому эталону. Такое обилие информации может негативно влиять на восприимчивых людей. В этой связи понятны предостережения Платона, который полагал, что молодых людей нельзя воспитывать на мифах, в которых повествуется о «пороках богов». «Гораздо лучше, – считает Платон, – обходить это молчанием, а если уже и нужно почему-либо рассказать, так пусть лишь весьма немногие выслушают это втайне» [2; 378 а].

Красота, успех, богатство – три столпа, казалось бы, держащие этот мир на протяжении всей истории. Но следует заметить, что еще пару веков назад красота, например, не являлась первоочередной проблемой. Подобные «проблемы» имели отношение только к определенному кругу, верхним слоям общества, чьи жизненные потребности были полностью удовлетворены. Научно-техническая революция значительно облегчила жизнь людей. Мы, вроде бы, эффективнее расходует свое время. Но наличие такового не всегда идет во благо. Кроме бессмысленного времяпровождения и лени появилась возможность сравнить свою жизнь с жизнью других, далеких, на первый взгляд, счастливых людей.

Начиная с XX века можно отметить тенденцию к стремительной погоне за внешним лоском. Современный мир во многом усугубил данную ситуацию, появилось множество интернет сообществ, которые стали играть важную роль в социальном имидже человека. Общество стало определять ценность человека по этим параметрам, по самым что ни на есть поверхностным признакам. Истинный смысл жизни извращается.

Жизнь можно рассматривать в двух проявлениях: жизнь общественная, та, которую видят другие, и жизнь внутренняя, та, которая скрыта от окружающих. И общество наблюдает именно нашу внешнюю жизнь. Каждый из нас, благодаря новейшим средствам коммуникации, живет, что называется, на виду. Любые действия личности оцениваются без знания мотивов действий и в соответствии с принятыми идеалами, а любое отклонение от них может порицаться. Люди, не подчиняющиеся общепризнанным идеалам, становятся социальными изгоями. Однако наша жизнь не может являть лишь положительную сторону, она состоит из побед и поражений.

Основную культуру, определяющую развитие нашего мира, принято называть массовой. И человечество уже давно ориентируется на эту культуру практически во всех сферах жизни. Так стоит ли удивляться, что еще недавние пороки стали считаться добродетелью!? Ведь проблемами морали и нравственности всегда был обеспокоен крайне ограниченный круг людей. Творцы и учёные, обладавшие чуткой душой и

тягой к знаниям, всегда стремились изменить мир в лучшую сторону. Поэты и прозаики восхваляли добродетели посредством слова, художники изображали события, напоминая о неизменных ценностях, философы писали трактаты о подлинной духовной жизни и идеальном устройстве общества. А что сейчас напоминает нам о правильном пути, о необходимости отвечать за происходящее?! Великие умы и созданные ими произведения пребывают в тени. Далек не каждый ценит Данте, Достоевского, Джотто, Рембрандта, Абеяра или, скажем, Джордано Бруно. И далеко не каждый современный художник или философ поступает подобно своим великим предшественникам. Стоит лишь вспомнить известные пороки, чтобы увидеть их вписанными в современный образ жизни. Тяга к популярности в социальных сетях стала лишь новой формой тщеславия, стремление к обогащению как единственному смыслу жизни – новой формой проявления жадности. Кумирами становятся те, чей успех достигается любыми способами. Человек сам решает, как ему действовать, и даже если его поступки не всегда осознаны, это не снимает с него ответственности и вины за содеянное. Как говорил Аристотель, «если от нас зависит совершать поступок, когда он прекрасен, то от нас же – совершать, когда он постыден» [1, 1113b].

Нельзя сказать, что порок – детище современности. Пороки существовали всегда, но их открыто порицали. Пороки не были популярны и массово не популяризировались. Неимоверно стремительный темп жизни XXI века обернулся против нас. Мы не успеваем осмыслить происходящее и поддаемся воздействию массовой культуры. Былые идеалы уходят, а старые пороки становятся синонимом благополучия.

Список использованной литературы:

1. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 4. Москва: Мысль, 1983.
2. Платон. Государство // Платон. Собр. соч. в 4 т. Т. 3. Москва: Мысль, 1994.

Нерубаская А. А.

**СИСТЕМНО-ПАРАМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
«КОРОНАВИРУСНОГО» ОБЩЕСТВА**

Так случилось, что в преддверии апрельской конференции, посвященной Авениру Ивановичу Уёмову, не пришлось выбирать тему. Тема выбрала нас. Еще год назад мы даже теоретически не могли бы смоделировать ситуацию, которая погрузила весь мир, не разбирая экономически сильная или экономически слабое государство, в точку бифуркации. Да, именно так, в точку бифуркации, в фазовый переход системы на новый уровень. В синергетике в точке бифуркации происходят такие изменения, которые разрушают систему и позволяют родиться новой. На наш взгляд, мы в преддверии чего-то абсолютно нового. Изменится экономика, изменится политика, изменится экология, изменится социум, изменится человек. Изменения могут быть разной степени, но они будут. Например, можно предположить, что человек научится ответственности – может быть, экономности – может быть, сформирует новые ценности – тоже может быть. Это один из моментов, на который бы хотелось обратить внимание. Второй момент – это момент, касающийся адаптивных механизмов, насколько они развиты, насколько человечество готово их вырабатывать и использовать. На наш взгляд, не развиты и не предложены, скорее наоборот. Анализируя поток информации на Фейсбуке, я заметила такую тенденцию: во-первых, постоянно встречаются посты о количестве зараженных коронавирусом в мире, отдельно по странам и отдельно по городам Украины; во-вторых, противоречивые посты врачей и неврачей о том, что делать, а что не делать (гулять - сидеть дома, обращаться к врачам – не обращаться, они ничем не помогут, носить маски – не носить маски и т.д.); в-третьих посты – обращения врачей, медучреждений, волонтеров о помощи в обеспечении всем и всех. Есть пятая категория этих постов: поздравления с Днем рождения и рецептами вкусных блюд. Таким образом, мы можем констатировать перегруженность сознания людей отрицательной информацией. Цель тезисов: проанализировать систему «коронавирусное общество» и дать ответ на вопрос:

какой этап сейчас переживает это украинское общество: добифуркационный, бифуркационный или постбифуркационный.

Выберем концепт исследуемой системы. Предлагаем выбрать атрибутивный концепт. Системоопределяющим свойством есть новое свойство «коронавирусное». Это свойство означает, в нашем понимании, зараженное, нездоровое, паникующее общество. Такому концепту соответствует отношение, которое представляет реляционную структуру. Этим отношением может быть отношение людей и информационного пространства. Отношение это сложное, так как создает особый эмоциональный, напряженный фон между участниками этих отношений. В эти отношения включены все члены общества, т.к. непосредственно или опосредованно получают информацию, которая удерживает общество в точке бифуркации. Причем эта точка бифуркации общества становится точкой бифуркации каждого из его членов. Причины могут быть разные, но главные из них – это здоровье и финансовое положение. Субстратом такой системы есть люди, члены общества.

Такая система является уникальной, на наш взгляд. Уникальность заключается в том, что все общества глобальной цивилизации стали тождественны по трем дескрипторам. Общества стали относительно закрытыми, замкнутыми системами. Относительность заключается в том, что мировая социальная сеть дает возможность определить такую систему как частично закрытую. Физически, население Земли не может перемещаться из страны в страну, но общение через сети продолжается, эмоциональный фон очень сильный, напряженный, но и единственный, который связывает родных, близких, друзей, знакомых и незнакомых.

Находится ли украинское общество в предбифуркации? На наш взгляд, такой период характеризуется появлением небольших флуктуаций, нестабильностей. На наш взгляд, такой период начался в Украине примерно с начала января. Уже всем было известно о китайской ситуации с коронавирусом в городе Ухань, однако, наше государство продолжало ежегодную борьбу с гриппом, предположительно, что и с коронавирусом, не диагностируя его по разным причинам.

Первая – не было информации, как его диагностировать, вторая – банально не было тестов, чтоб диагностировать коронавирус. Сначала марта стало понятно, что коронавирус распространился по всему миру, причем такие развитые страны, с сильной экономикой, как Италия, Франция, Испания не могут уже справиться с пандемией. Америка по распространению коронавируса начала обгонять Китай, который в марте отрапортовал всему миру, что пандемия в Китае пошла на спад и остановлена. В конце марта начали появляться сообщения о повторно заразившихся в Китае. Эти факты свидетельствуют о том, что флуктуации переросли в бифуркацию и она пока не преодолена полностью ни одной из стран.

Начало апреля: Украина уже снизила интерес к тому, что происходит в других странах и сосредоточилась на ситуации внутри своей страны. Ожидается пик бифуркации в середине апреля. Что происходит в соцсетях на начало апреля? Появилось больше информации про вирус, его профилактику и даже лечение, новые посты врачей, успокаивающих большую часть населения, которая перенесет вирус легко и т.п. 2 апреля встретился пост Фейсбука о грузинских врачах, которые начали работать на опережение и еще с января месяца лечить больных, по данным автора статьи, Иракли Какаладзе, примерная статистика: 30 выздоровевших, выведены из тяжелейшего состояния возрастные пациенты. Не можем проверить эту статистику, но то, что пост с позитивным настроением, констатируем как факт. Он также дает надежду на лучшее, как и посты врачей. Пример, еще один пост: Михаэля Лайтмана на тему «Как преодолеть коронавирус» с философским пониманием, что такое страх, от каких вещей он возникает, как мне себя прокормить, заканчиваются продукты, люди готовы «съесть» друг друга и т.п. Мы должны помогать друг другу, вирус показывает, что мы в отрицательных отношениях с природой и друг с другом, мы немедленно должны поменять эти отношения и тогда восстановится гармония с природой и друг с другом. Вот такой посыл человеку дает автор.

Заканчивая свои размышления на позитивной ноте, я ставлю троеточие. Еще много чего придется переосмыслить, но то, что мы сейчас в точке бифуркации, каждый из нас, каждый

по-своему: кто-то больше, кто-то меньше, но все! Будем ждать постбифуркационный период с его новыми параметрами.

Петриковская Е. С.

**ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ:
ВЕЧНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ**

В работах современных философов и социологов (Этьена Балибара (Étienne Balibar), Гюнтера Гебауэра (Gunter Gebauer), Жана-Франсуа Дортьера (Jean-François Dortier), Бруно Латура, Михаила Мардера, Марка Оже и др.) мы находим утверждения о проекте философской антропологии как вызове мысли XXI века. Вновь заметно активное использование категории «антропология», независимо от того, в какой парадигме мыслят философы, обсуждение актуального состояния антропологии как поля философской рефлексии (как уже пост-антропологически-философской). Слово антропология все чаще появляется в названиях книг и научных центров. Интрига вновь касается вопроса: Может ли существовать «антропология в целом»?». Например, Б. Латур прокладывает для антропологии новые маршруты, поскольку «ничто не является достаточно нечеловеческим, чтобы растворить там человека и возвестить его смерть. Его воля, действия, речь присутствуют в исключительном изобилии» [2, с. 220]. В сторону гуманистически ориентированной антропологии он бросает: «Где Мунье машин, где Левинасы зверей и Рикеры фактов? Дело в том, что человек, как мы теперь это понимаем, не может быть осмыслен и спасен, если ему не возвращена другая половина его самого – то есть вещи. До тех пор, пока гуманизм конструируется по контрасту с объектом, оставленным на откуп эпистемологии, мы не понимаем ни человека, ни нечеловека» [2, с. 219]. В новых условиях антропология из служанки философии становится ее коллегой: она претендует на статус науки о бытии как другом.

В проекте «новой философской антропологии» первой половины прошлого века акцент был сделан на границах научного познания человека. Философская антропология М. Шелера, Х. Плеснера и А. Гелена вовсе не собиралась становиться меганаукой. Немецкие философы предлагали мыслить вместе с науками, но дальше их. Философская антропология, говоря словами Гелена, «включает в себя попытку делать высказывания о человеке как целом, пользуясь

материалом этих отдельных наук и выходя за их пределы» [1, с.157].

Для А.И. Уёмова философия (философская антропология) является местом рождения антропологии как строгой науки. Он полагал, что в настоящее время проблема человека актуализировалась как «новая глубокая проблема», решение которой определяет прогресс в философии [4, с. 5].

Уёмов часто вспоминал сочинение Гельвеция «О человеке». Эта книга произвела на него, студента первого курса Политехнического института во Владивостоке «потрясающее впечатление» [4, с. 7], именно она привела Уёмова в философию. «В споры о человеке я включался сразу же, на равных» – здесь не просто воспоминание, но еще и разделительная линия между позицией ученого и философа. «Я мог, похлопывая по плечу и Гельвеция, и Дидро, высказывать свою точку зрения по любому вопросу, который они разбирали. И это – восхитительное ощущение. Я счастлив, что мог пережить его!» [4, с. 8].

Он полагал, что занятия философской антропологией дают возможность пережить подобные ощущения, стать равными великим философам. И это говорит о том, что философская антропология еще не стала наукой. Общая (не конкретная или частная) наука о человеке в настоящий момент не создана, но в принципе теоретически возможна. В период отсутствия такой антропологии («науки о человеке вообще») ее заменяет философская антропология – пока лишь квазинаука. Сциентист Уёмов с оптимизмом смотрит на перспективы философской антропологии. Философская антропология может в перспективе стать фундаментом для систематики антропологии. «Нет принципиальных препятствий к тому, чтобы в будущем она стала наукой. Но для этого необходимо создание соответствующего механизма принуждения, который должен заставить каждого принять положения этой науки, как, скажем, заставляют принять положения физики» [4, с. 8]. И тогда уже исчезнет та вольница, та свобода мнений, которой любят наслаждаться гуманитарии.

Удивительна эта вера философа Уёмова в то, что аппарат обоснования может развиваться в антропологии до уровня науки. Иными словами, он полагал, что сущее по имени человек может

быть до конца объяснено внешними и внутренними структурами, результат осмысления человека может быть полностью объективирован и выражен в рациональной форме. Нам с этим трудно согласиться. «В системной и рациональной форме можно лишь обозначить структуру цельного опыта и любого его предмета (в том числе и человека), но не исчерпать их содержание. В любом существе обнаруживается принципиально неструктурируемый, необъективируемый и нерационализируемый «остаток», о существовании которого мы знаем, но выразить его через свойства и отношения не можем» [3, с. 42].

Для нас несомненна важность и необходимость исследования вопроса о возможности общей антропологии, которая занимается всесторонним исследованием человека. От философа здесь требуется соединение историко-философского анализа с философско-методологическим анализом науки (в данном случае наук о человеке), и объединения последнего с историко-культурным подходом к описанию науки. Главная роль философской антропологии состоит в определении сферы применения той или иной теории человека, в уточнении представлений о ее широте и специфичности.

Вместе с тем, следует помнить, что синтезирование знаний о человеке (которых всегда будет недостаточно) не является решением проблемы человека философией. Нельзя отказываться от рассмотрения многообразия форм конституирования самой философской антропологии, анализа разных (в том числе уходящих в далекое прошлое) способов проблематизации человека, условий задавания вопроса о нем.

А.И. Уёмов не дает методологического обоснования философской антропологии, не оговаривает специфику ее предмета и условий его познания. Как видно, сказался опыт «любви с первого взгляда» к трудам философов французского Просвещения, для которых характерно отсутствие интереса к обоснованию антропологических суждений.

Но сам подход Уёмова, состоящий в отказе сводить философскую антропологию только к мировоззрению, вполне современный. Философская антропология как методология позволяет эксплицировать, критически проработать и понятийно оформить исходные представления о человеке,

оказывающие фундаментальное воздействие на концептуальные построения в науках о человеке. Это важно, потому что указанные представления существенным образом определяют содержание научных построений. Замысел Дильтея и Плеснера об исходных основоположениях имеет право на существование и может быть реализован сегодня, выступив формой развития научного знания о человеке. Помешать этому может противостояние естественных и гуманитарных наук, исследующих человека, а также позитивистская установка ученых, полагающих, что абстрактные и всеобщие философские понятия («душа», «воля», «ценность» и др.) всегда находятся в противоречии с опытом.

Любой новый проект философской антропологии («возвращение философской антропологии») не может быть осуществлен без учета новых научных знаний, критической проработки базовых категорий антропологического дискурса (тех, которые служат для размышлений о специфике человека). Новая философская антропология также должна будет навязать строгую методологию, позволяющую проверить предложенные гипотезы.

Список использованной литературы:

1. Гелен А. О систематике антропологии // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 151-201.
2. Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Пер. с фр. Д. Я. Калутина; Науч. ред. О.В. Хархордин. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. 240 с.
3. Очерки социальной антропологии. С.-Петербург: ТОО ТК «Петрополию», 1995. 154 с.
4. Уёмов А.И. Системные аспекты философского знания. Одесса: Студия «Негоциант», 2000. 160 с.

ЩОДО ОДНОГО НАПРЯМКУ ДОСЛІДЖЕННЯ В МЕЖАХ ТЕОРІЇ МОДЕЛЮВАННЯ А. І. УЙОМОВА

У цій замітці я хочу звернути увагу на можливий напрямок дослідження в межах теорії моделювання, створеної А. І. Уйомовим.

Для А. І. Уйомова моделювання ґрунтується на умовиводах за аналогією, тобто моделювання опирається на певну логіку. Що це дає? Згідно з А. І. Уйомовим, «завдання логіки полягає у знаходженні таких підстав (перший рівень логічного аналізу) та доведенні їхньої надійності (другий рівень)» [3, с. 22]. Звідси: умовиводи за аналогією дають моделюванню знаходити надійні підстави. Залежно від того, які підстави використовуються, визначається правомірність переходу від засновків до висновків, а отже, правомірність відношень між моделлю та прототипом. Те, яку підставу обрано для переходу, дає змогу отримати або цілком певний (рос. *достоверный*) висновок, або вірогідний висновок [3, с. 21]. Іншою мовою: від підстави залежить точність переходу від засновків до висновку, а отже, також точність відношення між моделлю та прототипом, особливо коли цим відношенням є подібність або відповідність.

У кращому разі для кожного виду умовиводу за аналогією треба формулювати правила чи умови, які б підвищували вірогідність цього умовиводу, як це представлено в [4, с. 273–280]. Проте можна обмежитися низкою наступних умов (або правил):

1. Чим більше відомо спільних ознак (властивостей або відношень) об'єктів, що зіставляються, тим вища ступень вірогідності умовиводу за аналогією [1, с. 38].

2. Чим більш ґрунтовні (істотні) знайдені спільні ознаки (властивості чи відношення) об'єктів, що зіставляються, тим вища ступень вірогідності умовиводу за аналогією [1, с. 38].

3. Чим глибше пізнаний взаємний закономірний зв'язок спільних ознак (властивостей або відношень), тим вірогідніше висновок, тим він ближче до цілковитої певності [1, с. 38].

4. Якщо об'єкт, щодо якого робиться умовивід за аналогією, має якусь ознаку (властивість або відношення), що не поєднувана з тією ознакою (властивістю чи відношенням), про

існування якої ми умовиводимо, то спільна ознака немає жодного значення [1, с. 38].

5. Спільні ознаки (властивості чи відношення) мають бути будь-якими ознаками (властивостями чи відношеннями) об'єктів, що зіставляються [2, с. 290].

6. Ознака (властивість або відношення), знайдена в моделі, має бути того ж типу, що й спільні ознаки (властивості чи відношення) [2, с. 290].

7. Спільні ознаки (властивості чи відношення) мають бути якомога більш специфічними для об'єктів, що зіставляються, тобто належати якомога найменшому колу об'єктів [2, с. 290].

8. Ознака (властивість або відношення), знайдена в моделі, має бути найменш специфічною, тобто належати якомога найбільшому колу об'єктів [2, с. 290].

Наведені вище умови (чи правила) лише підвищують ступень вірогідності умовиводу за аналогією. Щоб досягти цілковитої певності умовиводу за аналогією, А. І. Уйюмов рекомендує звернутися до теорії подібності, яка використовує диференціальні рівняння [4, с. 276]. І далі: якщо вважається, що моделювання ґрунтується на умовиводах за аналогією, то наведені умови (чи правила) можуть бути застосовані в процесі моделювання: відношення між моделлю та прототипом мають відповідати наведеним вище умовам (або правилам).

Логіка дає змогу А. І. Уйюмову виокремити 6 логічних типів моделей, які можна комбінувати, що збільшує кількість типів моделей. Ось ці 6 логічних типів моделей:

1. Вільна модель – це така «модель, яка дає змогу переносити на прототип будь-яку інформацію, отриману за допомоги моделі» [5, с. 44].

2. Фіксована модель – це така модель, яка на противагу вільній моделі «дає змогу переносити на прототип лише інформацію точно фіксованого типу» [5, с. 44].

3. Реляційна модель – це така модель, ознаки якої *формують* узагальнений ізоморфізм (або наближені до нього) з ознаками прототипу [5, с. 52].

4. Нереляційна модель – це така модель, ознаки якої *не формують* узагальнений ізоморфізм (або наближені до нього) з ознаками прототипу [5, с. 52].

5. Атрибутивна модель – це така модель, яка задовольняє

вимогу того, щоб хоча б одна з ознак моделі була спільною з відповідною ознакою прототипу [5, с. 52].

6. Неатрибутивна модель – це така модель, яка *необов'язково* задовольняє вимогу того, щоб хоча б одна з ознак моделі була спільною з відповідною ознакою прототипу [5, с. 52].

Втім насправді – хоча про це А. І. Уйюмов нічого не говорить – логічних типів моделей може бути більше ніж комбінація наведених 6 типів, тому що сам А. І. Уйюмов визначив 51 схему умовиводу за аналогією, такі, наприклад, як аналогія типу парадейгма, двоїста аналогія, емпірико-реляційна аналогія, каузальна аналогія [3, с. 258–263], які також можна вважати логічними типами моделей і також можна комбінувати з наведеними раніше 6 логічними типами моделей – і таким чином, можливо, отримувати нові типи моделей і нові схеми умовиводу за аналогією, можливо, більше 300 типів.

Список використаної літератури:

1. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. Москва: Наука, 1975. 720 с.
2. Новик И. Б., Уёмов А. И. Моделирование и аналогия // Материалистическая диалектика и методы естественных наук: сборник статей. Москва: Наука, 1968. С. 268–293.
3. Уёмов. Аналогия в практике научного исследования. Москва: Наука, 1970. 264 с.
4. Уёмов А. И. Основы практической логики с задачами и упражнениями. Одесса: Одесский государственный университет имени И. И. Мечникова, философское отделение ИСН, 1997. 388 с.
5. Уёмов А. И. Логические основы метода моделирования. Москва: Мысль, 1971. 312 с.

ПЕРФОРМАНС ЯК ВИД СУЧАСНОГО МИСТЕЦТВА

Сучасне мистецтво визначається новими формами, що створює митець. Та художник тепер не тільки творець мистецтва, а й його координатор. Саме через це поступово й з'являються нові форми, які досить складно поділити на види і стилі, як наприклад, перформанс. Як і у більшості явищ культури і мистецтва двадцятого століття, у перформанса немає чіткого визначення. І, по суті, визначення можна вивести лише виходячи з контексту та посилу самого витвору мистецтва. Але прийнято вважати, що перформанс – це такий вид мистецької діяльності, в якому сам твір складають дії художника в певному місці і в певний час. Що нового у цьому напрямку мистецтва, та навіщо воно з'явилося?

Марина Абрамович, одна з перших перформерок, коментувала свій проект «Ритм 0» та поведінку глядачів: «Суть перформансу – глядачі із перформером створюють його спільно» [1, с. 80]. Тож ми можемо зрозуміти, що цей вид мистецтва – вже не монолог митця, а діалог на рівних позиціях. Перформанси часто є дуже емоційним досвідом. Митці можуть його використовувати для різних цілей: привернути увагу до проблеми, стати емоційним розвантаженням, викликати катарсис тощо.

Однією з цілей сучасного мистецтва є провокація. І це те, без чого не може існувати практично жоден перформанс. Вищезгаданий «Ритм 0» будувався лише на діях глядачів. Провокація полягала в тому, що люди безкарно могли робити із тілом Абрамович все, що їм заманеться. Ця ідея була викликом – художницю засуджували, критикували її творчість за звинувачували у вульгарності. У відповідь на це вона надала можливість глядачам самим вирішувати, як буде виглядати перформанс.

Мабуть, найбільш радикальний рух ХХ століття – «Віденський акціонізм», існував в Австрії в 1960-х. За допомогою провокаційних перформансів його учасники намагалися усвідомити і пережити травми Другої світової війни і звільнитися від них саме через катарсис. Щоб його досягти, австрійці використовували елементи релігійних містерій –

кров, хрести, жертвних тварин і працювали з ними в шокуючій манері. Стандартний перформанс віденських акціоністів виглядав як прилюдне патрання ягняти і купання в його крові. Іноді вони діяли ще більш зухвало, з'їдаючи те, що для прийому в їжу зовсім не призначене. Навмисно реконструюючи найогидніші і лякаючі дії, художники використовували мистецтво як психотерапію, яка дозволяла виявити найагресивніші людські імпульси і таким чином їх позбутися.

Перформанс, окрім всього, є дивовижним способом почути глядачеві самого себе. Наприклад, у США історія перформансу почалася з робіт великого експериментатора Джона Кейджа. Він оголошував музикою всі навколишні звуки і говорив, що його улюблений твір – той, який ми чуємо, коли мовчимо. У партитурах Кейджа партії виконували свистки чайників, шум води, звук мотора і ляскання дверей, а найзнаменитіша його робота «4:33» представляла собою чотири хвилини і тридцять три секунди тиші: на концерті музикант піднімався на сцену, сідав перед інструментом, заносив руки і нічого не відбувалося. Твором була навіть не сама тиша, а ті звуки, які лунали під час чотирьох з половиною хвилин мовчання.

Та ще одна важлива особливість перформансу, про яку не можна не сказати – поєднання різних видів класичного мистецтва. Ів Кляйн заперечував традиційний живопис та говорив, що мистецтво – це форма життя, а зовсім не помах пензлем в майстерні. Продовжуючи свою філософію, він робив свої «Антропометрії» за допомогою відбитків людського тіла на полотні. Під час публічних демонстрацій творів жінки, вимазані фірмовим «міжнародним синім кольором Кляйна» (що теж можна назвати окремим феноменом – дати своє ім'я кольору), каталися по полотну. Але важливо й те, що все це відбувалося під акомпанемент оркестру, що грав «Монотонну симфонію», яка складається з однієї ноти довжиною в десять хвилин і паузи такої ж тривалості.

Отже, мистецтво перформансу зародилося на основі таких практик, як ритуальні, релігійно-містичні і спортивні дієства. Можна підсумувати, що витoki перформансу сягають практикам вуличних виступів футуристів, клоунадам дадаїстів, театру Баухауза. Так чи інакше, перформанс дав можливість побудови нових відносин художника і глядача, цілком логічно

розширивши межі мистецтва та розставивши нові акценти, де на першому місці не естетика та художник, а саме сенс та глядач.

Список використаної літератури:

1. Абрамович М. «Пройти крізь стіни». Київ: ArtHuss, 2018, 384 с.
2. Комарова М. «С ума походили: как перформанс стал самым провокационным видом искусства». 2015. Режим доступа: <https://style.rbc.ru/impressions/5716389a9a79472acdb34ba8>
3. Петров В. О. «Музыкальный акционизм: перформанс, хеппенинг, мультимедийное событие». Волгоград: ООО «Экспо», 2010.

ПУТИ РАСШИРЕНИЯ ЯТО-4 ДО ЯТО-5

1. Причины расширения ЯТО-4. 1. Язык тернарного описания (ЯТО) уже достойно служит развитию общей теории систем, её параметрическому варианту (ОТС ПВ) [1-4]. В его версии ЯТО-4 [1-2]. имеется большой потенциал для её расширения до более развитой версии ЯТО-5 [3-8]. В частности, поскольку на практике фундаментальные соотношения ЯТО часто приходится обобщать до соотношений типа «иметь» и «принадлежать», то более эффективным оказывается ввести их в синтаксис ЯТО непосредственно. Для практики также очень важно пользоваться следующими соотношениями как фундаментальными в ЯТО. Во-первых, это то соотношение, что выражено во фразе «*Вещи А и В как-то связаны или зависимы*». А, во-вторых, более общее соотношение: то, которое отражено в ситуации «*Вещи А и В как-то соотносятся*». Их также нужно ввести в синтаксис ЯТО.

2. В алфавите ЯТО-5 сохраняются формулы из ЯТО-4 для *определённой* вещи **t**, для *неопределённой* вещи **a**, и для *произвольной* вещи **A**, хотя эти формулы даются строго в прямом (некурсивном) написании. Как обычно, в ЯТО вещь **t** считается *существующей* (а в ЯТО-4 – *бытийной*). Если бы это было не так, то ЯТО описывало бы *мир несуществующих объектов*.

3. Однако, в ЯТО необходимо явно легализовать ту категорию (категию «универсальность»), которая смешивалась с явно использованной в ЯТО-4 категорией «произвольность». Такое смешение (особенно при запрете на некоторые подстановки вместо понятия о *произвольной вещи*) резко усложняло работу с ЯТО-4. Категория «универсальность» проявляется в ЯТО-5 через формулу его алфавита, выражающую понятие «каждая вещь» (т.е. вещь **E**). Понятие о **E** подобно понятиям «*все вещи порознь*» («*все по-отдельности*»), «*все - в разделительном смысле*»). Но **E** – это не универсум **U** всех вещей, вместе взятых.

4. Через более общие фундаментальные соотношения и новые объекты ЯТО-5 определяются и новые производные объекты. Переход к ЯТО-5 резко повышает выразительные,

конструктивные и оперативные возможности ЯТО. В ЯТО-5 оказывается более точными (чем в ЯТО-4) многие важнейшие для ЯТО модели понятий и суждений. Ниже даны некоторые из них.

2. Исходные формулы ЯТО-5. 1. Итак, в алфавите ЯТО-5 есть формулы **t**, **a**, и **A**, но добавляется формула **E** (она обозначает *каждую вещь*).

2. В ЯТО-4 есть четыре *фундаментальных* соотношения, определяющих *синтаксис* языка:

$\{(A) B\}$; $\{(B^*) A\}$; $\{B(A)\}$; $\{A(*B)\}$. Их надо обобщить.

2.1. Во-первых, нужно обобщить два следующих (*прямых*) соотношения *обладания*:

$\{(A) B\}$ и $\{B(A)\}$. Их нужно обобщить до соотношения типа $\{A \text{ has } B\}$ (или –

$\{A \text{ have } B\}$). Обозначим его через новую правильно построенную формулу (ППФ) так:

$\{A > B\}$. Эта формула выражает *связь* типа «*иметь*» (или «*обладать*»).

2.2. Во-вторых, следует обобщить два следующих (*обратных*) соотношения *принадлежности* (или *присущности*): $\{(B^*)A\}$ и $\{A(*B)\}$. Их нужно обобщить до соотношения типа $\{A \text{ belong to } B\}$ (или $\{A \text{ belongs to } B\}$). Обозначим его через новую формулу так: $\{A < B\}$. Эта ППФ выражает зависимость типа «*принадлежности*» (или «*присущности*»). Оба эти соотношения добавляются в ЯТО как фундаментальные. Они, по сути, имеют категориальный статус.

2.3. Далее, оба эти *новые соотношения* следует обобщить до соотношения $\{A \bullet B\}$. Оно отображает следующую ситуацию: «*Вещи A и B обладают или принадлежат одна – другой*». Иначе говоря, «*Вещи A и B как-то связаны или зависимы*». Это – соотношение *связи-зависимости*. Такое соотношение также может интерпретироваться, например, как та ситуация, когда вещи *соединяются (скоррелированы, соответствуют друг другу)*.

2.4. И, наконец, соотношение $\{A \bullet B\}$ (*связи* или *зависимости* между вещами **A** и **B**) мы обобщаем до того соотношения $\{A \div B\}$, когда «*Вещи A и B как-то соотносятся*».

3. Как и в случае предикаций ЯТО-4, записав в ЯТО-5

формулы (или формульные схемы) предыдущих фундаментальных соотношений (за исключением тождества, о котором речь – ниже), мы ещё не считаем их истинными. То есть, *мы ещё этим самым их не утверждаем*. Вообще, этим мы ещё не указываем то, в каком смысле обозначенное соотношение понимается, не указываем *тип* этого соотношения. Например, записав схему $\{A \div B\}$, мы ещё не указываем то, каким образом здесь объекты соотносятся. (оно случайно или необходимо и т.п.). Записав схему $\{A < B\}$, мы ещё не указываем то, каким образом здесь вещь под знаком A принадлежит или придаётся объекту под схемой B .

4. В тех случаях, когда это не ведёт к двусмысленностям, фигурные скобки можно опускать.

5. Все вновь введенные фундаментальные соотношения выражены *пропозициональными* (или *открытыми*) формулами (ППФ) ЯТО-5. Замкнув эти ППФ, мы получим соответствующие концептуальные (или *закрытые*) ППФ ЯТО-5.

5.1. Если замкнуть предыдущую (*открытую*) формулу $\{A \div B\}$, то мы получим *закрытую* ППФ $[A \div B]$. Это – схема объекта по имени «Вещи, обозначенные формулами A и B , как-то соотносящиеся». Или «Вещи, именуемые A и B , находящиеся в каком-то соотношении».

5.2. *Закрытая* ППФ $[A > B]$ обозначает вещь по имени A , обладающую объектом по имени B . Иначе говоря, схема $[A > B]$ читается и так: «Вещь, со схемой A , имеющая объект со схемой B ».

5.3. *Закрытая* ППФ $[A < B]$ обозначает объект по имени A , принадлежащий объекту по имени B . Схему $[A < B]$ можно читать и так: «Вещь, по имени A , присущая объекту по имени B ».

5.4. ППФ $[A \bullet B]$ – это формула объекта по имени «Вещи A и B , соединённые (связанные или зависимые)». Иначе говоря, это то, что называется «вещи A и B , вместе взятые».

3. Некоторые применения исходных формул ЯТО-5. 1. Ряд разновидностей неопределённых вещей в ЯТО-4 прятался за словами «какая-то вещь, которая попадётся», «некоторая подходящая вещь», «кондиционал» и т.п. Все они (средствами ЯТО-5) обобщены в понятии «уместная вещь».

2. Аналогично, определяются понятия «любая уместная

вещь», «каждая уместная вещь» и т.п. В ЯТО-5, формульная схема *уместной вещи* \mathcal{M} изображается её курсивным написанием \mathcal{M} .

3. Качества (вещи, свойства или отношения), присущие *каждому* объекту, определяются как *всеобщие*. Например, *всеобщее отношение* ε определено как $[a(*E)]$, то есть, как некоторое *уместное* отношение каждой вещи E .

4. Для *конкретной вещи*, имеющей в ЯТО схему $\iota_a A$, даётся в ЯТО-5 *контекстуальная* дефиниция, учитывающая следующий факт. Это – вещь A , *вполне аналогичная* определённому объекту t в *синтаксически конкретной ситуации* a . Иначе говоря, вещь $\iota_a A$ – это то вещь A , служащая *полным заместителем* определённого объекта t в синтаксически конкретной ситуации a . То есть, вещь $\iota_a A$ *обладает каждым отношением объекта* t , *свойственным этой ситуации* a . При этом, такая дефиниция для конкретного объекта $\iota_a A$ подобна его *остенсивному* определению (он определяется путём указания на его *конкретную роль* (или *место*) в *конкретной ситуации* a).

5. На основе трактовки тождества вещей у Аристотеля [1-2], принимается определение ситуации, когда *вещь* A *тождественна объекту* B . При этом, считается, что вещь A *обладает каждым свойством объекта* B . Здесь имеются в виду не только *внутренние* свойства, но и *внешние* (то есть, вообще, *всякие*). Уточняется определение *атрибутивного* тождества, данного А.И. Уёмовым в [1 - 2]. Схема $\{A \equiv B\}$ *отображает* ситуацию, выраженную фразой «Вещь под знаком A , *тождественна объекту* под знаком B *по свойствам*». Вещь $\iota_a B$ определяется как вещь B , *атрибутивно отождествлённая* с ранее введенным *конкретным объектом* $\iota_a B$ (можно сказать: *совпадающая с ним*). Формализовано и реляционное тождество.

6. В ОТС ПВ *системный дескриптор вещи* выделяется в ходе *системного анализа* этой вещи. В ЯТО дескриптор вещи выделяется тоже как продукт того или иного её анализа (например, *реистического, атрибутивного или реляционного*). Пользуясь схемами ЯТО-5, можно выразить следующее соотношение: «Вещь A *имеет дескриптор* B ». Оно обозначается через $\{A \succ B\}$ и названо *генетическим соотношением* [3-8]. Это

– для ассоциации с тем, что синтез противоположен анализу, то есть, *исходную вещь можно представить как полученную синтезом её дескрипторов.*

7. В ЯТО импликация – это обобщение известной в логике импликации. Импликация (в отличие от импликации) может соотносить не только суждения, но и понятия [1-2]. Объект \mathfrak{B} , стоящий в консеквенте импликации $\{\mathfrak{A} \rightarrow \mathfrak{B}\}$, будем называть консеквентом той вещи \mathfrak{A} , которая стоит в её антецеденте.

Конкретная импликация $\{\mathfrak{A} \Rightarrow \mathfrak{B}\}$ интерпретировалась в ЯТО-3 как ситуация, когда «Вещь, обозначенная формулой \mathfrak{A} , является вещью, обозначенной формулой \mathfrak{B} ». В ЯТО-5 такая импликация обозначает то же самое, что и следующая фраза: «Вещь, имеющая схему \mathfrak{A} , тождественна объекту, со схемой \mathfrak{B} , имеющему некоторое свойство». У нас (в отличие от ЯТО-3 и ЯТО-4), импликация $\{\mathfrak{A} \Rightarrow A\}$ может быть принята, поскольку A – это любая уместная (подходящая) вещь.

В ЯТО-4 несколько импликаций определялись с опорой на следующие обстоятельства: «Исходная вещь отождествляется с нею же самою, взятою вместе с её консеквентом». Иначе говоря, вещь не меняется, будучи связана с тем, что уже имеется в ней. Это, как бы, некая идемпотентность.

В ЯТО-5 на базе этого положения определяется большой ряд различных импликаций (в том числе и реляционная, и, вообще, реистическая). Так мы уточняем, в частности, дефиниции и для нейтральной, и для реляционной, и для мереологической импликаций из ЯТО-4. А, соответственно, и для их консеквентов. Например, для подобъекта у вещи.

На этой же базе (подобной идемпотентности) мы вводим и ряд обратных импликаций (контримпликаций). Например, контримпликация $\{\mathfrak{A} \leftarrow a\}$ означает, что любая вещь имплицируется каким-то уместным объектом (то есть, - по крайней мере чем-то подходящим). У нас контримпликация $\{\mathfrak{A} \leftarrow a\}$ служит моделью известного в логике закона достаточного основания (по Лейбницу).

8. Выделяются те импликации, которые транзитивны: конкретная, мереологическая и нейтральная (реистическая). Указываются родовидовые связи между импликациями. Через исходные формулы ЯТО-5 и импликации описаны

синтетические и *аналитические* отношения и свойства у ряда объектов ЯТО, определены *безусловные связи* и *безусловные зависимости*. Фраза «Объект **В** безусловно (т.е. необходимо) имеет вещь В» синонимична следующей фразе. «Вещь **В** – это такой объект, который характеризуется следующим обстоятельством: всякая ситуация, когда он чем-то обладает, является ситуацией обладания вещью **В**» [3-8]. Если речь идёт о *всякой ситуации заданного типа*, то имеется в виду *ограниченная необходимость*.

9. *Валентность* объекта отображает его *значимость* для других объектов. *Валентность* формализуется в ЯТО-5 как отношение. Это – *способность* вещи как-то *проявляться* по отношению к другим объектам в плане *связи или зависимости*: *способность иметь* эти объекты или им *принадлежать*. То есть, как-то *соединяться* с объектами, *соответствовать* им, *коррелировать* с ними. *Способность* вещи **А** к *соединению* именно с каждым объектом **Е** – это *граничное значение валентности* (или *граничная валентность*).

10. Смоделируем *небытийность* в ЯТО-5. 10.1. В ЯТО *истинность* понимается в широком смысле – как *соответствие действительности*. [1: II-(2s), p. 78–81]. Поскольку истинность, как и ложность, в ЯТО может характеризовать не только суждения, но и вещи, то эти валентности (в их обобщённом виде) в ЯТО-4 назывались, соответственно, *бытийностью* либо *небытийностью*.

10.2. В традиционной формальной логике *истинность* суждения и (отдельно) *ложность*, по существу (на уровне философских предпосылок), моделируются через *импликацию*. Там истинное суждение *имплицитруется* любым, а ложное – *имплицитрует* собой любое. И, тем самым, такие валентности моделируются *непосредственно* и *взаимно независимо*. В ЯТО-4 же, ложность **F** и истинность **T** эксплицируются как весьма сильно взаимосвязанные. О том, что упомянутые модели *истинности* и *ложности* весьма ограничены, упоминалось и в [1: II-(2s), p. 78; 2: Part II, p. 139].

В ЯТО-5 можно также построить модели упомянутых валентностей независимо друг от друга (*безотносительно* друг к другу).

10.3. В *исчислении высказываний* (и в исчислениях, на него

опирающихся) предполагается, что ложное высказывание имплицитует собою любое высказывание. В ЯТО-5 такая предпосылка в некотором плане усилена, а в другом плане ослаблена. Во-первых, *ложность* (в обобщённом смысле слова) может приписываться не только высказываниям, но и вещам. Во-вторых, *ложный* (или *небытийный*) объект лишь как-то (в каком-то смысле) *связывается* с каждой вещью **Е**; он лишь *связуем* с каждой вещью. Но он не обязательно её имплицитует. И здесь вывод к **А** не обязателен.

10.4. Модель *небытийности* мы будем строить, ограничив известный в диалектике закон (или принцип) *всеобщей связи*. В ЯТО (как и в ОТС ПВ) некоторыми связями можно пренебречь, исходя из практических нужд. Мы считаем, что *вещь, связанная с каждым объектом*, – это вещь, находящаяся *вне всех, вместе взятых, объектов*, описываемых в ЯТО, за пределами *эмпирического базиса для ЯТО*. Она *не допускается* в ЯТО, *отвергается, запрещается* и т.п. (через операции).

10. 5. Неверным было бы такое утверждение: «Любая (или хотя бы, некоторая) вещь *связана* с каждой вещью (*обладает* каждой вещью)». Тем более, *нельзя утверждать* наличие такой связи как *обладание* $\{t>E\}$. *Противоречивая* (иначе говоря, *небытийная* или *невозможная*) вещь – это вещь, вполне аналогичная объекту *в той ситуации, когда он связуем с каждой вещью Е*. Невозможно, чтобы *каждый* объект имел невозможную вещь. Это очевидно. *Придать невозможную (несуществующую) вещь именно каждому* объекту невозможно. Иначе – продукт будет противоречивым. Например, истинный объект **t**, взятый вместе с *несуществующей* вещью – это противоречивый объект, *несуществующий*.

Способность имплицитировать *противоречивую* вещь – это способность *быть действительно противоречивым (действительно небытийным) объектом N*. Очевидно, по нашему определению *действительно небытийной* вещи **N**, эта вещь, взятая как свойство, удовлетворяет условию *трансцендентности*, отмеченному А.И. Уёмовым в [1-2], как условие, предъявляемое к *ложности*. То есть, она переходит на *антецедент импликации* с её консеквента. Это видно из её смысла.

11. *Возможная вещь*. Традиционная, классическая, логика

опирается на такую *предпосылку*, что истинное высказывание *имплицитируется* каждым высказыванием. Но *истинность* свойственна и вещам, и свойствам, и отношениям. С этой оговоркой, данную предпосылку можно ослабить так: вместо имплицитивного соотношения иметь в виду соотношение принадлежности *вещей* $\{a < a\}$. А именно, - допустимо учесть, что *истинная вещь может принадлежать (может придаваться) каждому объекту*. Она даже может иметься внутри ложного объекта.

Пусть это будет предпосылка № 1. Её мы используем для того, чтобы обосновать своё право на *синтез* объектов с избранной *истинной (или бытийной) вещью*. В результате такого синтеза мы можем перейти к *объекту, взятому вместе* с этой *истинной* вещью.

С другой стороны, ту же *предпосылку № 1* можно и усилить. А именно – говорить здесь не только об *истинной* вещи, но и вообще о *возможной* вещи. Верным будет утверждать, что и *возможная вещь может принадлежать (может придаваться)* именно *каждому* объекту. *Возможная* вещь – это та, что в каком-то смысле принадлежит *каждому* объекту. Она *присоединима* к *каждому* объекту. Это - *предпосылка № 2*. По сути, её (*№ 2*) мы используем для того, чтобы обосновать своё право на *синтез* объектов с избранной *возможной* вещью. В результате такого синтеза мы можем получить *объект, взятый вместе* с этой *возможной* вещью. Иначе говоря, *возможная* вещь ещё и такова, что, она может как-то *зависеть* от *каждого* объекта. Поскольку она *присоединима* к *каждому* объекту, то она (в этом смысле) *общедоступна*, она, как бы «*общеприемлема*». Напротив, как уже сказано выше, *придать невозможную (несуществующую) вещь именно каждому объекту невозможно*.

Действительно *возможная* вещь — это та, что *имплицитируется* некоторым *возможным* объектом. Эта вещь, взятая как свойство, очевидно, удовлетворяет условию *транссеквентности*, отмеченному А.И. Уёмовым в [1-2]. То есть (по своему смыслу), она переходит на консеквент импликации с её антецедента.

12. *Бытийность* *возможного* объекта мы трактуем как его предопределённость (т. е. имплицитируемость), некими

фактами с его участием. А эти факты можно представить как реализации закона (применительно к этому объекту). Закон же представим как общее и необходимое соотношение. Например, как всеобщее и необходимое соотношение связи или зависимости. Так бытийность объектов предопределяется бытийностью неких их отношений.

13. В конечном счёте, *бытийный объект* — это *возможный объект, предопределённый (как и вещь t) некоторой реализацией на нём всеобщего отношения ε.* Скажем, вещь *t* предопределена (т.е., имплируется) неким (уместным) проявлением всеобщего отношения *ε* с её участием:

$$\{t \leftarrow [a \Rightarrow [\varepsilon (*t)]]\}. \quad (1)$$

Видно, что *бытийность* вещи *t* мы здесь обнаруживаем на базе закона достаточного основания (применённого к этой вещи). Он применён в виде уместного законосообразного факта.

$$[a \Rightarrow [\varepsilon (*t)]}. \quad (2)$$

Бытийность возможного объекта представима как следующая его способность. Это – его способность предопределяться некоторой уместной реализацией на нём всеобщего отношения ε. Определение можно упростить: *бытийность* вещи – это её способность *импли*роваться неким проявлением всеобщего отношения на ней.

14. *Всеобщие* отношения (как и *всеобщие* свойства, и *всеобщие* качества) *бытийны*. Поэтому их проявления тоже *бытийны*. Иначе бы все вещи, обладая *небытийными* качествами оказались бы *небытийными*. То, что *импли*руется проявлением всеобщего отношения, тоже *бытийно*.

15. Истинность истинности для конкретных объектов означает их истинность. По закону двойного отрицания, если ложно, что *конкретная* вещь ложна, то *она* истинна. Он действует только для конкретных объектов (в частности соотношений). Для неопределённых - он не верен.

Список использованной литературы:

1. Avenir I. Uyemov. The Language of Ternary Description as a deviant logic // Boletim da Sociedade Paranaense de Matematica: Editora UFPR. 1-2 as, 1995, V.15 n 1/2, p. 25–35; II-(2s). V.17, 1/2, p. 71–81 (1997); III – 1998, V.18, N 1-2, p. 173–190.

2. Avenir Uyemov. The Ternary Description Language as a formalism for the Parametric General System Theory // Int. J. General Systems. Part 1 – 1999 OPA, N.Y., Vol. 28 (4-5); Part II – 2002, Vol. 31 (2), pp.131–151; Part III – 2003, Vol. 32 (6), pp. 583–623.
3. Савусин Н.П. Взаимосвязь категорий «вещь», «свойство» и «отношение» в терминах языка ЯТО // Уёмовские чтения I-IV (2013 – 2016). Материалы Научных чтений памяти Авенира Уёмова. Одесса: «Печатный дом», 2016. С. 257–265.
4. Савусин Н. П. Системный подход к операциям как действиям // RES SYSTEMICA. Збірка робіт, присвячених 90-річчю професора Авенира Івановича Уйомова. Одеса, 2018. С. 29–47.
5. Савусин Н.П. Философские предпосылки для расширения языка ЯТО, служащего формализмом параметрической общей теории систем // Наукове пізнання: методологія та технологія. Філософія. Вип. 1 (42) 2019. Одеса: Вид.-во Південноукраїнського національного педагогічного університету ім. К.Д. Ушинського, 2019. С. 156–172.
6. Савусин Н.П. Логико-методологические основы для расширения формального аппарата (языка ЯТО), обслуживающего параметрическую общую теорию систем // Наукове пізнання: методологія та технологія. Філософія. Вип. 2 (43) 2019. Одеса: Вид.-во Південноукраїнського національного педагогічного університету ім. К.Д. Ушинського, 2019. С. 110–121.
7. Савусин Н.П. Обобщение логических импликаций в расширенном языке тернарного описания (ЯТО) // Перспективи. Соціально-політичний журнал. Серія: філософія. 4 (70), 2016. Одеса: Вид.-во Південноукраїнського національного педагогічного університету ім. К.Д. Ушинського, 2016. С.41–58.
8. Савусин Н.П. Проблема определения логических валентностей в расширенном языке тернарного описания (ЯТО) // Наукове пізнання: методологія та технологія. Філософія. 2020. Одеса: Вид.-во Південноукраїнського національного педагогічного університету ім. К.Д. Ушинського, 2020. *У друці.*

Сумарокова Л. Н.

О КОММУНИКАТИВНОЙ ЛОГИКЕ

Идея коммуникативной логики в 2000-2010 гг. рассматривалась преимущественно в двух планах: 1) как осуществление новой, коммуникативной интерпретации всех форм мысли, уже изучаемых логикой; и 2) как расширение современной логики за счет добавления теории аргументации, понимаемой как сложно-структурированный алгоритм коммуникативных действий [1], [2]. Коммуникативная функция логики была признана одной из главных функций, наряду с познавательной. Более того, сама познавательная функция в XX веке приобретает явно выраженный коммуникативный аспект: «взвешивание» знаний в свободной, правильно организованной дискуссии стало признанной формой верификации и фальсификации знаний и задавало пространство выбора при обосновании и принятии решений.

Целью настоящего сообщения является дальнейшее обсуждение этой идеи. При этом обратим внимание на два вопроса: первый касается философских оснований возникновения и дальнейшего философского предназначения коммуникативной логики, а второй – возможных направлений ее формирования.

Логика с момента своего возникновения и до настоящего времени является необходимой и неотъемлемой частью философии, порождаемой многовекторным развертыванием философии как теоретической формы мировоззрения. Основные функции логики формировались по мере выделения и развития онтологического, гносеологического, методологического, аксиологического, праксеологического и иных измерений философского знания. Каждая форма философствования несла в себе соответствующие виды мыслительной активности, сопровождающиеся выработкой категориального базиса и категориальной «сетки» зависимостей, выраженных в ключевых категориях. Для иллюстрации напомним, что логика Гегеля – онтологическая логика, картезианская логика – преимущественно гносеологическая, а некоторые современные неклассические

логики можно позиционировать как преимущественно аксиологические.

Только с возникновением коммуникативной философии как попытки связать разум с языком и действием, с практиками повседневной коммуникации, включенной в разнообразие культурно-исторических форм жизни, в жизненные миры людей, появляются потребность и возможность формирования коммуникативной логики. Кредо одного из основоположников коммуникативной философии Ю. Хабермаса состоит в том, что любая, даже самая радикальная критика существующих философских систем не может отнять у философии ее основного предназначения – защиты рациональности, мудрости, ее основной функции – «гаранта рациональности». Два результата коммуникативной философии можно считать непосредственными предпосылками возникновения коммуникативной логики. Первый из этих результатов – вывод об интересубъектной природе сознания человека, в том числе мышления. В том числе – добавим – всех форм мышления, изучаемых логикой. Прежние субъектоцентрированные, монологические модели сознания как «субстантивного разума» все более уступают место интересубъектным, диалогическим моделям – во многом благодаря трудам М. Бахтина, Л. Выготского, М. Бубера, К.-О. Апеля, Ю. Хабермаса. «Философия сознания» и «методология индивидуализма» должны постепенно быть заменены той «коммуникативной рациональностью», которая освобождает нас как от гипертрофирования разума, вырванного из живых «жизненных миров» практик общения, так и от другой крайности – от фактического дрейфа к культуре иррационального.

Второй результат коммуникативной философии, важный для формирования коммуникативной логики, это вывод Ю. Хабермаса о роли философии как медиатора, который обеспечивает связь, взаимодействие между разнообразными культурами и жизненными мирами коммуникантов [3]. Философия не только помогает выразить, трансформировать разные позиции коммуникантов на некотором достаточно богатом языке коммуникативной рациональности, но и располагает арсеналом средств устанавливать связи, контакты и разделения, сотрудничество между сторонами коммуникации

на основе найденных универсально значимых норм и утверждений.

Эта роль медиатора важна для философии в двух измерениях: во внутрифилософском и во внефилософском. Внутрифилософский связан с растущей плюралистичностью философских систем, с одной стороны, и с настоятельной необходимостью сообща решать многие глобальные, общечеловеческие проблемы. Внефилософская реальность – бытие современного человеческого общества – также формирует запрос на философское осмысление медиации в самых разных конфликтных ситуациях. Сошлемся для примера на существующие практики медиации в юриспруденции, в переговорных процессах. В Украине эти практики пока еще в начальной стадии формирования [4] и нуждаются в логико-философском осмыслении, в том числе они могут быть предметом изучения коммуникативной логики. В процессах медиации существуют свои нормы, запреты, принципы и эталоны, которые в некоторой мере могут быть «мягко» формализованы, поскольку зависимость от ситуаций делает практически невозможными «жесткие», дедуктивные варианты формализации. При этом осуществляется взаимодействие разных измерений жизненных миров коммуникантов: когнитивно-инструментального, морально-практического, эстетико-экспрессивного, которые, переплетаясь друг с другом, создают новые и новые варианты комбинаций и отклонений [3, с. 313].

Прежде чем говорить о возможных перспективах формирования коммуникативной логики, уточним само понятие коммуникации. Коммуникация – это интересубъектное отношение с прямым и обратным направлениями, которое реализуется в процессах производства, передачи и интерпретации сообщений, а также в результатах взаимодействия этих процессов друг с другом.

Исходя из такого понимания коммуникации, можно, по-видимому, выделить по меньшей мере три основных направления формирования коммуникативной логики.

Первое направление связано с различием в нем двух подсистем: «логики говорящего» – логики производства

сообщений, и «логики слушателя» – логики восприятия и интерпретации сообщений.

«Логика говорящего» проясняет структуру производства сообщения как мыслительного действия в направлении: «смысл → текст», а «логика слушателя» структурирует мыслительные действия в направлении «текст → смысл». Взаимопонимание коммуникантов в этом случае имеет место в той мере, в какой начальный элемент первой подсистемы (смысл-1) совпадает с конечным элементом второй подсистемы (смысл-2). Это совпадение может быть полным (в идеале), частичным (как правило) или нулевым (в случае провала коммуникации). Собственно коммуникативная логика должна отражать результат взаимодействия и синтеза двух указанных подсистем.

Второе направление развития коммуникативной логики может быть связано с уточнением способов использования языков в подсистемах 1, 2 и собственно коммуникации в целом на всех трех уровнях: синтаксиса, семантики и прагматики. Прагматика коммуникации при этом задает уровень концептов для понимания всего совокупного «текста» коммуникации как системы; синтаксис и семантика – задают структуру коммуникации (релятивную или атрибутивную), а сами тексты – сообщения, функционирующие в коммуникации, относятся к уровню субстрата коммуникации как целого.

Третье направление формирования коммуникативной логики может быть связано с изучением принципиальной включенности любой коммуникации как сложной совокупности коммуникативных действий в некоторый объемлющий ее универсум. Этот универсум – своего рода «поставщик», «источник» целей и ценностей, занимающих уровень концептов в коммуникации-системе. Это либо культура данного социума, либо какая-то ее подсистема.

До сих пор логика выступала преимущественно как технология мышления. Коммуникативная логика этим ограничиться не может в силу системообразующей роли целей-ценностей при построении любой коммуникации. Она должна исследовать иерархию, сосуществование, соединение, разделение, совместимость и несовместимость целей и ценностей, должна уметь взвешивать степень их

релевантности. Это, вероятно, дело неблизкого будущего для коммуникативной логики, являющейся частью современной философии.

Список использованной литературы:

1. Сумарокова Л.Н. Основы логики. Од.: Юр. літ. 2000.
2. Сумарокова Л.Н. Коммуникативное измерение логики // Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке. Мат. VII общерос. науч. конф. 24-26 июня 2004. С-Пб: С-Пб. ун-т, 2004. С. 194-197. Л.Н. Сумарокова. Коммуникативное измерение аргументации // Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке. Мат. IX общерос. науч. конф. С-Пб, 2006. С. 192-194. Л.Н. Сумарокова. Прагматический аспект языков логики // Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке. Мат. X общерос. науч. конф. С-Пб, 2008. С. 392-395. Л.Н. Сумарокова. Логическая прагматика: проблема формализации // Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке. Мат. XI междунар. науч. конф. 2010. С. 33-35.
3. Habermas J. Philosophy as Stand-In and Interpreter // After philosophy. End of Transformation? Cambridge, 1987, p. 298-315.
4. Діалог та медіація в Україні: від протистояння до порозуміння. Збір. ст. К., 2019. 340 с.

**ПРОБЛЕМАТИКА
АРХАЇЧНИХ КОСМОЛОГІЧНИХ МІФІВ:
УНІВЕРСАЛЬНЕ ТА ОСОБЛИВЕ**

Нинішня культура переживає своєрідний міфологічний ренесанс, який найбільш наочно проявляється у сучасних видах мистецтва. Актуалізація архаїчного культурного прошарку пов'язана як з циклічністю розвитку самої культури і, зокрема, прихильним ставленням сучасних її творців до міфології, так і у зв'язку з активним використанням, переосмисленням та адаптацією давніх міфологічних сюжетів аж до створення нової міфології і своєрідної реміфологізації, характерної не тільки для масової, а й для елітарної культури, і для контркультури. Можна погодитися з тим, що «вплив міфу на мистецтво не є винятковою особливістю ХХ ст., оскільки і в ХІХ столітті, і раніше міфологічні сюжети домінували у живопису, у поезії, у літературі, у музиці. Що є характерним для ХХ століття – так це той факт, що вплив міфічного на різні види мистецтва співпадає із загостреним інтересом до міфологічного взагалі. <...> ... саме яскраво виражена міфологічність дозволяє будь-якому виду мистецтва знаходити особливо гостру актуальність» [1, с. 251].

Серед різноманіття міфічних сюжетів саме космогонічні міфи вважаються найбільш глобальними і значущими за своєю сутністю та тематикою. Саме особливості уявлень про походження світу визначають властивості світовідчуття, тим самим космогонія виступає своєрідним підґрунтям для решти міфів. Це пов'язано з тим, що «космогонія є моделлю для наслідування в будь-якій сфері: не тільки тому, що Космос є ідеальним архетипом одночасно для всіх творчих ситуацій і для будь-якої творчості, - але також і тому, що Космос створювали вищі істоти – боги. Космос – це божественне творіння, він освячений в самій своїй структурі. У розширювальному сенсі все, що є здійсненого, наповненого, гармонійного, плодоносного, <...> все, що схоже на Космос – все священне. Робити що-небудь, творити, конструювати, створювати, організовувати, надавати форму, втілювати, формувати – все це значить здійснювати що-небудь в реальності, надавати життя чомусь, і в кінцевому

підсумку зробити це щось подібним до самого гармонійного організму – Космосу» [2, с. 43].

Отже, універсальність космогонічних міфів пов'язана з намаганням за матеріальною реальністю знайти іншу, нематеріальну, тому міф виступає «простором втілень і перетворень» [3, с. 238].

Разом з цим, сюжетно космогонія виступає найбільш варіативною з-поміж інших міфів. Передусім, коли йдеться про створення світу із Хаосу в Космос, можна виокремити дві головні сюжетні лінії – це пасивний спонтанний рух перетворень та активне спрямоване зусилля.

Існує багато сюжетів перетворень, котрі зустрічаються у космогонічних міфах. Найбільш давнім таким варіантом можна вважати появу світу із води (найчастіше світового океану). Наприклад, згідно з давньояпонськими уявленнями, з давніх-давен існував океан, який дещо нагадує болото, бо в ньому виріс очерет, із якого у подальшому з'явилися боги.

Досить часто зустрічається сюжет про появу світу із велетенського яйця, із якого вилуплюється першоістота (бог, герой, велетень), котрий, у свою чергу, за допомогою ячної шкарлупи творить світ. Так, одним із варіантів космогонічних міфів стародавнього Китаю виступає міф про Пан-гу, який з'явився із світового яйця. У подальшому ним було створено небо та землю. Певний час Пань-гу відштовхував небо від землі, щоб вони не об'єдналися. Коли ж об'єднання цих двох стихій стало неможливим, він помер [4, с.156-160].

Ще одним варіантом появи світу є поєднання землі та неба, їхній своєрідний шлюб. Так, відповідно до одного із варіантів космогонічного месопотамського міфу, світ виникає завдяки паруванню божественної пари – Апсу та Тіамат. У них народилися двоє дітей, які стали також батьками інших двох богів. Так виник пантеон месопотамських богів.

Досить екзотичним варіантом космогонічного міфу є самозапліднення бога/ богині, що дозволяє їм породити світ. Так, згідно з одним з одним із давньоєгипетських архаїчних міфів богиня неба Нут, не маючи чоловіка, кожного дня на світанку народжує золотого теля, який за день встигає подорослішати. Увечері Нут його ковтає, а з ранку історія

повторюється. Цей процес дозволяє створити їй землю [5, с. 118-120].

Змістовно близьким до попереднього варіанту є міф про створення світу внаслідок виверження (самого процесу та/або його наслідків). Наприклад, внаслідок виверження вулкану, який описується аборигенами Австралії як виверження потоків своєї крові та виривання власних зубів богом Будж-Бім, виникає Всесвіт [6, с. 388]

Нарешті, у багатьох міфах різних народів породження світу пов'язується з взаємним перетворенням стихій та елементів. Так, згідно з давньокитайськими уявленнями, виникнення та існування всесвіту можливе завдяки взаємопородженню та взаємоподоланню п'яти елементів: дерева, вогню, землі, метала, води. Відомий представник психоаналізу К. Юнг вважав, що світові стихії є проекцією колективного несвідомого.

Якщо ж говорити про активне зусилля як засіб космогонічного процесу, то тут обов'язковою умовою такого варіанту космогонії виступає існування одвічних, нестворених божеств, які згідно з певним задуманим ними планом, завдяки своїй творчій діяльності створюють світ.

Досить часто таким богом виступає бог-творець, тобто бог, який створив світ (наприклад, таким богом у зороастризмі виступає Ахура Мазда), або ж бог-деміург, який під час творіння використовує інструменти або прилади (наприклад, в індуїстській міфології майстром, творцем всесвіту є Вішвакарман, який наче тесля витіслює небо і землю). Інколи бог-творець та деміург співпадають, їхні функції покладені на того самого божества [7, с. 110].

Зустрічаються також космогонічні міфи, де деміургом виступає культурний герой (який може бути як богом, так і людиною чи навіть зооантропоморфною істотою). Культурний герой виступає винахідником корисних явищ і предметів (культурні рослини, знаряддя праці), вчителем щодо різних вмінь і навичок (ткацтво, прядіння, гончарство, риболовля тощо) або ж засновником культурних та соціальних традицій (законодавство, поділ соціуму на верстви тощо). Інколи культурний герой є воїном-захисником існуючого порядку або борцем за відновлення того світоустрою, який був порушений внаслідок дій сил зла і хаосу.

Таким чином, універсальним мотивом для космогонічної міфології виступає породження світу, подолання хаосу та встановлення космосу. Проте фактично у межах кожної міфології можна зустріти різні варіанти космогенези, які мають істотні відмінності і часто суперечать один одному.

Список використаної літератури:

1. Кузнецов Н. В. Судьба мифа в современной культуре // Вестник русской христианской гуманитарной академии. Москва, 2011. Т.12. Вып.3. С. 244 - 253.
2. Элиаде М. Аспекты мифа. Москва, 2014. 235 с.
3. Апиныя Т. А. Мифология: теория и событие. Санкт-Петербург, 2005. 281 с.
4. Чжан Т., Ху Ф., Янь С. Мифы и легенды Китая. Москва, 2019. 271 с.
5. Раг И. В. Мифы древнего Египта. Санкт-Петербург, 1993. 270 с.
6. Смит Р. Мифы и легенды австралийских аборигенов. Москва, 2011. 410 с.
7. Королев К. Индийская мифология: энциклопедия. Москва, 2004. 448 с.

КЛАСИЧНІ ТЕОРІЇ МОДИ: КРИТИЧНИЙ АНАЛІЗ

Сьогодні важливе місце у житті людини посідає мода, а саме мода на одяг. З кінця XIX століття, з початком швидкого розвитку змін модних тенденцій, вчені починають досліджувати феномен моди та створюють ряд дослідницьких робіт, які, в свою чергу, формуються у теорії. Класичні теорії моди вважаються основними та базовими. Метою дослідження є опис та аналіз теорій моди. Знаючи причини спалахів та швидких змін моди, ми можемо не тільки пояснити чому виникає та чи інша модна тенденція, але і спрогнозувати її. Такими дослідниками виступають Т. Веблен, Г. Зіммель, Г. Тард, В. Зомбарт.

Одним з перших дослідників був американський соціолог та економіст Торстейн Бунд Веблен, який у своїй роботі «Теорія дозвільного класу: економічне дослідження інституцій» 1899 року у розділі «Одяг як вираз грошової культури» розглянув моду зі сторони класового суспільства. Цікавим є те, що Т. Веблен розглядає моду в економічній призмі.

Одяг, з первісних часів втратив свою початкову функцію – захист, Т. Веблен говорить, що відтепер, з кінця XIX століття, одяг служить для підкреслення свого класового статусу: «... наше вбрання завжди служить свідченням нашого фінансового стану, вказуючи на нього при першому ж погляді якого стороннього спостерігача ... ні в якому іншому питанні не виникає такого гострого відчуття убогості, яке відчувається, якщо ми не дотягуємо до рівня, встановленого громадським звичаєм в одязі» [1]. Т. Веблен вводить нову функцію моди – «демонстрації» достатку та говорить, що це притаманне більше жінкам, ніж чоловікам.

Тому, функція одягу це – свідцтво заможності та грошового успіху людини, символ соціального статусу. З цього можна зробити висновок, якщо вищі соціальні групи виділяють себе за допомогою одягу, то нижчі соціальні групи тяжіють наблизитися до вищих статусів, слідуючи їх моді.

Т. Веблен у своїй роботі розмірковує над тим, чому модні стилі та тенденції так швидко змінюються. «Навіть у своїх самих

вільних проявах мода якщо і йде, то рідко від симуляції якоїсь показної користі. Уявна корисність модних деталей одягу є, однак, настільки очевидною облудою, а їх фактична марність незабаром змушує нас так прямо звернути на себе увагу, що стає нестерпним, і тоді ми вдаємося до нового стилю. Однак новий стиль повинен підкорятися вимозі поважного марнотратства і марності, яка стає незабаром так же ненависна, як марність стилю-попередника» [1].

З цього слідує, що одяг – це всього-на-всього зовнішня обкладинка людини для привернення уваги до себе, та, коли ця обкладинка стає не цікавою, людина шукає щось нове для повернення уваги до себе, тому мода – це привілей вищих класів. Цим і можна пояснити швидко зміну стилів та тенденцій одягу. Людина не може не змінювати моду, згідно з Т. Вебленом, це невіддільна потреба людини.

Розглянувши основні ідеї та міркування теорії моди згідно з Т. Вебленом, можемо сказати, що ця ідея має свої переваги та недоліки. Так перевагою є те, що теорія базується на економічній сфері, що дозволяє розглянути феномен моди не тільки через культурну призму. Основним недоліком теорії є те, що вона націлена не на всі групи суспільства, тобто, не всі соціальні групи та їх члени, керуються ціллю виділитися і продемонструвати свій соціальний статус шляхом одягу та зміни модних тенденцій.

Іншим, не менш цікавим та значущим для теорії моди, є німецький філософ та соціолог кінця XIX – початку XX століття Георг Зіммель, який у своєму есе «Мода» вводить поняття «форма соціального життя та наслідування».

Мода, згідно з Г. Зіммелем, – не що інше, як одна з багатьох форм життя, за допомогою яких тенденція до соціального вирівнювання з'єднується з тенденцією до індивідуальної відмінності й зміни в єдиній діяльності [2].

Одним з ключових моментів у теорії Г. Зіммеля виступає наслідування чи копіювання, яке зумовлене рядом соціально-психологічних факторів людини. Тобто, за допомогою наслідування, людина може задовольнити потребу у соціальному плані, знайти підтримку, не бути «білою вороною» серед інших людей. «Мода підтримується соціальним колом, який вимагає від своїх членів взаємного наслідування і тим

самим звільняє індивіда від будь-якої відповідальності – етичної й естетичної, – а також у можливості використовувати в цих рамках оригінальні відтінки за допомогою посилення вимог моди і навіть відмови від них» [2].

Слід зазначити, що Г. Зіммель виділяє декілька функцій моди, це пов'язування та роз'єднування, які нерозривно пов'язані між собою. Так, мода зароджується у вищому соціальному класі, та, коли її наслідують нижчий клас, вона різко змінюється у вищому класі, «знищує розрізнення» між класами, ось чому мода має тенденцію змінюватися.

Також, Г. Зіммель зазначає, що мода – це саме те, що робить нас однаковими, «стриже всю індивідуальність під одну гребінку», тому моду слід розглядати тільки як зовнішню оболонку.

Наступна теорія має велику схожість з попередніми, яку слід розібрати, це – теорія французького соціолога та криміналіста ХІХ століття, Жан-Габріеля Тарда. У своїй праці «Закони наслідування» він детально описує теорію наслідування, яку розділяє на декілька видів, серед яких постає мода, яку ми розглянемо більш детально.

«Всяка схожість соціального походження помічається у світі суспільством, представляє прямі або непрямі наслідки наслідування у всіляких його видах: наслідування-звичаю або наслідування-моди, наслідування-симпатії або наслідування-покори...», таким чином, поняття моди у Г. Тарда не є чільним [4, с. 49].

Основною рисою, як і у Г. Зіммеля, є універсальність, та причина цього криється в наслідуванні, яке автор ототожнює з поняттям «соціум». З цього Г. Тард виділяє два основних види наслідування, які так чи інакше нерозривно пов'язані між собою – звичай, або традиції, та мода. Мода, згідно з Г. Тардом, це є той самий звичай (традиція), але розглянутий через призму сучасного.

Також Г. Тард описує тенденції зміни моди, він говорить про те, що на це впливає декілька факторів – недовговічність вироблених товарів та розвиток технологій. «Словом, панування моди пов'язане – що може здатися дуже дивним – з пануванням розуму, і з пануванням індивідуалізму і натуралізму» [4, с. 329].

Слід звернути увагу, що Г. Тард висуває свої припущення щодо виникнення моди. Причиною цього є іноземний вплив, тобто розповсюдження звичаїв в інших державах і є мода. «Всі держави, які наслідують одній державі, користуються наразі перевагою, подібно до того, як нижчі суспільні класи наслідують вищим», тобто, ми можемо побачити, що міркування Г. Тарда йдуть у тому самому напрямку, що й думки Г. Зімеля та Т. Веблена [4, с. 349].

Тому, якщо мода – це вид наслідування, а наслідування – це соціум, то можна зробити загальний висновок, що мода виступає, згідно з Г. Тардом, у ролі соціалізації.

Вернер Зомбарт – німецький економіст, соціолог, філософ другої половини XIX – першої половини XX століття, який у своїй роботі «Народне господарство та мода» розглядає моду не тільки через призму наслідування вищим соціальним класам нижчими, а і як соціальне, економічне, психологічне та демографічне явища.

Проте слід звернути увагу на уявлення В. Зомбарта про моду у сучасному, на той час, розумінні та порівнянні її з попередньої, «старою». По-перше, це розповсюдження моди в усьому культурному середовищі, з XIX століття, вона не має ніяких бар'єрів, доступна усім соціальним класам. По-друге, це швидка зміна моди, поширення сезонних тенденцій. Та, по-третє, це «влада моди над безмежною безліччю предметів споживання», тобто зі збільшенням технологій виготовлення нових продуктів попит на них стає більшим, тоді як технології починають «працювати» на моду [3].

Підприємства роблять все можливе, щоб люди «підсіли» на слідування модним тенденціям, випускаючи кожного сезону нову одягу. Тим самим це приносить великий прибуток підприємствам, а людям – задоволення, вони готові витратити гроші на нове та модне, попри те, що «стара» одяга ще є придатною.

В. Зомбарт пояснює, що сучасна мода виникає тому, що «роль споживача обмежується мінімумом; рушійною силою в цьому процесі, у всякому разі, є скоріше капіталістичний підприємець. Вплив паризьких кокоток і принца Уельського має характер тільки випадкового сприяння» [3], тобто ми бачимо соціально-економічні причини виникнення моди.

У підсумку слід зазначити, що класичні теорії, які описують моду через призми різних наук, займають особливе місце в історії, завдяки їм мода це – не одностороннє явище, а складний механізм, який пов'язаний з різними факторами. Всі концепції дуже схожі між собою та ґрунтуються на ієрархії соціальних класів: здебільшого вищі класи «починають» моду та нижчі «підхоплюють» її, таким чином утворюється замкнуте коло. Спрямованість швидкої зміни моди зумовлена небажанням вищих класів бути схожими на нижчі соціальні класи та, як наслідок, потребою до створення нової форми моди.

Список використаної літератури:

1. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.
2. Зиммель Г. Мода // Зиммель Г. Избранное. Т. 2. М.: Юристъ, 1996.
3. Зомбарт В. Народное хозяйство и мода // Зомбарт В. Избранные работы. М., 2005.
4. Тард Г. Законы подражания. СПб., 1892.

**ГОВОРИТ ЛИ ПСЕВДО-ДИОНИСИЙ АРЕОПАГИТ
ОБ АНАЛОГИИ?
CORPUS AREOPAGITICUM
В ПРОЧТЕНИИ А. И. УЁМОВА
(критический очерк)**

Завершая методическое пособие по Метафизике [5], А. И. Уёмов останавливается на метафизике теологии, где рассматривает апофатические высказывания из трактатов Псевдо-Дионисия Ареопагита. В качестве первоисточника Авенир Иванович использует собрание работ «Мистическое богословие» [4] издательства «Путь к истине», Киев, 1991 год. Уёмова привлекает термин «аналогия» из перевода первоисточника, после чего Авенир Иванович делает заключение из фрагмента учения Псевдо-Дионисия о потребности «в развитии теории выводов по аналогии для выражения природы Бога» [5, с. 234]. Цель данного очерка – прояснить значение термина аналогия в процитированном Авениром Ивановичем фрагменте, а также дополнить рассуждения Уёмова относительно аналогии применительно к богопознанию в контексте Corpus Areopagiticum.

Фрагмент (872 А) перевода трактата *Περὶ θεῶν ὀνομάτων* («О божественных именах») привлёкший внимание Авенира Ивановича выглядит следующим образом: «...истинно утверждать что-либо о Боге мы можем только в том случае, если станем по аналогии со всем сущим (курсив А. У.) прославлять его как Причину всего сущего» [там же].

Как отмечалось выше, приведенный фрагмент взят из сборника работ посвященного мистической теологии, в свою очередь текст «О божественных именах» в этом сборнике – перепечатка перевода, выполненного Л. И. Лутковским и опубликованным на год ранее в ежегоднике «Общественная мысль: исследования и публикации» [3]. Текст не сопровождается ни комментариями относительно самого перевода, ни оригинальными древнегреческими фрагментами. Между тем оригинальный фрагмент выглядит следующим образом:

Καὶ γὰρ καὶ ταῦτα ὀρθῶς περὶ Θεοῦ λέγομεν, καὶ ἐκ τῶν ὄντων

ἀπάντων ὑμνεῖται κατὰ τὴν πάντων ἀναλογίαν, ὃν ἐστὶν αἴτιος [6].

В переводе Г. М. Прохорова: «И то ведь говорим мы о Боге правильно, что от всех сущих, чьей причиной Он является, соответствующим образом он воспевается» [1, с. 465]

Перевод Л. И. Лутковского слова ἀναλογίαν как аналогии, является приемлемым, но при этом может ввести в заблуждения относительно содержания этого термина непосредственно в данном конкретном случае, у данного автора. Во-первых, если обратиться к наиболее полному древнегреческо-русскому словарю И. Х. Дворецкого, то термин ἀναλογία имеет несколько значений: помимо как таковой аналогии – соразмерность, пропорциональность, соответствие [2, с. 122]. Примеры, приводимые Дворецким, где ἀναλογία переводится непосредственно как аналогия – это примеры из Аристотеля и Платона, но никак не из богословских текстов. Во-вторых, понимание ἀναλογία у Псевдо-Дионисия в аристотелевской (читай – рациональной) парадигме является герменевтической погрешностью. Corpus Areopagiticum, безусловно, имеет свою логику, но эта логика – от иррационального. В-третьих, если осмыслить творчество автора Ареопагитик не только исходя из текста Περὶ θεῶν ὁνομάτων, но в целом, то можно утверждать, что авторскому стилю свойственны такие смыслы как уподобление, слияние, единение и т. д., то есть не так рационально-логические, как поэтично-образные, что и отображается в переводе Г. М. Прохорова всего корпуса Ареопагитик [1]. В-четвертых, вероятно, термин ἀναλογία у Псевдо-Дионисия использовался под влиянием теургии Ямвлиха, где «божественные и математические пропорции (λογοί) души обнаруживаются только тогда, когда душа ритуально присваивает их соответствия (ἀναλογοί)» [7, с. 579]. Напомним, что общий контекст богословия Псевдо-Дионисия – это контекст достижения божественной Причины. Таким образом можно констатировать, что смысловое содержание понятия ἀναλογία у Псевдо-Дионисия Ареопагита не совпадает с содержанием этого понятия в формальной логике.

Между тем стоит отметить проникновенность взгляда Авенира Ивановича. Так в контексте творческого наследия Псевдо-Дионисия такие понятия как «отождествление»,

«уподобление», «соединение» применительно к божественной Причине (ὁ παντός) могут расцениваться как гипертрофированное мышление по аналогии, где эти самые единения достигаются путём мимикрии, уподоблению божественному уже не на рациональном уровне, но в иррационально-феноменологических состояниях. Так уподобляющийся Причине, согласно трактату Псевдо-Дионисия Ареопагита «Περὶ μυστικῆς θεολογίας» («О таинственном богословии»), следует *via negative* уже на феноменологическом уровне, тем самым обретая тождественность с божественным.

Список использованной литературы:

1. Дионисий Ареопагит. Сочинения. Толкования максима исповедника. СПб.: Алетей; Издательство Олега Абышко, 2002. 854 с.
2. Древнегреческо-русский словарь / сост. Дворецкий И. Х. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей. 1958. Т.1. 1044 с.
3. Лутковский Л. И. Дионисий Ареопагит. О божественных именах // Общественная мысль: исследования и публикации. 1990. № 2. С. 156-227.
4. Мистическое богословие. Киев: Путь к истине, 1991. 392 с.
5. Уёмов А. И. Метафизика: учебное пособие. Одесса: Астропринт, 2010. 260 с.
6. Dionysius Areopagita. *Corpus Dionysiacum*. Berlin; New York: de Gruyter. 1990. 240 p.
7. Shaw Gregory. Neoplatonic Theurgy and Dionysius the Areopagite // *Journal of Early Christian Studies*. 1999. Vol. 7. Pp. 573-599.

**ОПТС А. И. УЁМОВА И СИНЕРГЕТИКА В
РЕКОНСТРУКЦИИ КОНЦЕПЦИИ АНТРОПНОГО
ВРЕМЕНИ: ОСНОВНЫЕ СЛОЖНОСТИ СОЧЕТАНИЯ**

В процессе разработки концепции антропного времени, осуществляемой автором в течение последних лет, была выявлена сложность, связанная, как может показаться, с несовместимостью методологических оснований данного моделирования – общей параметрической теории систем (ОПТС) А. И. Уёмова и синергетики. Дело в том, что антропное время было вначале представлено как система вообще, а затем, в порядке углубления и конкретизации, – как сложная самоорганизующаяся система в частности.

Первый из этих этапов исследования был осуществлен на методологическом основании ОПТС (А. И. Уёмов, Л. Н. Терентьева, А. Ю. Цофнас). Использование ОПТС предполагало определение системы антропного времени (как и любой другой системы) через три дескриптора: концепт, структуру, субстрат [2, с. 126–130; 3, с. 130–133]. В качестве исходного, стержневого дескриптора – концепта – был избран экзистенциально-деятельностный смысл формирования и самоорганизации антропного времени, что предполагало: 1) определенность становления каждой подсистемы антропного времени уникальностью ее носителя, реализуемой в деятельности; 2) первенствование фактора свободы воли субъекта антропного времени в реализации этой уникальности. Соответственно, под структурой антропного времени подразумевались отношения, выстраивающиеся между единицами антропного времени одного уровня, а также межуровневые отношения, которые отвечают экзистенциально-деятельностному системообразующему свойству. Наконец, под субстратом антропного времени понимались единицы антропного времени, соотносящиеся по принципу «матрешки» в глобальной темпоральной системе [4, с. 218].

На втором поисковом этапе были рассмотрены основные особенности антропного времени. Нами были выявлены такие характеристики этой системы, как многоуровневость и коэволюционная соотнесенность подсистем, разновекторность

становления, нелинейность, открытость, наличие обратных связей в отрицательной и положительной формах между временными единицами («матрешками»), стохастичность, нетрадиционность последовательности временных фаз [4, с. 219–242]. Эти свойства оказались типичными для сложных самоорганизующихся систем. Е. Н. Князева, к примеру, в своей работе обобщает характеристики, наличие которых свидетельствует о сложности системы, при этом, наличие большинства из них – о ее способности к самоорганизации [1, с. 77–78]. Таким образом, данное обстоятельство позволило осмыслить систему антропного времени на методологическом базисе синергетики (выделим также исследования В. И. Аршинова, Л. Н. Богатой, В. Г. Буданова, М. С. Дмитриевой, И. С. Добронравовой, И. В. Ершовой-Бабенко, С. П. Курдюмова, И. Р. Пригожина, В. С. Стёпина, Г. Хакена).

Отметим, что исследовательский шаг в виде подведения под реконструкцию концепции антропного времени указанных методологических оснований вызвал значительные нарекания исследователей, причем со стороны, в первую очередь, представителей синергетической линии мысли. Упомянутые подходы виделись несовместимыми, а в качестве аргументов данного тезиса звучали следующие послы (приведем некоторые примеры): 1) ОПТС, являясь методологическим «наброском», не учитывает онтологические особенности процессов самоорганизации, тогда как синергетика именно таковые поставила во главу угла; 2) ОПТС индифферентна к темпоральным отношениям, тогда как в синергетическом знании категория времени является одной из ключевых.

Полагаем, что главной проблемой такого комплексирования является следующая. ОПТС принципиально дистанцирована от вопроса об онтологических основаниях систем, точнее – от поиска онтологических условий различения систем и не-систем. Эта теория исходит из посыла о том, что любой объект может быть представлен как система в случае обнаружения в таковых системных дескрипторах (концепта, структуры и субстрата). Следовательно, он не есть система онтологически и априори (до опыта человеческого познания), а становится системой исключительно в «прицеле» методологического наброска. Последний же используется как необходимое основание

решения более частных исследовательских задач. Синергетика, наоборот, позиционируя себя в качестве теории познания сложных самоорганизующихся систем, настаивает именно на онтологически обусловленном отличии этого класса систем от иных классов. Из этого вытекает и вторая из обозначенных несостыковок. Категория времени, исключенная из ОПТС, исторически была призвана ознаменовать собой процессы развития, в том числе и в виде самоорганизации, раскрыть их событийностную сущность. Следовательно, это понятие «вплетается» в синергетический метод так же органично, как и само время изнутри определяет те процессы, которые являются предметным полем синергетики. Иными словами, синергетический подход фундирован идеей имманентности процессов самоорганизации самой природе соответствующих объектов (в том числе антропного времени) независимо от того, осуществляет или не осуществляет их познание человек.

Таким образом, «коса» ОПТС находит на «камень» синергетики. Представители первого подхода требуют упреждать исследование самоорганизующихся систем обоснованием того, что эти объекты суть системы в принципе. Адепты второго, в свою очередь, не видят необходимости в первичном методологическом обосновании системности объекта, ведь, в таком случае, как самоорганизация системы, так и сама система будут таковыми лишь в определенном разрезе человеческого познания. Однако, на наш взгляд, представленный методологический синтез подходов, если и в определенном смысле небезупречен, то уж, по крайней мере, не «монстрородящ». Признавая весомость указанных выше доводов, все же полагаем возможным заявленное методологическое содействие, результаты которого в реконструкции концепции антропного времени будут представлены в наших последующих публикациях.

Список использованных источников:

1. Князева Е. Н. Темпоральная архитектура сложности // Синергетическая парадигма. Синергетика инновационной сложности / отв. ред. В. И. Аршинов. М.: Прогресс-Традиция, 2011. С. 66–86.
2. Уёмов А. И. Системный подход и общая теория систем. М.: Мысль, 1978. 272с.
3. Уёмов А. И. Лекции и задачи по метафизике: в 2 ч. / А. И. Уёмов, Л. Н.

Терентьева. Одесса: Астропринт, 2009. 280 с.

4. Ханжи В. Б. Парадигмы времени: от онтологического к антропологическому пониманию: монография. Херсон: Гринь Д. С., 2014. 360 с.

ПЛАТОН КАК УЧИТЕЛЬ

Однажды Авенир Иванович Уёмов сказал: сначала я не принуждал своих аспирантов читать мои работы, полагая, что они сами сделают правильные выводы и обратятся к теории систем, потом понял, что это была ошибка, они постоянно уходили куда-то в сторону, и тогда я стал давать им свои работы для обязательного чтения.

Прошел, наверное, еще десяток лет, и Уёмов все настойчивее ориентировал своих учеников на собственную философию, раз за разом он возвращался к мысли, что только с теорией систем связана возможность существования философии в будущем, и все больше укреплялся во взгляде на остальные направления в философии как на «вредные».

Даже те, кто был знаком с Уёмовым не очень близко, знали, что он ценил Аристотеля намного выше, чем Платона (чьи заслуги, впрочем, тоже признавал), а самые близкие иногда слышали от него признание, что он чувствует себя реинкарнацией Аристотеля. В этом признании была, конечно, значительная доля иронии, и трудно было сказать, что он имел в виду – саму личность Стагирита или же его роль в философии, созданную им логическую парадигму, по-прежнему во многих отношениях чуждую отечественной традиции, как во многом чуждой оставалась ей и теория систем. Но есть ирония и у самой жизни. Представляется, что приведенное в начале тезисов признание Авенира Ивановича роднит его скорее с Платоном, нежели с Аристотелем.

Объем данной публикации не позволяет предложить обстоятельный анализ, поэтому здесь мы ограничимся только постановкой вопроса о Платоне и Аристотеле как учителях. В качестве исходной платформы сформулируем в общей, достаточно грубой форме принципиальный тезис. И Платон, и Аристотель создали свои школы, объединившие какое-то количество учеников, но отношение учитель-ученик в этих школах, судя по всему, заметно различалось. Школа Платона, Академия, пережив по крайней мере три этапа своего развития, просуществовала I века н.э. (до Филона из Лариссы, бывшего схолярхом в 110 – 84 гг. до н. э.), а будучи восстановленной

императором Марком Аврелием в 176 г. н.э., была закрыта по указу императора Восточной Римской империи Юстиниана в 529 г., наряду с другими философскими школами, по обвинению в распространении язычества. Школа Аристотеля, Ликей, просуществовала значительно меньше, вероятно, до последней четверти III века до н.э. (до схоласта Аристона с Кеоса, а если даже принять в расчет последующую традицию, то до середины II века до н.э.), но уже при Ликоне (272/68 – 228/5) школа утрачивает аристотелевское направление, а еще ранее странным образом остается без текстов Аристотеля. Только в I в. до н.э. эти тексты опубликованы Андроником Родосским, с чьим именем и деятельностью связывают начало возрождения аристотелизма.

Обе традиции, таким образом показывают себя достаточно устойчивыми, но при этом существенно различаются: платоновская школа, раз за разом (неудачно?) пытается восстановить подлинную философию Платона, при этом совершая колебания от скептицизма до строгого догматизма (окончательно узаконенного уже неоплатониками). Аристотелевская школа удерживает систематическое и теоретическое направление при двух первых схоластах (Феофрасте и Стратоне), но затем радикально меняет свою направленность и методы, переключаясь на изыскания исторических биографий, литературоведение и популярную этику, перестав использовать основную часть догматических трудов Аристотеля. Это изменение настолько радикально, что ни в самой школе, ни вокруг нее не остается, вероятно, ни одной копии собственно философских работ Аристотеля, рукописи которых почти двести лет хранятся то ли на чердаке, то ли в подвале, где портятся от сырости и моли, пока их не приобрел Аппелликон из Теоса. Более того, научно-популярные («эксотерические») диалоги Аристотеля, которые оставались в школе, вообще не попали ни в одну из библиотек и до нас не дошли. Даже Андроник Родосский, публикуя в первом веке до н.э. приобретенное Аппелликоном и вывезенное Суллой в Рим собрание сочинений Аристотеля, по-видимому, уже не располагал текстами диалогов.

Известна и неоднократно становилась предметом исследования и восхищения замечательная организация

школы Аристотелем, превратившем ее в некое подобие академии наук: на основе метода Учителя систематически и последовательно разрабатывалась каждая область знания в отдельности и все они вместе, единый центр координировал специальные исследования членов школы в отдельных, там же эти исследования систематизировались и обобщались. Эта система сохранялась при преемнике Аристотеля, Теофрасте, но далее произошло нечто необъяснимое. По свидетельству Страбона, Теофраст завещал библиотеку Аристотеля Нелею, который увез ее из школы на свою родину, в город Скепсис в Малой Азии. Там они и осели у потомков Нелея почти на 200 лет, а преемник Теофраста, Стратон, вероятно, воспитанный на этих рукописях, еще пытался сохранять систематическую традицию школы, но передать ее без библиотеки оказался уже не в силах. Вместе с тем, почти нет сомнения, что Теофраст и Стратон глубоко понимали философию Аристотеля, руководствовались ею и даже развивали ее, если не в целом, то в приложении к отдельным областям знания. Об Аристотеле свидетельствуют, что он организовал школу наилучшим образом, нашел каждому дело по вкусу и по таланту, превратив ее в слаженный механизм.

С Платоном все не так. Уже в отношении первых схоластов – Свесиппа и Ксенократа – высказывались сомнения об адекватности и полноте их понимания философии Учителя. Во всяком случае, оба они внесли ряд изменений и упрощений в платоновскую философию. При этом они, по-видимому, участвовали в работе Академии со времени ее основания, и тем не менее, хотя и совершенно по-разному, смещали платоновское учение в сторону присутствующих в нем пифагорейских элементов. Самого яркого и талантливого ученика Платона – Аристотеля – тоже никак нельзя считать ортодоксальным платоником. В связи с этим неизбежно возникает вопрос, как было поставлено обучение учеников в Платоновской Академии.

Речь будет идти не о том, чему посвящена огромная литература – не о методах обучений, практиках занятий или даже не об отношении устного учения к письменным текстам. Задача данной работы – попытаться очертить психологический рисунок обучения, которое, с одной стороны следует признать чрезвычайно успешным (сама история платоновской школы

свидетельствует об этом), а с другой стороны, потерпевшим полное фиаско, потому что современное платоноведение не знает ни одного из учеников Платона, кого можно было бы считать воспринявшим взгляды своего учителя, а кроме того и сегодня не в состоянии представить удовлетворяющую по крайней мере большинство исследователей картину платоновской философии.

Вероятно, стоит сразу отказаться от теории тайной доктрины Платона, поскольку, будь она выражена хоть бы в устной форме, обязательно получила бы отражение у ближайших наследников (единственное упоминание в «Физике» Аристотеля о «неписанных доктринах Платона» (Phys. 209 b 13-16) трудно считать таким свидетельством). Трудно принять и точку зрения современных сторонников тайного учения (прежде всего, так называемой «Тюбингенской школы»), что известные нам диалоги не содержат ничего существенного относительно подлинных взглядов Платона, а лишь скрытые намеки на них, доступные только посвященным. Это мнение скорее следует рассматривать как современный этап «пифагоризации» Платона.

Гораздо более естественным кажется предположение, что Платон сам не был в состоянии выразить отрывшееся ему видение Истины (я не имею в виду некий сверхъестественный опыт визионера), просто у Платона не оказалось ни категориального аппарата, ни системы методов для того, чтобы представить сложность устройства видимого глазами его ума мира. И он вынужден был делать это постепенно, шаг за шагом, как будто описывая сложный многогранник – одну сторону за другой, переключая иногда свое внимание и на соотношение сторон. Можно представить себе такой образ (позаимствуем его у Шопенгауэра и индийской философии): мир – это невидимая прекрасная статуя, но хотя ее можно воспринять разными чувствами – кроме зрения, – однако же описание способно передавать исключительно визуальный образ. И Платон раз за разом наклеивает на нее кусочки листьев или ткани, как при изготовлении папье-маше, чтобы передать сложные пластические конфигурации объема, но все равно не в состоянии охватить всю поверхность целиком. Таким образом, диалоги представляют собой верное, но всегда частичное и

лишь поверхностное очертание некой сущности, остающейся доступной лишь внутреннему прозрению.

Едва ли Платон был в состоянии в свободной речи представить это целое в его единстве и полноте. Это требовало внутренней работы самого слушателя, поэтому философ так высоко оценивал комментарии к текстам, а главное – возможность направлять мысль читателя/слушателя в правильное русло. Соответственно с этим Платону требовалось развить у своих учеников способность достраивать целое из направляющей посылки, усматривать сущностное за высказанным, высказанное – устно ли, письменно – никогда не было окончательным и полным. Ехидные комментарии Аристоксена к его пересказу впечатления публики от лекции Платона «О Благе» [1, 39, 45] поэтому просто являются следствием его непонимания того, как Платон выстраивал обучение. Развить в учениках способность верно достраивать недосказанное (возможно, вообще невыразимое) – высший уровень в педагогике. Может быть, диалоги, которые обычно называются «ранними», диалоги, в которых нет однозначных ответов на образующие их вопросы, действительно служили своего родом упражнением, как неоднократно предполагалось исследователями. И потому они вполне могли писаться одновременно с большими диалогами «среднего» периода, не отрицая их и без какого-либо противостояния, а лишь для более полного и совершенного процесса обучения. Но, как можно судить из последующего, воспринять этот вид обучения в полной мере удавалось не всем. И в «Государстве», и в «Законах» Платон выстраивает систему отбора лучших, осознавая, что всех научить нельзя.

В «Законах» это пессимистическое (или просто реальное) убеждение Платона приобретает завершенную и достаточно неприглядную для оптимистического взгляда на человека форму. Если предположить, что Платон постепенно от интереса к политике перешел к политической теории (как можно предположить из Седьмого письма), а потом, можем мы предположить, предметом его мысли стала космогония и космология, и вообще сущности высшего порядка, то тогда в «Законах» он подводит итог своего почти сорокалетнего педагогического опыта. И вывод этот неутешителен:

большинство всегда будет нуждаться в предоставлении ему строго фиксированных формул и никогда не сможет отпустить свой разум в «открытое плавание», а если такое случится, то разум этих людей наворотит такого, о чем лучше вообще не говорить вслух. Поэтому для подавляющего большинства всегда останется лучшим способом обучения давать набор строгих формул под запись для заучивания, а чтобы они запомнили их как следует, их следует пороть при малейшем отклонении от «правильного курса». И благополучие государства будет тогда обеспечено именно этим большинством. Безусловно, печальный вывод.

Можно списывать столь категоричный финал платоновского опыта на его старость, на социальные обстоятельства – упадок афинского государства, расхождение взглядов среди учеников внутри самой Академии, на непочтительное поведение такого ученика как Аристотель – да мало ли на что. Но стоит задуматься, не свидетельствует ли история той или иной конкретной мысли о правоте Платона, которую мы просто не готовы признать? История постепенного ожесточения борьбы среди сторонников терпеливого и смиренного Христа, и то же нарастание противостояния среди последователей куда более решительного, но все миролюбивого Пророка, идеи Достоевского, изложенные его героем в знаменитой «Легенде», да даже такой странный источник как «Краткий курс истории ВКП(б)» – не могут ли нам рассказать, что человеческая природа неоднозначна, охотно поддается воспитанию, но воспитание это дает предсказуемые плоды только там, где оно носит недостойные нашего гуманного времени формы? Вот и опыт А. И. Уёмова подталкивал его к тому же выводу. Достаточно ли мы разумны, независимы, мужественны и честны, чтобы рассмотреть его беспристрастно?

Список использованной литературы:

1. Aristoxeni Elementa harmonica (II, 30 – 31) / Rosetta da Pàos. Romae, 1954, pp. 39, 45. Русский перевод: Аристоксен. Элементы гармонии. Перевод и примечания В. Г. Цыпина. М.: МГК, 1997. С. 41.

Голубович І. В., Тихомірова Ф. А.
**СИСТЕМНА МЕТОДОЛОГІЯ СИТУАЦІЙНОГО
УПРАВЛІННЯ РОЗВИТКОМ МІСТА У НАУКОВІЙ
СПАДЩИНІ А.І. УЙОМОВА**

Людство знаходиться на початку найбільшої урбанізації в своїй історії. Місто, яке колись було колискою цивілізації, тепер розглядається як джерело всіх форм забруднення, джерело труднощів, пов'язаних з невиправданою тратою часу, психологічним стресом, самотністю і, навіть, небезпекою. В умовах пандемії питання безпеки у місті набули особливої актуальності. антисанітарні нетрі на околицях мегаполісів - ідеальне середовище для поширення смертельно небезпечних інфекційних захворювань.

Підвищується інтерес науковців не тільки до міста, як складної системи, а й до процесів, що відбуваються в цій системі. Місто - це відносно самостійна, юридично оформлена складна динамічна територіальна, економічна і соціальна система, в якій відтворюються економічні, соціальні, політичні, ідеологічні, управлінські, демографічні, етнічні, екологічні, правові містобудівні та інші відносини життєзабезпечення. Місто є елементом держави і регіону як систем більш високого порядку. У цих системах місто виконує безліч різних функцій: адміністративну, виробничу, транспортну, культурну, освітню, наукову тощо [9].

Місто не можна розглядати виключно як місце спільного проживання людей. Воно об'єднує спільноту в систему, яка складається з різних елементів (економіка, культура, політика, екологія, пронизану соціальними відносинами), функціонування яких спрямоване на досягнення глобальної мети - зростання якості життя кожної людини [11].

Нова програма розвитку міст (New Urban Agenda) — це підсумковий документ, узгоджений на конференції Хабітат-III у Кіто, Еквадор, у жовтні 2016 року. (Конференції ООН з житла і сталого міського розвитку або «Хабітати» відбуваються раз на 20 років і визначають глобальний порядок денний для політик у сфері розвитку міст на різних рівнях по всьому світу. Одним з ключових питань сучасного розвитку в усіх країнах світу стає екологічно збалансований розвиток. Концепція збалансованого

розвитку спочатку розглядалася як поєднання і взаємодія двох компонентів: екологічного та економічного. Згодом ця концепція була доповнена соціальним фактором.

Програма має соціальні та філософські підвалини, сформовані навколо декількох ключових ідей. Наприклад, вони включають питання демократичного розвитку і поваги прав людини, безпеки життя а також зв'язку між навколишнім середовищем та урбанізацією.

Організація Об'єднаних Націй визначила «зручне, безпечне і соціально орієнтоване місто», як пріоритетний напрямок розвитку у всьому світі. Він охоплює поліпшення умов життя і відтворення населення, стан генофонду, рівень матеріального забезпечення та якості життя. Людина з його знаннями, навичками і здібностями стає ключовим ресурсом в цьому розвитку [1].

У стійких міст є кілька ключових атрибутів. Вони є інклюзивними - доступними та безпечними для всіх. Основним напрямком розвитку міст є екологічність: чиста вода і санітарія; низька вартість і екологічно чиста енергія; стійкі міста та селища; відповідальне споживання і виробництво; боротьба зі зміною клімату; збереження морських екосистем, збереження наземних екосистем, партнерство в інтересах екологічно збалансованого розвитку. Це також актуально для України з огляду на вирішення низки економічних, соціальних та екологічних проблем.

Місто розглядають і аналізують з різних підходів, але системна методологія ситуаційного управління розвитком міста як елемент наукової спадщини А.І. Уймова залишається недостатньо дослідженою [3], [4], [5], [6].

Радянська урбанізаційна політика того періоду в цілому ігнорувала місто як систему, що саморозвивається, і людину, як найважливішу цінність в цій системі [10].

Одеське відділення Інституту економіки АН України - унікальна наукова інституція, історія якої потребує детального вивчення. Це була абсолютно унікальна для радянської епохи наукова установа, де розроблялися і доводилися до практичного втілення новаторські експериментальні проекти регіонального соціоекономічного розвитку Півдня України. Особливий акцент був зроблений на програмах розвитку міст з незвичайною і

максимально можливою для СРСР орієнтацією на ринкову економіку, на деякі західні підходи. У цих унікальних і актуальних досі проектах брав участь і відділ А. І. Уймова (серед них відзначимо - методологію і методи ситуаційного управління розвитком міста та транспортною системою Чорноморського басейну, де А.І. Уймов співпрацював з керівником відділу ситуаційного управління великими системами Л.С. Загадскою (Болотовою) [2].

У 1973-1996 роках А.І. Уймов завідував відділом теорії управління й системного аналізу в Одеському відділенні інституту економіки АН України (зараз - Інститут проблем й економіко-екологічних досліджень НАН України), працюючи за сумісництвом професором кафедри філософії природничих факультетів Одеського державного університету.

Місто є складною системою організації людської життєдіяльності, яка має вивчатися в рамках міждисциплінарних досліджень. Доцільність системного підходу до проблеми життєзабезпечення великих міст впливає з величезного розмаїття і складності факторів, елементів інфраструктури, зв'язків між ними, що впливають як на ефективність управління містами, так і на якість життя його населення. Місто - цілісна, складна, система, яка динамічно розвивається, в якій взаємодіють люди, суспільство, природа, і економіка.

На кафедрі філософії проведено соціально-філософське дослідження міста, як соціально-екологічної системи, за допомогою параметрів ПЗТС та двоїстого системного моделювання.

Цей важливий компонент сучасної цивілізації є фрагментованою, частковою, немінімальною, неоднорідною, стаціонарною, відновлювальною, детермінованою, складною системою [7], [8].

Отже, загальна параметрична теорія систем (ЗПТС) має не тільки теоретичну, а й значну практичну значущість, яка досі не втілена в практичні регіональні та державні програми соціально-економічного розвитку у його новій екологічній парадигми, в тому числі розвитку сучасного міста.

Список использованной литературы:

1. Нова програма розвитку міст (New Urban Agenda). URL:

<http://habitat3.org/the-new-urban-agenda/> (дата звернення: 29.03.2020)

2. Волкова В., Болотов Э. Памяти Л.С. Болотовой // Прикладная математика/Journal of Applied Mathematics. 2016. № 6(60). С.128
3. Райхерт К. В. Основные сферы современных системных исследований (по И. В. Блаубергу, В. Н. Садовскому и Э. Г. Юдину) и параметрическая общая теория систем (А. И. Уёмова) // Уёмовские чтения V (2017): материалы Научных чтений памяти Авенира Уёмова / отв. ред. К. В. Райхерт; Философ. ф-т ОНУ им. И. И. Мечникова, Одесса, 2017, С. 39–41.
4. Философ Уёмов / под ред. А. Горальского и А. Цофнаса. Варшава: Wydawnictwo Universitas rediviva, 2014, 374 с.
5. Райхерт К.В. Філософсько-методологічні засади двоїстого системно-параметричного моделювання / Автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня кандидата філософських наук, спеціальність: 09.00.02 – діалектика і методологія пізнання. Одеса: Одеський нац. ун-т імені І.І. Мечникова, 2013, 22 с.
6. Райхерт К. В. К вопросу о динамических системах в параметрической общей теории систем // Сучасні проблеми світового співтовариства та роль суспільних наук у забезпеченні його розвитку: матеріали міжнародної науково-практичної конференції (м. Одеса, Україна, 9-10 березня 2018 року). Одеса: ГО Причорноморський центр досліджень проблем суспільства, 2018, С. 32-36.
7. Уёмов А., Сараева И., Цофнас А. Общая теория систем для гуманитариев: Учебное пособие / Авенир Уёмов, Ирина Сараева, Арнольд Цофнас; под общ. ред. А. И. Уёмова. Warszawa: Wydawnictwo Universitas Rediviva, 2001, 276 s.
8. Уёмов А. И. Системные аспекты философского знания / Авенир Иванович Уёмов. Одесса: Негоциант, 2000, 160 с.
9. Шibaков В.Г., Колляр Л.В., Шibaкова И.А. Город как сложная эколого-социально-экономическая система // Фундаментальные исследования. 2004, № 5, С. 71-72. URL: <http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=5679> (дата звернення: 29.03.2020).
10. Шкаратан О.И. Парадоксы советской урбанизации // Судьбы современного города. М.: Институт социологии АН СССР, 1990, с. 356.
11. Яницкий О.Н. Экологическая перспектива города. М.: Мысль, 1987, 278 с.

Наукове видання

VIII
УЙОМОВСЬКІ
ЧИТАННЯ
(2020)

Матеріали
Наукових читань пам'яті Авеніра Уйомова

(українською та російською мовами)

Комп'ютерна верстка й оригінал-макет – К. В. Райхерт

Формат 60x84/16. Гарнітура Century Schoolbook.
Ум.-друк. арк. 6,51.